Джон Кристофер - Рваный край

I

Популярная газета назвала это "трясущейся весной".

Первая катастрофа - в Новой Зеландии - унесла тридцать тысяч жизней, сильно разрушив Крайстчерч и совершенно уничтожив Данидин. Две недели спустя на Малайю и Северное Борнео обрушились приливные волны, а в Южно-Китайском море с паром и дымом поднялась новая вулканическая цепь. В Боливийских Андах произошло сильнейшее землетрясение, а более слабое - на Ямайке. Россия сообщила о землетрясении в Туркмении, а в Китае, по сообщениям сейсмологов, вскоре разрушительное землетрясение случилось в Тибете.

Впрочем, беспокоившие Мэтью Коттера капризы природы были более обычными и близкими. Серия холодных фронтов прокатилась с Атлантического океана, вызвав на острове шквальные ветры и необычно холодный дождь. Это было самое главное время года, когда ранние помидоры вырастали в пригодные для употребления плоды, и расход горючего на поддержание в теплицах нужной температуры приводил в отчаяние. Настроение Мэтью не улучшилось, когда в последующие недели шквальные ветры разбили стекло в теплицах. В конце второй недели, проведя целый день за починкой парников, он со смешанным чувством вспомнил, что его пригласили на ужин Карвардины. Готовить себе ужин не хотелось, но перспектива костюма и хороших манер тоже не прельщала.

Карвардины жили в нескольких милях от него, в Форесте.

Джон Карвардин, которому шел шестой деесяток, 5 лет назад оставил свою работу геолога в одной из средневосточных нефтяных компаний. У них с Мэтью были приятельские отношения: раз или два в неделю они играли в бильярд в клубе. Конечно, Карвардины - гостеприимные хозяева, но одно это не объясняет их настойчивого внимания к одинокому мужчине. Как он и ожидал, синий автомобиль Мэг Этвелл стоял перед домом, когда он подъехал.

Мэг Этвелл и Сильвия Карвардан были давними подругами; главным образом из-за этого Карварданы и переехали на Гернси. Одного возраста - Сильвия на добрых двадцать лет моложе мужа, - с сангвиническим темпераментом и хорошим характером. Но физически они были противоположностью друг друга: Сильвия маленькая, светловолосая и полная, а Мэг высокая, темная, с пружинистой походкой. Она была замужем за адвокатом, который умер три года назад, оставив ее с двумя детьми. Привлекательная и неглупая, она, несомненно, стала бы хорошей женой для разведенного фермера, чья дочь выросла и уехала на большую землю. Сильвия была тактична, не указывая на очевидное, но постоянно сводила их, чтобы они сами осознали разумность такого исхода. Мэтью казалось, что в таких случаях он замечал смешливые огоньки во взгляде Мэг. Он полагал, что если бы отнесся к этому делу серьезно, она последовала бы его примеру, но пока это ее не занимало. Похоже, она вполне довольна своей жизнью, домом и детьми.

В камине гостиной пылал огонь. Климат после штормов - это единственный недостаток, который Карвардины обнаружили на

острове. Джон налил приятелю крепкого виски, а Сильвия спроси-
ла его о Джейн. Она сказала, как говорила не раз и раньше, что
он должен чувствовать себя одиноко без дочери.
Мэтью согласился. "Но она часто пишет письма и звонит
каждую неделю. И для нее хорошо, что она уехала."
Мэг сказала: "Да, это очень важно, я думаю. Прекрасное
место для детей, но для старших мало возможностей. Я уверена,
что после школы мои тоже уедут на большую землю, даже если не
захотят учиться в университете."
Ее сыну было 16 лет, а дочери 12, красивые и послушные
дети.
Сильвия сказала: "Я думаю, тебе придется хуже, чем Мэтью.
У него есть еще теплицы. Для женщины пустой дом еще более
пуст."
Мэг резко ответила: "Меня это не волнует. Если поискать,
можно найти множество занятий. Не думаю, чтобы у меня было
время для скуки."
Она говорила честно, не пытаясь произвести впечатление, и
это нравилось Мэтью. Он снова увидел, что она прекрасная жен-
щина и план Сильвии вполне разумен. Но он сомневался, что ког-
да-нибудь серьезно будет в нем участвовать. Он вполне до-
волен своей жизнью.
Сильвия хорошо готовила. Вначале она подала наваристый
суп с омаром, затем тушеное мясо с сельдереем, весенней ого-
родной зеленью и картофельным пюре. Они пили кларет, который
Джон закупал бочонками. Далее пирог со сливами, сбережен-
ными с предыдущего лета, и кофе у огня. Все очень приятно,

комфортабельно и точно соответствует месту и времени, подумал Мэтью. Обсуждали мировые катастрофы. До запада начали доходить слухи, главным образом через Гонконг, что последнее землетрясение было даже гораздо разрушительнее, чем в Новой Зеландии.

Сильвия сказала: "Не понимаю, почему китайцы молчат об этом. Землетрясения нельзя стыдиться. Это ведь не результат неправильного социального планирования".

- Вероятно, привычка, - предположил Мэтью. - И нежелание признавать любую слабость.

Мэг кивнула. "Должно быть, ужасно обнаружить, что земля под ногами не прочна. И ведь землетрясений произошло так много. Могут они быть здесь?"

Она смотрела на Джона. Тот сказал: "Это маловероятно."

- Почему? Потому что в прошлом здесь не было землетрясений?

- Вообще-то да. Землетрясения происходят в двух особых районах: в большом круге Тихого океана и вдоль оси Альпы-Гималаи. Это районы нестабильности. Они далеко отсюда.

- Лет десять назад здесь было небольшое землетрясение, - сказала Мэг. - Я помню, как проснулась от него. Элен спала в детской кроватке, и вначале я решила, что она трясет прутья, и только потом поняла, что дрожит весь дом.

- Три-четыре балла по шкале Меркалли, - сказал Джон. - Изредка и здесь бывают небольшие толчки. В Шотландии есть место, в котором они происходят часто. Но ничего серьезного.

- А что такое шкала Меркалли? - спросил Мэтью. - Что-ни-

будь вроде Бофорта?

- Да. Во всяком случае в ней тоже 12 баллов. Землетрясе-
ние в один балл ощутимо лишь точными инструментами. 10 баллов
- разрушительное, 11 - катастрофическое, 12 - опустошающее,
когда все сравнивается с землей. В Новой Зеландии было 11 бал-
лов.

- 35 тысяч погибших, - сказала Мэг. - Я думала, это
опустошающее землетрясение.

- А что вызывает землетрясение? - спросила Сильвия. - Я
этого никогда не понимала.

- И сейчас не поймешь, - ответил ее муж. - Большинство
возникает из-за скольжения вдоль разрывов, а сами разрывы -
следствия напряжений, накапливающихся в течение тысячелетий.
Два района, о которых я говорил, нестабильны, потому что они -
остатки последнего периода горообразования, а он происходил
очень давно. Земля все еще оседает.

- Но ведь их так много в последнее время, - сказала Силь-
вия.

- Не думаю, чтобы это что-нибудь значило. Совпадение, ве-
роятно.

Мэг сказала: "А что, если снова начнется горообразование?
Жизнь тогда станет неудобной, вероятно?"

- Очень. Впрочем, я не вижу для этого никакой причины.
Опасаться нечего. Последние землетрясения, конечно, ужасны для
тех бедняг, но с глобальной точки зрения они мало что значат.
Одна-две морщины на кожуре апельсина - апельсин огромный, а
морщинки крошечные.

- Хотите еще кофе? - спросила Сильвия. - Ну, пока наш кусочек апельсина не сморщивается. Будет ужасно, если он начнет это делать. Особенно для Мэтью.

- Для меня? - он улыбнулся. - А, вы имеете в виду стекло. Должен сказать, что дела и без землетрясений идут плохо.

- Думаю, что какой-нибудь шок в том, что касается Мэтью, был бы полезен, - сказала Сильвия. - Он слишком самодоволен.

- Больше равнодушен, - заметила Мэг.

Женщины с улыбкой смотрели на него.

Джон сказал: "Они над вами смеются, Мэтью. Добавьте в кофе бренди."

Возвращаясь домой, Мэтью решил, что вечер был приятный и что приятно также возвращаться к себе. Конечно, было бы лучше, если бы с ним была Джейн, но ее уход он воспринимал как неизбежное. Он заранее готовил себя к этому. Мэтью любил ее и поэтому разрешил уехать, даже слегка побуждал к этому. По обычным стандартам, он в своей жизни знал лишь немного людей, а любил только ее одну. И ради нее готов был ее потерять. Она скоро выйдет замуж, а он не собирался снова вступать с кем-нибудь в контакт. Не самодовольный, подумал он, а просто смирившийся. У него есть независимость и воспоминания о лучших временах. Немногие имеют столько.

Свернув к обочине, чтобы объехать бегущего иноходью ежа, он обдумывал обвинение в равнодушии. Он знал, что более обособлен от людей, чем другие. Конечно, объяснялось это личными причинами. Счастливое детство, которое кончилось в пять

лет со смертью матери. Первое событие, которое он хорошо помнил, это похороны матери. Сама она оставалась туманным образом с теплым смеющимся лицом и успокаивающими руками. Он помнил кухтанье тетушек и священника с его непонятной молитвой. А потом холодная зима и миссис Лорринс, приглядывающая за домом, в котором отец проводил все меньше и меньше времени. Весной произошла перемена: отец весело насвистывал перед завтраком, смеялся по вечерам и даже приходил к нему перед сном. Летом появилась мисс Арунден, которая стала тетей Элен и которая - он понял это раньше, чем ему сказали, - скоро станет его мамой. Высокая женщина с холодными тонкими пальцами и теплым ароматным дыханием.

После свадьбы переезд в Северный Уэльс, на родину Элен.

Мэтью решил, что эта местность прекрасна, но резка и недружественна, в отличие от его родного Кента. В последующие годы он привык к этому месту и даже полюбил его. Появились дети: Анжела, Родни и Мэри, родившаяся, когда Мэтью было 12. На следующий год Мэтью уехал в школу, а из школы - в армию. Осенью началась война. Его контакты с семьей стали короткими и редкими, а после смерти отца - Мэтью в это время, в 1944 г., находился во Франции - совсем прекратились.

Демобилизовавшись, он поселился в Лондоне и сменил несколько не слишком хорошо оплачиваемых журналистских мест. И женился на Фелисити, коллеге по первому месту. Оглядываясь назад, трудно было понять, что двигало ими обоими. После нескольких месяцев он решил, что брак их долго не продержится, но он продержался 12 лет. Только тогда она оставила его ради

другого, более преуспевающего журналиста, и взяла с собой Патрика. Патрик с самого начала во всех отношениях был сыном Фелисити. Мэтью испытал облегчение и радость от того, что сохранил Джейн.

Во время бракоразводного процесса он получил наследство от дяди. Оно оказалось значительнее, чем он ожидал: тысячи вместо сотен. На каникулы он вместе с Джейн отправился на острова в проливе и понял, что ему не к чему возвращаться. На Гернси он нашел то, что ему было нужно: 15 сотен футов стеклянных парников и дом у холма. Два дня спустя после покупки дома он расстался со своей журналистской работой.

И за плохими годами последовали хорошие. На сегодня их уже девять. Джейн закончила школу на острове, а потом уехала в Лондонский университет. Со своей стороны, он в начале своего фермерского пути делал грубые ошибки и испытал неприятности от капризов погоды, но в целом скромно процветал. Подлинных друзей у него не было, но работа ему нравилась, а чтение, игра в бильярд в клубе и стаканчик виски давали необходимое расслабление.

Конечно, он доволен жизнью. Равнодушен? Что ж, он знал ограниченность человеческого счастья и те наказания, которые следуют за страстью. Ставя автомобиль в гараж, он признался себе, что ему чертовски недостает дочери. Но он благодарен за то, что было и что осталось. И не будет неосторожно рисковать своим положением.

В следующую неделю погода улучшилась. По-прежнему шли

дожди, но температура поднялась на 10 градусов и между дождями солнце светило так ярко, что Мэтью смог выключить бойлеры. Цены на Ковент Гарден сохранялись высокие, а новое удобрение, которое уговаривала его купить компания, оправдало свою стоимость. Плоды приобрели хороший цвет. Датские фермеры, видимо, сосредоточили свои усилия на немецком рынке. Пожалуй, год будет хороший.

В пятницу позвонила Джейн. Оператор спросил: "Вы оплатите вызов мисс Джейн Картер? - и Мэтью ответил: "Конечно, соедините нас."

Голос ее звучал весело, она слегка задыхалась. Мэтью спросил, не бежала ли она.

- Нет, папа. Просто быстро шла. Я на Чаринг Кросс по пути к тете Мэри.

Мэри, младшая из его сводных сестер, была единственным членом семьи, с которым он поддерживал связь. В последние годы его брака она пробовала карьеру актрисы в Лондоне и несколько раз бывала у них в мрачной квартире с высоким потолком на Кромвел Роуд. Хотя она этого не говорила, Мэтью знал, что она не любит Фелисити и симпатизирует ему. Она любила Джейн, которая после поступления в университет несколько раз гостила у нее. 6 лет назад Мэри вышла замуж за фермера из Восточного Сассекса. Детей у нее не было.

- Это хорошо,- сказал Мэтью. - Гораздо лучше, чем уик-энд в Лондоне.

- Боже, конечно. Один из наших парней пишет роман - ну, знаешь, о здешней жизни. Он не мог придумать название, и Майк

предложил "Воскресение педераста". Ужасно, правда...

Мэтью рассмеялся. "Как Майк?"

Этот студент-химик довольно часто, хотя и невинно начал фигурировать в рассказах дочери об университетской жизни.

- О, прекрасно!

- А работа?

- Отвратительно, дорогой. Как твои помидоры?

- Не могу жаловаться.

- Значит, очень хорошо. Может, все же удастся зимой съездить в горы?

- Поезжай,если хочешь. Я не поеду.

--Поедешь. Хотя бы просто чтобы посидеть и выпить в компании. Ты становишься слишком скучен на твоем острове.

Он был доволен ее настойчивостью и сказал насмешливо; "Так говорит космополит. К среднему возрасту поневоле становишься немного скучен".

- Не станешь, пока есть я. Дядя Гарри встретит меня у Сен-Леонарда. В новом "ягуаре". Как ты думаешь, он позволит мне править?

- Нет. И ты не должна просить его.

- А что тут такого?

- Я позвоню Гарри и предупрежу его.

- Не надо. Дьявольщина! Гудки.

- Я могу заказать еще три минуты.

- Дорогой, не могу. Поезд уходит в два. Я позвоню утром.

- Хорошо. До свиданья, девочка.

- До свиданья.

Мэтью приготовил себе ужин - запеканку со свининой, с час посмотрел телевизор и, в последний раз обойдя теплицы, лег рано в постель. Он немного почитал и легко заснул. Его разбудил собачий лай, он сел и зажег свет.

Он держал несколько десятков кур, чтобы иметь свежие яйца, и собака повадилась беспокоить их по ночам. Очевидно, это маленькая собака, она пробиралась через изгородь и сгоняла кур с насеста. Однажды ночью Мэтью встал и слышал, как собака убежала с его приближением. Это было с неделю назад, и с тех пор он держал в спальне дробовик. Он лишь пугнет собаку.

Мэтью надел брюки и куртку поверх пижамы, натянул носки и ботинки. Потом зарядил ружье и, прихватив фонарик, быстро пошел в направлении курятника.

Ночь была ясная и прохладная, небо безоблачное, луна в первой четверти, большая арка Млечного Пути лила с неба мягкий свет. Мэтью снова услышал собаку на тропинке и сразу остановился. Она не лаяла, а выла, и Мэтью понял, что куры тут ни при чем. Похоже, это колли с фермы Марти. Но и куры беспокоились. Они нервно кудахтали, а в это время ночи такие звуки очень необычны. Мэтью крепче сжал ружье и пошел дальше.

Он слышал теперь и другие звуки в неподвижном воздухе.

Вторая собака поддержала первую, а где-то вдали послышался вой третьей. Мычали коровы. А вот крик, отвратительный и раздирающий уши даже на расстоянии в четверть мили, одного из ослов мисс Люси. В этих обычных звуках чудился какой-то ужас - в не-

обычно спокойную ночь, без ветерка, в мирные предутренние часы. Потом послышался еще один звук, знакомый, но теперь самый странный из всех. Щебетанье птиц, просыпающихся после сна. Сначала одна, потом другая, все больше и больше, и наконец Мэтью почувствовал, что все птицы на острове проснулись и беспокойно кричат. Он снова остановился рядом с зарослями бамбука в конце своего огорода.

Затем после мгновенной едва ощутимой дрожи земля под ним поднялась, подбросила его, как крысу, снова поднялась и швырнула его в воздух.

2

Мэтью чувствовал, как стебли бамбука бьют его по лицу и по телу, и инстинктивно ухватился за них. Земля опустилась, и он начал сползать вниз, но тут земля поднялась вновь, и звезды на небе начали сумасшедшее вращение. На этот раз его глубоко забросило в бамбук, левая нога и плечо оказались крепко зажатыми между стеблями.

После первого толчка наступила режущая уши тишина. После второго послышался шум, раздирающий барабанные перепонки; перед ним меркло воспоминание о бомбардировках. Мэтью смятенно подумал, что мир сорвался со своей орбиты, катится куда-то в космос. Шум замер и снова начался, когда земля поднялась в третий раз. Стебли бамбука держали цепко. Далее последовал целый ряд толчков - удар и рев, удар и рев - в каком-то отврати-

тельном ритме. Однажды ему показалось, что он слышит собачий вой, но такой слабый звук должен был потеряться в грубом крещендо раздираемой на куски и протестующей земли.

Новый звук был иным, но в том же гигантском масштабе. Он прозвучал во время отлива одной из ударных волн, и Мэтью понял, что уже давно, не осознавая, слышит его. Это был вой ветра и гром лавины, смешанные с грохотом морского шторма. Этот звук взлетал высоко, до пределов слышимости, и снова спускался. Но, спускаясь, он менял свою высоту, как свисток поезда, проносящегося мимо станции. Когда этот звук замер, земля снова поднялась и взревела, поднялась и взревела - страшная тема с вариациями, оркестрованная демонами, и сильный порыв ветра чуть не сорвал Мэтью с бамбукового насеста.

Он понятия не имел, сколько прошло времени до первого настоящего затишья. У него было впечатление, что удары продолжались часами, но на это нельзя было полагаться: все его чувства сильно пострадали от физических и звуковых ударов.

Один раз он слышал треск стекла, разлетающегося на тысячи кусков, но не мог понять, происходило ли это в конце или в самом начале. Но наконец он понял, что земля снова неподвижна и слышатся лишь отдаленные ее стоны и трески. Наступившая тишина была тишиной не ожидания, а истощения, тишиной после боли, конечным спокойствием. Когда он попытался высвободиться, треск бамбука громко прозвучал в ушах. Освобождаться оказалось нелегко, его зажало прочно, и к тому времени, когда это ему удалось, он вспотел в холодной ночи.

И даже когда он оказался на прочной земле, что-то было не

так. Его чувство равновесия? Он подумал, что стоит наклонно. Когда он двинулся по тропе к дому, то споткнулся и чуть не упал. Он остановился, глядя вверх. Небо не изменилось, по-прежнему яркие звезды и луна в первой четверти. И тут Мэтью понял, что не так. Раньше земля была ровной. Теперь она поднималась к западу, в сторону теплиц.

Это открытие ошеломило его. Он знал, что произошло землетрясение, серия землетрясений чрезвычайной силы. Он знал, что теплицы его разбиты, и ожидал, что дом тоже будет сильно поврежден. Но тут сама земля изменила форму!

Во время первого толчка он выронил фонарик (выключив его предварительно, так как не хотел спугнуть собаку, вспомнил он с сухим удивлением). Мэтью оглянулся в поисках фонаря, но его не было видно, и он отказался от поисков. Вместо этого он пошел в сторону дома. Света было достаточно, чтобы разглядеть тропу. Можно ли отсюда увидеть дом? Он сделал несколько шагов, потом остановился. Потом снова пошел, но гораздо медленней. Лунный и звездный свет освещал груду развалин. Развалины покрывали значительную площадь, но почти не поднимались в высоту. Выше всех стояла дверь, почему-то не упавшая, и из разбитых кирпичей торчала телеантенна. Мэтью смотрел на все это, когда новый толчок бросил его на землю.

Он был не такой сильный, как предыдущие, а следующий - когда он поднялся на ноги - еще слабее, так что он лишь пошатнулся, но не упал. В то же время Мэтью ощутил гораздо больший страх, может быть, потому что прошел первоначальный шок и он мог размышлять более ясно. Бамбук защитил его и сделает это

снова. Другого убежища нет.

Он вернулся и скорчился среди стеблей бамбука. Наломав их и уложив на землю, он изготовил нечто вроде подстилки или гнезда - не очень удобно, но лучше, чем ничего. При следующем ударе его убежище затрещало, но не развалилось. Он уселся поудобнее и стал ждать наступления утра. Часы, лежавшие на столике у кровати, теперь погребены в развалинах. Могло быть любое время между полуночью и четырьмя часами утра.

Были еще удары, но не очень сильные, и интервалы между ними становились больше. Он подумал о Джейн и обрадовался, что она далеко от острова. Около двухсот миль - более чем достаточно для безопасности. Потом стал думать о своем будущем.

Все его деньги вложены в теплицы и дом. Он попытался вспомнить, что говориться в страховом полисе о землетрясениях.

Ему все же повезло. Он жив. С холодной уверенностью он почувствовал, что большинство его соседей погибло. Не слышалось ни звука. Даже собачий вой прекратился.

На востоке небо из черного стало пурпурным, а когда поблекли звезды, голубоватым. Земля время от времени вздрагивала, но не сильно, почти мягко. Мэтью, замерзший, с затекшим телом, спустился со своего насеста и потянулся.

Тропа, шедшая вдоль теплиц, вела к ферме Маржи. Стекло лежало как замерзшее озеро, отороченное, как кружевами, обломками строений. Под ним, как затонувшие водоросли, лежали раздавленные зеленые растения, местами с красными пятнами. Рядом виднелась груда обломков на месте упаковочного сарая, где лишь

накануне были подготовлены к упаковке пятьдесят подносов со спелыми помидорами. Больше четверти тонны. Мэтью отвернулся и пошел дальше.

Вид фермы Маржи оказался более шокирующим, чем вид собственного дома. Та же идиотская груда кирпичей и гранитных плит, лишь на несколько футов поднимающаяся над землей. Мэтью медленно пошел вперед. Он думал, что может кому-нибудь помочь, освободить попавшего в завал. Зрелище фермы лишило его такой надежды. Он обошел вокруг груды, не найдя даже места прежнего входа. Самые разные вещи перемешались здесь: занавески и посуда, разбитая мебель, поднятый палец торшера, раскрытая книга, придавленная куском шифера. А в центре торчала человеческая рука в протесте или мольбе. Она выглядела очень молодой и белой. Дочь, вероятно, Тесси. В конце лета она должна была выйти замуж за молодого парня из гаража. Мэтью отвернулся и ушел.

Дойдя до развалин своего дома, он понял, что замерз и проголодался. Он смотрел на груду камня и обломков дерева, пытаясь определить, где была кухня. Осторожно поднялся на развалины и увидал светлую дверцу холодильника. Он сбросил сверху несколько бревен и начал расчищать подход к дверце. Сначала шло легко, но потом все труднее и труднее. Наконец он добрался до непреодолимого препятствия - дубовая потолочная балка прижала дверцу. Он выпрямился, вспотев. Голод грыз еще сильнее из-за разочарования. Осмотревшись, он увидел пеструю этикетку консервов. Подобрал консервную банку. Франкфуртские сосиски. Джейн любила их, а он нет. Он знал, что сможет их съесть сырыми. Мэтью сухо глядел на банку в руках. Теперь нужен консерв-

ный нож.

Он вспомнил, что нож лежал в ящике кухонного шкафа. Под ногами скрипнул обломок зеленого стекла - отделка кухонного шкафа. Мэтью начал, как терьер, ворошить обломки.. Он нашел чашку, на удивление целую, но консервного ножа не было. Поиски продолжались долго, и он отказался от них, лишь когда нашел еще несколько консервных банок. Жареные бобы, спаржа и сардины. Отбросив первые две в сторону, он взялся за сардины: у них нож крепился к банке.

В саду у Мэтью стояло несколько каменных грибов - древних насестов для гернсийских ведьм. Один из них упал, но остальные устояли. Мэтью сел на гриб и осторожно вскрыл банку сардин. Он пальцами брал рыб и ел их одну за другой. Потом поднял банку и выпил масло. Машинально осмотрелся в поисках урны для банки: в своем хозяйстве он методично следил за тем, чтобы не привлекать мух. Потом вспомнил о руке, торчащей из руин фермы Маржи, и гневным движением отбросил банку.

Теперь совсем рассвело. Взошло солнце, и стало видно всю местность. Странность заключалась не только в грудах развалин на месте дома и теплиц, но и в самом наклоне земли. Впервые Мэтью осознал происшедшее. Боже, подумал он, весь остров, должно быть, изогнуло. Он увидел обрывок провода и узнал его - телефонный провод. Джейн сказала, что снова позвонит утром. Можно ли будет связаться с ней днем? Или провода оборваны на всем острове? Последнее казалось более вероятным.

Во всяком случае, оставаться здесь не было необходимости.

Для жителей фермы Маржи он ничего не мог сделать, но, может

быть, удасться помочь кому-нибудь другому. Например, Карварди-
нам. После еды он чувствовал себя лучше. Голод, вероятно, был
больше психологическим, чем реальным, - необходимость в уве-
ренности. Мэтью снова осмотрел руины. Есть ли здесь что-нибудь
полезное, такое, которое можно взять с собой без особых уси-
лий? Увидев что-то еще, он улыбнулся. Серебряный кубок, полу-
ченный за победу в боксе, когда он был младшим офицером. Гра-
бители подберут его, если только остался кто-нибудь в живых.
Ему, во всяком случае, он не нужен.
Но потом он увидел предмет, который мог оказаться полез-
ным, - ружье, воткнувшееся ложем в мягкую землю. Оно заряжено.
Он проверил предохранитель и надел ремень на плечо. Мэтью не
знал, почему, но ему казалось, что разумно взять ружье с собой.

Мэтью спускался по новому склону к светлеющему востоку.
Сохранилось несколько сотен ярдов тропы, ведущей к главной до-
роге. В конце тропы группа деревьев, вырванных с корнем, прег-
раждала путь. Ему пришлось взбираться на откос, чтобы обойти
их. Их вытянутые корни тянулись к небу на краю щели в несколь-
ко футов глубиной. Теперь Мэтью видна была пустая дорога и
остатки нескольких коттеджей. То же абсолютное разрушение, та
же тишина. Рассвело уже давно, но птиц не слышно. Что с
ними случилось? Сброшены с ветвей и разбились о землю? Или
улетели в поисках убежища на далекой безопасной земле? Или
настолько ошеломлены, что молчат? Он шел, прислушиваясь к зву-
ку собственных шагов.
Дорога была пуста: мало кто мог оказаться на ней в мо-

мент землетрясения. Она изгибалась; Мэтью пересекал дугу круга, в центре которого стоял его дом. С чувством облегчения услышал он знакомый звук - крик осла. Один из четырех ослов, которых много лет держала мисс Люси. Джейн на пути в школу кормила их кусками хлеба, торта и яблоками. Значит, есть еще жизнь. Мэтью заторопился на звук.

Дом превратился в груду камня, пыли и разбитых предметов. Мэтью мимо руин прошел к тому месту, где находились стойла, и к загону. У обрушившейся изгороди лежало тело одного осла, немного дальше виднелся второй. Мэтью по прежнему слышал ржание и прошел в поле. Оно было Г-образной формы и огорожено изгородью из терна, бузины и ив. Поле ограничивал также ручей. Увидев его, осел закричал еще громче и жалобней. Он лежал и одна нога его была подвернута под таким углом, что ясно было, что она сломана. Мэтью подошел к животному и похлопал его по голове. большие влажные глаза смотрели на

него, ослик хрипло застонал. Мэтью прижал ствол к голове животного, спустил предохранитель и нажал на курок. В тишине прозвучал выстрел, волосатая голова откинулась.

Мэтью возвращался к дороге, когда снова услышал ржание. Он повернулся и с недоверием посмотрел назад. Звук доносился не с поля, а из изгороди; взглянув туда, он увидел четвертого осла. Тот застрял в густых ветвях терновника. Вид был такой комичный, что Мэтью чуть не рассмеялся. Он перешел ручей и начал пробиваться сквозь заросли.

Осел был зажат прочно, но казался невредимым. Вероятно, его забросило сюда одним из первых толчков. Осел бился и из-за

этого еще сильнее запутался в коконе из колючих ветвей; но ко-
кон и сохранил его, как бамбук спас Мэтью. Теперь необходимо
освободить животное. Мэтью попытался растащить ветви го-
лыми руками, но лишь поцарапался. Нужно оружие - топор или
что-нибудь такое. Он подумал, что сможет найти что-нибудь в
развалинах конюшни. Мэтью, пятясь, выбрался из зарослей, и
осел ржал ему вслед. Теперь Мэтью узнал его - это была светлая
ослица, по кличке Паутинка: четыре осла были названы именами
фей Титании.

- Не волнуйся, старушка, - сказл он, - я вернусь.

Вначале поиски принесли разочарование. Типичная
гернсийская конюшня построена из тяжелых балок и гранит-
ных блоков, и Мэтью вскоре вспотел и начал задыхаться, но не
продвинулся далеко. Солнце начало жечь; вскоре было еще
несколько толчков, слабых, но достаточных, чтобы заставить его
на время искать убежища в открытой местности.

Но потом он нашел лопату. Она оказалась в хорошем состоя-
нии, с острыми краями. Он взял ее в заросли и начал рубить
ветви, с силой ударяя лезвием. Осел вначале бился, но потом
успокоился. Работа оказалась нелегкой: колючие ветви пружинили,
и лезвие часто скользило по ним. Через полчаса напряженной ра-
боты он, казалось, почти не продвинулся. Мэтью остановился и
вытер с лица пот.

Ему пришло в голову, что он неправильно тратит силы. Дру-
гим людям, возможно, необходима его помощь. Смешно тратить все
силы на то, чтобы высвободить осла из зарослей. Ослик снова
закричал. Мэтью пожал плечами, подобрал лопату и продолжил ра-

боту.

Он представления не имел, через сколько времени ему удалось освободить животное. Он высвободил последнюю ногу из держащих ее ветвей, и ослик отошел в сторону. Мэтью потрепал его по пушистой голове, по мягкому гладкому носу. Паутинка пошла к ручью и наклонила голову к воде. Мэтью понял, что тоже хочет пить. Он колебался: даже в нормальных условиях вода ручья вряд ли пригодна для питья, а теперь кто знает, чем загрязнены его воды. Впрочем, выбора не было. Мэтью наклонился рядом с ослом, набрал воду в пригоршни и начал пить.

Пока Мэтью отдыхал и думал, что делать дальше, Паутинка спокойно щипала траву в нескольких метрах от своих мертвых товарищей. Мэтью снова подумал, как бессмысленно было тратить столько времени и сил на освобождение животного, когда люди - может быть, Карвардины или Мэг Этвелл с ее детьми - могут нуждаться в помощи. Нужно как можно быстрее добраться до них. Конечно, осла придется оставить. Он вспомнил о мотке веревки, который отбросил в стороны, отыскивая конюшню, принес ее в поле и привязал Паутинку к одной из ив. Это помешает ей уйти и в то же время даст достаточно простора для того, чтобы пастись.

Дальше по дороге он снова встретил руины домов. Он стоял и звал, прислушиваясь к звукам, которые могли бы означать, что кто-то еще жив. Но никого не было. Мог ли кто-нибудь выжить в развалинах? Он вспомнил, как удар следовал за ударом в бесконечную прошлую ночь. Самое вероятное, что те, кто выжил после первого толчка, были убиты последующими. Мэтью посмотрел

в пустое небо, в котором солнце стояло уже высоко. Он искал чего-то, вначале не понимая, чего именно. Потом понял: самолеты. Остров уничтожен полностью, но ведь должна прийти помощь с большой земли? Он вспомнил, как смотрел по телевизору снятые с вертолета картины других катастроф. Сейчас они должны уже быть здесь. И если их нет, что же это значит? Только то, что разрушения затронули гораздо большее пространство, чем он думал; то, что произошло на маленьком острове, кажется неважным на фоне общей картины уничтожения.

Джейн, подумал он. Достигли ли разрушения Восточного Сассекса? Он покачал головой. Если и достигли, то не могли быть такими страшными, как здесь. Тут, должно быть, хуже всего. Здесь, на повороте, обломки домов загромоздили дорогу. Он видел торчащую из руин ногу с опухолью на большом пальце. Снова крикнул, уже не ожидая ответа.

Теперь Мэтью знал, почему он освобождал осла. Потому что не верил, что кто-нибудь, кроме него, выжил на острове. Он, конечно, продолжит поиски, но не найдет никого. Уничтожение полное.

На краю поля зрения что-то двинулось, и он быстро повернул голову. Не только он и осел. Могло выжить много мелких животных. Большая крыса остановилась, потом продолжала пробираться через груду обломков. Мэтью подобрал камень и бросил. Камень не долетел, крыса снова остановилась и села. Он почувствовал в этом вызов, подобрал еще несколько камней и направился к крысе. Та исчезла под грудой дерева и штукатурки.

С нового пункта ему стало видно еще кое-что. Она сидела

как крыса, и смотрела на него, но вызывала не гнев, а ужас и тошноту - голова старика. Глаза и рот раскрыты, застыли в крике агонии. Под головой балка, вся в засохшей крови. Мэтью наклонился, его вырвало. Звук рвоты разорвал тишину. Потом Мэтью ушел, стараясь не смотреть в ту сторону.

Дальше он мог лишь догадываться о продолжении дороги. Она терялась в руинах. Стекло, ткань, металл - игрушечный автомобиль, подставка для шляп, викторианский семейный портрет, расколотое пианино. Разбитые бутылки и сильный знакомый запах. Здесь, на углу, был трактирчик. Мэтью чуть не наткнулся на угол картонного ящика, испускавшего запах виски. Ящик был расколот, а бутылки разбиты. Все разбиты. Жаль. Кратковременное опьянение, он чувствовал, было бы предпочтительней трезвости мира, в котором он оказался.

Время от времени он останавливался и звал, и голос его глухо возвращался назад. Стена Воксбеле была разрушена, старый монастырь серой грудой виднелся вдалеке. Мэтью перебрался через щель, потом миновал сброшенную ограду и направился по вспаханному летному полю к аэропорту.

Поле наклонилось, а посадочная полоса вдобавок еще изогнулась и была разорвана глубокими трещинами. Возле одного ангара стоял самолет с переломанными крыльями, с разбитыми фюзеляжами. Мэтью смотрел на него. Для него, как и для большинства островитян в последние годы, гаванью острова, связывающей с Англией, был аэропорт. Больше самолеты не будут приземляться здесь. Можно восстановить ангары, залить трещины, но какой в этом смысл, если земля наклонена?

Стоя в середине наклонной пустоты, он закричал: "Есть здесь кто-нибудь? Я здесь. Я здесь! Есть кто живой кроме меня?" Пустота поглотила его голос. Он прошел через поле к дороге на Форест. Тут были дома, разрушенные, как и все остальные, и он держался в стороне от них. Он шел к долине Гоффре, где живут Карвардины. Жили - он не надеялся застать их живыми. Но все же, придя к тому, что осталось от их дома, он принялся за работу, отбрасывая кирпичи, штукатурку, бревна и разбивая мебель. Наконец он нашел их. Они лежали в остатках своей кровати, обнимая друг друга; должно быть, они это сделали, когда толчок разбудил и почти тут же убил их. Мэтью с несчастным видом смотрел на их тела. В воскресенье они должны были прийти к нему на выпивку - завтра утром. Он что-нибудь должен для них сделать. Может быть, выкопать могилу и похоронить. Но он устал, выбился из сил, а лопата осталась у мисс Люси. Все же он не может оставить их так. Он засыпал их разбитой штукатуркой, пока они снова не скрылись.

Он пошел без всякой определенной цели; просто был недалеко от дома, и мысль об обширности и неизменности моря привлекла его. В саду одной из развалин, мимо которой он проходил, пчелы вились на солнце, глубоко забираясь в цветы за нектаром. Цветущий куст, казалось, рос прямо из камня. Мэтью постоял немного, вслушиваясь в усыпляющее жужание. Он подумал о морских чайках. Так близко от моря обычно уже слышны их крики. Неужели они тоже улетели, как другие птицы? Мэтью считал, что они способны пережить любую катастрофу.

Поднявшись на последний холм, он с недоверием смотрел ту-

да, где должно было быть море. Он видел спутанную зелень водорослей, скалы и песок. Тут и там блестела вода, задержавшаяся в углублениях. Но голубой размах волн исчез. Затонувшая земля сохла на раннем летнем солнце.

3

Мэтью шел по береговой тропинке. Виднелось несколько мелких полосок воды - озер или прудов, - но сколько хватало глаз, морское дно обнажилось. Далеко на юго-востоке возвышался горб Джерси; вряд ли там было лучше, чем на Гернси. Мэтью вспомнил оглушительный гул, шум, вой, визг, сменивший свою высоту. Море, осушая пролив, ринулось на запад к новому уровню. Остров... Больше уже не остров. Мэтью, напрягая зрение, смотрел на север в поисках исчезнувшего блеска моря.

Наконец он отвернулся и пошел назад, в глубь острова. В голове у него было пусто и легко. Вероятно, следовало бы съесть что-нибудь: уже позднее утро, а несколько съеденных сардин он извергнул в развалинах. Но голод, который мучил его раньше, теперь совершенно исчез. То, что он испытывал, напоминало опьянение. Со смешанным чувством жалости и величия думал он о своем положении. Последний оставшийся в живых человек? Робинзон Крузо планеты Земля? Возможно. Тишина продолжалась. Небо оставалось голубым и пустым.

Он шел по полям, избегая развалин; споткнувшись обо что-то, чуть не упал. При ходьбе опирался на ружье, но

ствол углубился в землю. Мэтью отыскал щепку и прочистил ствол. При этом он с пронзительным горем думал о Джейн. Останься она на острове, конечно, она тоже умерла бы, но он хоть мог бы похоронить ее.

Он смотрел на ружье в своих руках. Один заряд он истратил, чтобы прекратить мучения раненого осла. Оставался еще один. Это очень просто. Просто и, разумеется, разумно. Какой смысл жить в склепе? На том холме, поднимающимся над высохшим безжизненным морем? Мир, подумал он и повернул ствол к себе.

Негромкий звук удержал его. Он доносился издалека. Возможно, просто оседали развалины. Но Мэтью сразу подумал о крике осла. Он вспомнил, что привязал его. Если бы животное было свободно, оно могло бы пастись и по крайней мере пережило бы лето. Сунув ружье под мышку, он снова пошел по полю.

Аэродром он пересек западнее первоначального пути. Здесь земля была разрезана и измята, как глина скульптором; в одной трещине мог целиком поместиться самолет, не задевая крыльями за края. На стенах расщелин виднелась сырая земля и камни, на дне пробивался ключ. Через сто лет, когда трава покроет обнаженность земли и пустят корни деревья, это будет прекрасное место.

Пробираясь от летного поля на дорогу, Мэтью услышал крик. Звучал крик очень слабо, и Мэтью не смог определить, откуда он доносится. Долго стоял он, прислушиваясь и ожидая. Наконец крик снова повторился, слабый, почти неразличимый; на этот раз Мэтью был уверен, что крик доносится с запада. Он пошел туда, вес время выкрикивая:

- Кто тут? Крикните, если вам нужна помощь. Я должен вас слышать. Кричите, чтобы я услышал и смог вас отыскать!

Ответа не было, и он подумал, что вообразил себе этот голос. Галлюцинации не удивительны в таком одиночестве. Он подошел к развалинам дома и смотрел на них. Как и все остальные, дом был разбит на куски. Можно ли выжить в такой катастрофе?

Но крик послышался снова, на этот раз громче. Мэтью заторопился дальше по дороге, за поворот. Тут стояли рядом три или четыре дома; теперь они превратились в единую груду развалин.

На краю этой груды Мэтью позвал: "Крикните! Покажите, где вы!"

Голос звучал приглушенно и по-девичьи. Он доносился откуда-то с дальнего конца. Мэтью начал быстро, но осторожно пробиваться туда. Если очень потревожить эту массу, она может осесть.

- Держитесь! - кричал он. - Я скоро доберусь!

Ответа не было. Он подумал: "Какая ирония, если это был предсмертный крик." Напрягаясь, Мэтью приподнял балку и увидел под ней человеческое тело. Девушка в ночной рубашке, расшитой цветами. Вот она, подумал Мэтью. Конечно, мертва. Рубашка была порвана, одна грудь выставилась наружу. Мэтью коснулся ее: холодная, совершенно холодная. Он распрямился. Значит, она не могла кричать несколько минут назад. Он снова позвал и продолжал раскопки.

Наткнувшись на маленькую ногу, он подумал, что это еще один труп, но нога оказалась теплой, и ему показалось, что он ощутил дрожь. Часть крыши обрушилась на кровать и прикрыла ее.

Поймав ребенка в ловушку, она в то же время защитила его.

Мэтью начал расчищать завал.

- Все в порядке, - говорил он. - Бояться больше нечего.

Мы это уберем мигом.

Мальчик, лет десяти, почти без сознания. Голова и лицо покрыты штукатуркой; удивительно, что он смог дышать, а не то что кричать. Руками и рукавом куртки Мэтью стер штукатурку. Он попытался поднять ребенка, но тот закричал от боли:

- Рука!..

Левая рука. Мэтью осторожно ощупал ее. Трещина, заживет быстро. Он сказал: "Все в порядке, старик. - Боль привела мальчика в сознание; он смотрел на Мэтью, продолжая стонать. - Рука слегка повреждена, но с этим мы легко справимся."

Со времени службы в армии ему не приходилось оказывать первую помощь. Немного подумав, он принялся за работу. Прижать локоть под правильным углом, ладонью внутрь. Он прижал руку; мальчик застонал, но не крикнул.

- Хорошо, - сказал Мэтью. - Можешь так подержать, пока я найду подходящую щепку?

Кусков дерева было достаточно. Он подобрал несколько подходящей длины и затупил их концы о камень. Потом оторвал от простыни полосу и обмотал палки. Прижав палки к поврежденному месту, он обмотал поверх другим куском простыни. Мальчик все время лежал тихо.

- Теперь подвесим руку, и ты готов к действиям. Как тебя зовут?

- Билли. Билли Талис. Что случилось? Взрыв?

- Гораздо больше. Землетрясение.

У него расширились глаза. "Неужели?"

Мэтью сделал повязку через плечо. Следовало бы приколоть конец бинта, но булавки все равно нет. Пока выдержит. Он спросил: "Ну как? Удобно?"

- Да. А где мама и папа? И Сильвия?

Должно быть, Сильвия - его сестра. Это ее тело он нашел сначала. Мэтью сказал: "Подожди минутку. Я сейчас. - Пошел к телу и прикрыл его. Вернувшись к мальчику, он сказал: Нужно быть крепким, малыш."

- Они умерли?

- Да.

- Я так и думал. - У него было смуглые, не поддающиеся описанию черты лица и карие, слегка раскосые глаза. - Я их звал. Долго звал, и когда никто не пришел, я подумал, что они умерли. Сильное было землетрясение?

Мэтью поднял мальчика и перенес его через развалины на открытое место. Он сказал: "Очень сильное. Сильнее не бывает. - Он посадил мальчика. - Как ты думаешь, ты сможешь идти?"

Мальчик кивнул. Он смотрел на развалины своего дома. Потом взглянул на Мэтью. "Куда мы пойдем?"

- Еще не знаю. Не было времени подумать. Ты единственный, кого я нашел в живых. Нас только двое. Нет, трое. Третий - это осел.

- Один из ослов мисс Люси? Который?

- Светло-серый. Паутинка.

- Знаю.

- Я его привязал. Нужно вернуться и посмотреть. - Мальчик стоял в одной пижаме, босиком. - Надо найти какую-нибудь одежду для тебя.

- Мне не холодно.

- Будет холодно позже. Оставайся здесь, а я поищу.

Под остатками кровати Мэтью нашел тапочки мальчика, а чуть дальше ботинок. В поисках второго ботинка он приподнял край разбитой двери и увидел тело мужчины. Лицо его было сильно разбито, вокруг множество крови. Рядом виднелось другое тело.

Сзади Билл позвал: "Мне нужно прийти помочь?"

Мэтью опустил дверь. "Нет. Я возвращаюсь."

Он взял с постели мальчика одеяла, левый тапочек и правый ботинок. Надел их мальчику на ноги.

- Вот так. Лучше, чем ничего. Одно одеяло обернем вокруг тебя, как плащ, а остальные я понесу. Ночью они тебе понадобятся.

- Где мы будем спать?

- Не знаю. Нужно держаться открытых мест. Могут быть еще толчки. - Он погладил мальчика по голове. - В ближайшие дни придется несладко.

Билли серьезно ответил: "Ничего. В августе я должен был уйти в лагерь скаутов."

- Ну, хорошо. Тогда пошли.

Они возвращались к ферме мисс Люси. Время от времени Мэтью кричал, и Билли присоединялся к нему, но ответа не было.

Мэтью беспокоило, как мальчик отнесется к виду мертвых, но когда это произошло - тело мужчины, частично прикрытое обломками, - мальчик воспринял спокойно. Мэтью постарался держаться подальше от ужасной головы.

Паутинка приветственно заржала при их приближении. Билли подбежал к ней и обнял здоровой рукой за шею. Он сказал: "Она думает, я принес ей что-нибудь. Я так часто делал."

И Джейн тоже, подумал Мэтью. Он с трудом улыбнулся. "Дай ей что-нибудь. Я хочу, чтобы ты побыл здесь и присмотрел за ней. Я пойду поищу что-нибудь полезного для нас и для нее."

- Можно мне пойти с вами?

- Не в этот раз. Оставайся здесь. С нею тебе будет веселей.

Уходя, Мэтью слышал, как мальчик разговаривал с ослом. Он понял, что нужно подумать о будущем. Нельзя оставаться на поле рядом с тремя мертвыми ослами, а тратить энергию на то, чтобы закопать их, он не собирался. Смерть была повсюду; скоро воздух пропитается запахом разложения. Одинокий мужчина с раненым мальчиком не в состоянии с этим справиться; остается только отступить. Нужно разбить лагерь на открытом месте, но в то же время недалеко от пищи. Пища - первая необходимость. Маленький универсальный магазин в конце тропы. Мэтью подошел к месту, где земля вспучилась горкой в 5-6 футов, из пригорка фантастически торчал платан. Мэтью вскарабкался. Вот эта груда кирпичей и обломков - коттеджи. Магазин в дальнем углу.

Работа оказалась тяжелой и на первых порах неблагодарной; потом ему повезло. Наткнувшись на секцию скобяных товаров, он

нашел две неповрежденные кастрюли и спички. Несколько больших пакетов со спичками были раздавлены, но нашлось и немало коробочек в хорошем состоянии. Потом кухонный нож и алюминиевый половник. И сразу за этим самая ценная находка. Картонная коробка порвана и помята, но содержимое цело. Консервный нож. Одно из тех сложных устройств, которые призваны украшать современную кухню; Мэтью даже удивился, что миссис Триквемин держала в магазине такую роскошь. Но самое главное - нож мог вскрывать банки. Теперь нужно лишь найти, что открывать.

Вначале он нашел миссис Триквемин. На лице ее было обычное выражение слабого удивления, как будто она сейчас откроет рот и скажет: "Да ведь это мистер Коттер. Чем я могу быть вам полезна сегодня?" Нижняя часть ее тела была погребена под гранитными блоками. Мэтью прикрыл ее и продолжал поиски.

Неожиданно он наткнулся на сокровище - груду консервных банок всех форм и размеров под полками, с которых они свалились. Почти все были измяты, а некоторые раскрылись, разбрызгав смесь мяса, фруктового сока, консервированного гороха, концентрированного супа и другого содержимого вокруг. Но большую часть можно было использовать. Мэтью пригоршнями относил банки к месту, где он оставил кастрюли. Для них с мальчиком хватит по крайней мере на неделю. Он продолжал раскопки. Хорошо бы найти что-нибудь для мальчика.

Большой прямоугольный предмет оказался морозильником. Передняя часть разбилась, но крышка на месте. Внутри Мэтью увидел мороженое. Мальчик будет рад. Неизвестно, когда в следующий раз придется ему попробовать мороженого. Впервые Мэтью по-

думал о длительном промежутке времени. Самолеты не появились. Похоже, мир будущего жесток, а насколько жесток, трудно сказать.

Мэтью нашел несколько полиэтиленовых пакетов с мясом и овощами. Их нужно съесть немедленно, а консервы приберечь. В следующие несколько дней нужно выкопать как можно больше консервов, а потом держаться подальше от развалин, пока тела не сгниют и земля не очистится. Сколько времени это займет? Несколько недель? Месяцев? Кто знает?

Но как же насчет следующего года? И последующих лет? На полях есть зерно. Можно вырастить картошку. Трудно будет с протеином. Мэтью вдруг понял, насколько трудно: скота нет, а с уходом моря нет и рыбы. Могли выжить кролики; крысы, вспомнил он с отвращением, несомненно выжили. Мэтью отказался от размышлений. Сосредоточимся на настоящем, а будущее само позаботится о себе.

Разбитое стекло и раздавленные сладости показали, что он добрался до нужного места. Порывшись, он нашел плитки шоколада и взял несколько для Билли. Он нашел также старый мешок, который можно использовать для переноски. Конечно, облегчение, но в то же время напоминание об огромном количестве вещей, в которых они нуждаются. Положив находки в мешок, он взвалил его на спину.

В поле он сложил из кирпичей грубую полевую кухню, потом они с Билли набрали дров и разожгли костер. В одной из кастрюль Мэтью сварил мясо с горохом и кукурузой. Когда оно было готово, он набрал немного в другую кастрюлю, поставил ее нена-

долго в ручей, чтобы охладить, и дал мальчику половник в качестве ложки.

Мэтью спросил: "Ну как? Есть можно?"

- Вкусно.

- А как рука?

- Немного болит, но не сильно. - Он смотрел мимо Мэтью. - Смотрите!

Белая кошка пробиралась к ним по траве, очевидно, привлеченная запахом пищи. Она подошла к Мэтью, изогнула спину и потерлась о его ноги. Это была домашняя кошка, изнеженная и привыкшая к ласкам. Билли дал ей кусок мяса, она принюхалась и начала есть.

- Значит, выжили и другие, - сказал Билли.

- Не думаю, что много.

- Может, и люди?

- Маловероятно. Собаки и кошки во время землетрясения могли находиться под открытым небом и выжили.

Билли кончал еду.

Мэтью сказал: "Боюсь, пудинга не будет. Это пойдет?" - Он дал мальчику шоколад и увидел, как у того прояснилось лицо.

- Спасибо. Можно, я дам Паутинке?

- Немного. Вероятно, нескоро будет другой.

Мэтью положил себе немного варева и поел. Неплохо, хотя кукуруза не вполне разварилась. В кастрюле оставалось мясо, и он отдал его кошке. Та ела, мурлыча от удовольствия. Если выжила одна, значит, есть и другие. Они одичают, но будут размножаться. Ему не особенно нравились кошки как источник протеи-

на, но это все же лучше, чем крысы. И есть еще, несомненно, ежи. Он вспомнил, что цыгане запекают ежей в глине.

Мэтью пошел к ручью мыть посуду, когда земля под ним дви-нулась. Он услышал крик Билли и увидел, что мальчик лежит. Когда Мэтью подбежал к нему, земля снова задрожала и он лег рядом с мальчиком.

- Рука... - Лицо мальчика было искажено от боли. - Навер-ное, все в порядке, но...

- Дай-ка взглянуть. - Мэтью осторожно ощупал руку: щепки на месте. - Возьми еще шоколада.

Земля успокоилась. Он помог мальчику встать.

Билли спросил: "Теперь все время будут землетрясения?"

- После большого некоторое время бывают маленькие: земля оседает. Последний ночной толчок был сильным. Тебе нужно нау-читься падать на здоровую руку.

Разговор с мальчиком помог и ему. Каждый новый толчок вы-зывал в нем инстинктивный страх, такой же сильный, как и ночью. Если бы не мальчик, страх парализовал бы его. Хотелось свернуться в клубок, закрыть глаза и уши, забыть обо всем.

Мальчик всхлипывал, его маленькое тело дрожало.

Мэтью обнял его за плечи. "Боль скоро пройдет. Ты не съел еще шоколад..."

- Не это...

- А что?

- Кошка.

Мэтью вскочил и увидел лишь куски мяса на траве. Он спросил: "А что с кошкой? - Всхлипывания продолжались, и он не

понял, что ответил мальчик. - Спокойней."

- Она ушла... Я думал, она останется с нами, а она ушла.

Я хотел, чтоб она осталась.

Он плакал не о кошке, а о своих родителях и сестре, обо всем, что случилось после того, как он мирно отправился спать накануне вечером.

Мэтью сказал: "Она вернется. Испугалась, вот и все. Не беспокойся. Через некоторое время она успокоится и вернется."

Билли продолжал плакать, и Мэтью прижал его к себе. Он чувствовал себя жалким и одиноким; в чем-то он даже завидовал мальчику.

К вечеру Мэтью начал готовить лагерь. Необходимость быть на открытом месте столкнулась со страхом перед открытым пространством. Хотелось забиться куда-нибудь. В конце концов Мэтью направился к возвышению в углу поля. Большая часть живой породы исчезла, но несколько сохранившихся в углу кустов создавали иллюзию безопасности. Вдоль изгороди из соседнего поля тек ручей. Мэтью прошел вдоль ручья с полмили. Ручей нигде не смешивался с другими ручьями и начинался подземным ключом. Безопаснее воды на острове не могло быть.

Из своего гаража Мэтью вытащил брезент. Жесткий и потрескавшийся, он все же давал защиту от дождя. Не в том дело, что собирался дождь; наоборот, день был тих и спокоен - мирный золотой летний день. Мэтью привязал концы брезента к колышкам, вбитым в землю, сделав наклонную крышу и подвязав по бокам одеяла. В конце концов он получил квадратное сооружение, похо-

жее на палатку, в котором они вдвоем помещались очень удобно. Из руин дома Люси он вытащил несколько матрацев и с помощью Паутинки привез их на поле. Добывая матрацы, он нашел тело мисс Люси и, прикрыв его, поставил сверху кусок дерева, чтобы обозначить место. Он решил и будущем поступать так, чтобы не натыкаться на тела в дальнейших раскопках.

Свет поблек, солнце садилось на безоблачном небе. Мэтью сварил еще одну похлебку из размороженных продуктов, а потом открыл банку с персиками. Днем он нашел ложки; он продолжал пополнять запасы необходимых продуктов. Хорошо бы сварить кофе, но пока его не было. И сигареты. Мэтью не был заядлым курильщиком, но сейчас сигарета не помешала бы.

Их палатка выходила входным отверстием на юг. Когда они ложились, совсем стемнело и они видели звездное небо. Горизонт слабо светился. Во Франции? Горящий город или новый вулкан? Последнее казалось более вероятным. Здесь ни следа огня; вероятно, последовательные толчки погасили начинавшиеся пожары.

- Как ты, Билли?

- Хорошо, мистер Коттер. - Пауза. - Она не вернулась?

- Кошка? Дай ей время. Мы ее найдем. Спи, Билли.

Мэтью долго лежал без сна. Подъем, который он испытывал после находки мальчика, прошел. Угнетенный и несчастный, смотрел Мэтью на зарево на горизонте. Интенсивность его менялась, оно разгоралось и гасло. Так может выглядеть огонь вулкана, но и пылающий город. Мэтью пытался почувствовать что-то по отношению к миллионам погибших или еще страдающих. Но ничего не чувствовал. Ни к кому не было жалости. За одним исключением.

Ему снилось, что все происходит снова. Дрожит земля, ру-
шатся дома, воет отсупающее море. И сквозь весь этот шум он
слышит голос Джейн, зовущий ее. Проснувшись в холодном поту,
он обнаружил, что земля действительно дрожит, но это была сла-
бая дрожь, к которой они уже привыкли. Билли спал. Мэтью лежал
без сна, вспоминая крик дочери.

4

Рано утром сильный толчок разбудил их обоих. Он
продолжался с полминуты, и в поле испуганно заржала Паутинка.
Мэтью взял мальчика за руку.
- Спокойно. Спокойно, старик. Уже кончилось.
Было темно, но он разглядел, что лицо у Билли
побледнело. Мальчик сказал: "Я думал, все началось снова".
- Ничего подобного. Уже все. Видишь? Как рука?
- Затекла. Но не болит.
- Хорошо. - Мэтью выполз из-под одеяла. - Теперь, после
этого будильника, нужно поработать. Я приготовлю что-нибудь
на завтрак, а потом пойду за добычей. За следующие несколько
дней хочу запасти как можно больше.
Билли тоже сле. "Я пойду с вами".
- Не нужно.
- Но я хочу. - Он колебался. -- Я не могу оставаться один.
- Ну, ладно. Сможешь умыться одной рукой?
С вечера Мэтью занес растопку; клочки бумаги и обломки

дерева - в палатку; теперь он вынес их и начал разводить костер. Звезды исчезли, луна побледнела. С востока дул свежий ветерок. Успокоившийся осел щипал росистую траву. Мэтью открыл банку со свиными сосисками и разогрел ее. Сосиски они выложили на обломки дерева и поели. Мэтью вспомнил о недавнем вечере, коктейлях, маленьких сосисках на серебряной тарелке, вспомнил атмосферу легкой болтовни и безвкусной роскоши. Лишь десять дней назад? Не может быть!

Они привязали Паутинку на новом месте - на лугу, трава почти созрела для косьбы -- и вышли. В качестве первого объекта Мэтью наметил порт Сен-Пьер. Он, очевидно, сильно разрушен, но если добраться до магазинов, они снабдят всем необходимым. Он подумал, как лучше добраться до города, и решил, что самый хороший путь лежит по югу, через Вал-де-Террес. Туда они могли дойти по открытой местности, не пробираясь через развалины, а потом, спустившись с холма, войти в город со стороны Эспланады. Мэтью наметил несколько первоочередных целей: аптека, скобяные товары, пища, обувь. Взять как можно больше и спрятать в тайники. Позже перенести с помощью Паутинки.

Проходя мимо развалин, они, как и раньше, кричали, но не ожидали ответа. Им встретились три собаки и несколько кошек, но той, что приходила к ним накануне, не было. Попадались странные картины. В одном месте устояла стена в восемь футов высотой, в другом телевизор, по-видимому, неповрежденный, смотрел на них пустым экраном с небольшой пирамиды обломков. Были и неприятные. Мужчина, наполовину высунувшийся из окна,

когда дом рухнул и придавил его. Окровавленная рука, лежащая на траве, как отрубленная ветка дерева. Ребенок, мертвый, но нетронутый; впрочем, подойдя ближе, Мэтью увидел, что ночью тут уже поработали крысы. Он отвернулся, подавляя рвоту, и постарался сделать так, чтобы мальчик не видел этого.

Мэтью сделал небольшой крюк, чтобы побывать у дома Мэг Эшвелл. Дом стоял в углублении, окруженный большим садом. Лужайку пересекала глубокая трещина, проходя и через дом. Разрушения были так велики, что не оставалось никакой надежды на то, что кто-нибудь мог выжить. Мэтью некоторое время смотрел на развалины, но не стал звать.

Билли наконец спросил; "Здесь жили ваши знакомые, мистер Коттер?"

- Да. - Мэтью отвернулся, не желая нарушать солнечную тишину. - Идем.

Они поднялись на холм к груде кирпичей - прежнему ограждению Форт-роуд. Отсюда открывался красивейший вид на острове: мыс Форт-Джордж, зеленый и лесистый, справа, впереди море с другими островами: Гермом, Джегу и более отдаленным Сарком. В хорошие дни можно было разглядеть Олдержи, его утесы ярко блестели на солнце. И город внизу, опускающийся террасами к воде и гавани.

Вначале он увидел острова. Они стояли на месте, но больше не были островами. Между ними и вокруг них простирались скалы, песок и высыхающие водоросли морского дна. Посреди пролива на поднявшейся мели торчал переломанный грузовой корабль. Ближе обрушившийся замок Корне. Остатки стен на скалистой возвышен-

ности казались обломками зубов. А еще ближе...

Он ожидал полного разрушения, пустыни из проломанных кирпичей и камней. Но действительность превосходила все ожидания и ошеломила его. Город полностью исчез. Там, где стояли дома и магазины, виднелась лишь голая земля и скалы, обнажившиеся впервые за историческое время. Остались лишь еле заметные очертания набережной и гавани. В этом месте пнем торчал один из больших кранов. Присмотревшись, Мэтью увидел, что дно Рассела на всем протяжении загромождено обломками. Если раньше на острове он видел развалины, то тут было полное уничтожение.

Билли стоял за ним. Он негромко спросил:"Что это сделало?"

-Море.

-Это все?

-Как стена, - сказал Мэтью, отчасти самому себе. - Молот, чугунная баба, бульдозер. Боже! А я думал, что тут может что-нибудь гореть.

Они молча смотрели вниз. Виден был путь, по которому гигантским молотом между холмами прошла вода, обрушившаяся на город.

Билли сказал:"Мы пойдем вниз, мистер Коттер?"

Он покачал головой. "Не сейчас."

И продолжал смотреть, пытаясь привести в согласие то, что видел и что помнил.

Билли отвернулся. Вдруг он сказал:"Мистер Коттер!"

-Да, Билли?

-Человек.

Мэтью быстро повернулся. Не более чем в 50 ярдах к ним

приближался мужчина. Лет шестидесяти, но его вид не позволял точно определить возраст. Ноги у него голые, черные от грязи, одет он лишь в изорванную пижаму из красного ситца. Длинное худое лицо все в синяках, волосы покрыты грязью. Руки ободраны и окровавлены. Самое странное, что он приближался без слов, как будто не видя их.

Мэтью подумал, что он ослеп, но потом заметил, что тот движется по неровной поверхности уверенно.

Тогда Мэтью крикнул:"Вы тоже выжили! Откуда вы?"

Человек не ответил. Он направлялся не к ним, а к месту в нескольких ярдах от них. Остановившись, он посмотрел на стертые скалы, на которых стоял прежде город.

-Бог посмотрел на них. -У него был нормальный голос образованного человека. - Святые и пророки предупреждали их, но они не вняли. И вот ночью господь взглянул на них и заплакал из-за их пороков. Слезы его как молнии, а вздох как буря.

Мэтью сказал:"Вам несладко пришлось. Ели что-нибудь после этого? Пойдемте с нами, мы вас накормим."

Он подошел к человеку и взял его за руку. Тот не отрывал взгляда от сцены внизу.

- Вот там, - сказал он. - Там они жили. Там они ели и пили, лгали и сплетничали, танцевали, играли и прелюбодействовали. И в секунду, в мгновение божьего ока, были стерты с лица земли.

-Вам нужно поесть,- сказал Мэтью. - Идемте с нами.

Он крепче взял человека за руку, тот вырвался и впервые посмотрел на Мэтью.

- Но почему я пощажен? Я тоже лгал и суесловил, я жаждал, чревоугодничал и богохульствовал. Почему ужасная месть миновала меня?

Не безумие его отвратительно,подумал Метью, а самопоглощенность. Впрочем, было ли безумие? Почему такая мелодрама, нота фальши в голосе. Я ничего не могу сделать для него, а мальчику не стоит это слушать. Он негромко сказал:"Нам нужно идти, Билли. Оставаться незачем".

Билли, который и так попятился, охотно кивнул. Они пошли.

- Подождите! - крикнул им вслед человек.

Мэтью повернулся.

Человек сделал шаг в их направлении. "Я должен исповедаться в своих грехах,- сказал он.- Прежде чем господь взглянет снова, я должен исповедаться".

- Исповедуйтесь господу, - ответил Мэтью. - Я не священник.

Он тронул Билли за плечо, и они пошли дальше. Сзади послышался скрежет камня, и Мэтью понял, что человек идет за ними.

- Слушайте,- говорил он, - слушайте. Я богохульствовал. Я произносил имя господа нашего всуе. Я суесловил. Занимаясь делами в Англии, я клал в свой карман деньги, принадлежавшие компании, акционерам. Я пил и не соблюдал субботу. Я вожделел к женщинам...

Он шел в десяти шагах сзади. Когда Мэтью остановился, он тоже остановился.

Мэтью сказал: "Замолчите. Мы не желаем слушать. Уходите и

найдите себе мир в другом месте".

Голос продолжал:"Вы будете слушать. - В голосе звучали капризность и мелодрама. - Вы должны слушать, чтобы я спас свою душу. Потому что я великий грешник, такой же, как те, что убиты божьим гневом. Была женщина. Теперь она умерла вместе со всеми. Рот у нее был как мед, груди как сладкие фрукты. Она посмотрела на меня и я вожделел...

Мэтью остановился и подобрал камень. "Уходите, - сказал он. - Замолчите и уходите".

Человек смотрел на Мэтью и смеялся. "Вы должны меня слушать. Я только один спасся. А теперь вы и мальчик. Вы будете слушать мою исповедь, а мальчик передаст ее грядущим поколениям. Я вожделел к этой женщине, и однажды ночью..."

Мэтью бросил камень, но промахнулся. Человек снова начал смеяться, а Мэтью подбирал камни и бросал их, чувствуя нарастающую ярость, желание калечить и убивать. Камни падали в руки и тело человека, а он продолжал смеяться. Но вот камень попал в щеку, и смех прекратился. Человек поднял руку к щеке, и пальцы его окрасились кровью. Он стоял, глядя на них.

Мэтью сказал:"Держитесь от нас подальше."

Они снова пошли. На этот раз звука шагов сзади не было. Поднявшись на вершину холма, Мэтью оглянулся. Человек стоял неподвижно.

Билли спросил:"Он сошел с ума?"

Отвращение к самому себе заполнило Мэтью. Но как справиться с безумцем в разрушенном мире? Ведь ему нужно присматривать за мальчиком. И все же - это еще один выживший, а он

бросал в него камнями. Хуже всего воспоминание той дикой ра-
дости, которая поднялась в нем при виде крови.
- Да, он сошел с ума, - ответил Мэтью. - Ты знаешь, это
не его вина. Думаю, он попал под обломки и сумел выбраться. Мы
не можем ему помочь.
Билли сказал с удовлетворением:"Вы хорошо сделали, что
прогнали его, мистер Коттер. Здорово залепили камнем!"
Он хотел что-то объяснить мальчику, но не находил слов.
А если бы нашел, была бы какая-нибудь разница между ним и этим
безумцем? Оба исповедовались бы перед не желающей слушать, не
понимающей аудиторией.
Он сказал: "Пойдем в Сент-Мартин, Билли. Там была аптека.
Посмотрим, что мы сумеем найти. К тому же там магазин скобяных
товаров и склады продовольствия. Там должно сохраниться боль-
ше, чем в порту. Да и нести оттуда вещи в лагерь ближе.
- Значит, это наш лагерь, мистер Коттер? - Мальчик помол-
чал. - Может, мне набрать камней и положить у палатки? Вдруг он
придет.
- Нет, - ответил Мэтью. - Не нужно.

Группу людей они увидели на некотором расстоянии от себя.
Их было не меньше полудюжины, некоторые копались в развалинах,
другие стояли рядом. Одновременно один из них увидел Мэтью и
мальчика и приветственно махнул рукой.
Билли схватил Мэтью за руку.
- Что, Билли?
- Они не сумасшедшие?

- Не думаю.

Мэтью думал о собственной реакции. С этого момента, как он нашел Билли, в глубине души он знал, что найдутся и другие. Это была какая-то надежда, защита от безнадежного одиночества в будущем.

Человек, которого они встретили на вершине Вал-де-Террес, убедил его в этом. Выжили и другие, и он найдет их.Будут люди, с которыми можно жить и работать. Они снимут с его плеч часть ответственности за Билли. Теперь эта надежда стала реальностью, и он удивлялся, почему не радуется. Он пошел к ним, Билли шел рядом. Мэтью чувствовал беспокойство, которое не мог объяснить самому себе.

Когда они подошли, копавшиеся в развалинах прекратили свое занятие. Всего их было семеро. Три женщины: смуглая тощая безобразная старуха лет шестидесяти, полная миловидная девушка с глуповатым лицом лет двадцати и девочка на один-два года моложе Билли. Все они были в хорошем состоянии, если не считать синяков и царапин. Из четверых мужчин один был стар, другой примерно ровесник Мэтью и двое около двадцати пяти лет. Один из молодых, тощий, с кудрявыми светлыми волосами, сидел; его правая нога была перевязана и торчала прямо. У старика голова была перевязана грязной тряпкой; похоже, у него в высокая температура. Мужчина возраста Мэтью невредим, но выглядел испуганным и нерешительным. Признаки энергии были видны только у второго молодого мужчины.Кроме него, все были одеты в разнообразные, часто не подходящие и случайные вещи. На нем же был синий комбинезон. Хотя и грязный, он придавал ему деловитый

вид. На ногах высокие кожаные сапоги. Задумчиво посмотрев на Мэтью и мальчика, он протянул руку.

Когда Мэтью пожал ее, мужчина сказал:"Меня зовут Миллер, Джо Миллер".

- Мэтью Коттер. А мальчика Билли Таллис.

Миллер провел рукой по голове Билли. "Здравствуй, Билли. Немного повредил руку, а?"

- Сломал во время землетрясения. Мистер Коттер перевязал ее.

- Хорошо сделал мистер Коттер, - и он обратил свое внимание на Мэтью. - Нам нужны полезные люди. В этих подонках мало толку. - У него были густые длинные волосы, а подбородок зарос щетиной; мощное телосложение: смотрел он на Мэтью спокойными серыми глазами. - Я рад, что появился кто-то, кто сможет справляться с делом.

Конечно, время требовало решительных людей, и Миллер, во всяком случае относительно своей группы, был таким. Он сознавал это и готов был сохранить за собой свое положение;в голосе его звучали уверенность и вызов по отношению к вновь прибывшему.

Мэтью спросил:"Есть ли другие?"

- Живые? Не видели. А вы?

- Один человек, но он... ну, немного не в себе.

- Спятил? - Миллер с презрением осмотрел своих товарищей.

- Большинство из них тоже. Мозги у них все еще мешаются от тряски. Видели город?

Мэтью кивнул. "Только что".

- Первое место, куда я направился, как только выбрался.

Что за кровавая каша! В Сент-Семпсоне то же самое. Здесь лишь единственный город с магазинами, где можно что-то найти.

- Поэтому мы и пришли сюда, - сказал Мэтью. - Я прежде всего думал об аптеке.

- Умная голова, а? - Миллер пожевал толстую нижнюю губу.

- Аптека, да, я не подумал об этом. Мы ищем еду и одежду. Но вы, конечно, правы. Нужно будет поискать бинты и лекарства. Забрать до дождей. - Он пристально взглянул на Мэтью. - Где вы переночевали?

- Поставили палатку в поле, недалеко от моего дома. У Сент-Эндрю.

- Мы остановились у залива Святых. - Он скорчил гримасу.

- Теперь, конечно, какой к черту залив! Но там удобно и далеко от вопиющих развалин. Вам лучше перенести вещи туда.

Несомненно, парень умный. Мэтью слегка кивнул.

Билли сказал:"У нас есть осел".

- Неужели? - Миллер взглянул на Мэтью. - Здоров?

- Да. Впрочем немолод. Один из тех, что держала мисс Люси.

- Пока все четыре ноги целы. Я видел несколько живых коров, но искалеченных. Мамаша Латрон, - он кивнул в сторону старухи, - говорит, что видела одну пасущуюся. Но она видела и ангелов и Иисуса Христа во славе. Вот что я вам скажу. Мы сейчас пойдем и приведем ваше животное, пока его кто-нибудь не убил.

- Кто?

- Никогда нельзя знать. Может заблудиться. - Он сказал,

обращаясь к мужчине средних лет:"Гарри, держи их здесь, пока мы не вернемся. Погляжу, много ли вы выкопаете".

- Если хочешь, можешь остаться, Билли - сказал Мэтью.

- Я лучше пойду с вами, мистер Коттер.

Миллер по-дружески приподнял его голову за подбородок. "Оставайся и присмотри за малышкой Мэнди. Ей нужно поиграть с кем-нибудь. - Мальчику не хотелось оставаться. - Иди, парень. Делай, как сказано".

Билли вопросительно посмотрел на Мэтью. Тот кивнул. Мальчик пошел к девочке.Когда Мэтью с Миллером уходили, дети неуверенно смотрели друг на друга.

- Младшее поколение, - сказал Миллер. - Люблю детей, но только послушных. И они нам понадобятся.

- Вы думаете о долговременных планах?

- Долговременные, кратковременные - точно знаю только, что прежнего не вернуть. Нужно знать, что делать, и поступать правильно. Кстати, нужно договориться об одной вещи. - Он внимательно смотрел на Мэтью из-под густых черных бровей.

- О чем именно?

- Ширли. - Мэтью не сдержал удивления. - Блондинка. Она моя. - Он помолчал, но Мэтью ничего не сказал. - Я вижу, вы много умнее этих слюнтяев, которые мне встретились. Мы сможем работать вместе. У нас нет причин ссориться, но я не хочу никаких неприятностей из-за девушки.

- Что касается меня, то их не будет, - сказал Мэтью.

- Прекрасно! - Миллер говорил уверенно, но видно было, что он испытывает облегчение. - Я хотел только, чтобы мы пони-

мали друг друга. Идемте приведем осла.

Они пообедали недалеко от раскопок. Две женщины сварили похлебку в большом тазу для варенья и разложили половником в различные сосуды: маленькие кастрюли, пустые консервные банки, жестяную коробку от кекса. Единственную целую ложку отдали Миллеру. Потом ели размороженную клубнику с консервированным кремом. Позже сидели на солнце, куря сигареты. Сигарета Мэтью была немного измята, но вкус у нее был хороший.

Утром к ним присоединился еще один человек. Звали его Де Порто, и у него было типичное гернсийское телосложение. Коротконогий и приземистый, с круглыми щеками, большим носом и слегка выступающими глазами, он был сыном фермера из Вале. Лет ему тридцать с небольшим.

Миллер, сидевший рядом с Мэтью немного в стороне от остальных, кивнул в сторону новичка. " С мужчинами у нас хорошо. Они полезны, если могут работать - только нужно заставить этих ублюдков работать. Но позже будет не так легко. Нужно больше женщин".

Мэтью понял, что он возвышен до положения помощника вождя. Он воспринял это с равнодушием, смешанным с ноткой забавы.

"Не поискать ли других выживших? - предложил он. - Вначале я думал, что уцелел только один, но теперь появляется все больше и больше. Вероятно, трудно даже при такой катастрофе полностью уничтожить сорокапятитысячное население".

- Где вы начали искать? - спросил Миллер. - Мы откопали девочку, мамашу Латрон и Энди. - Энди был парень со сломанной

ногой. - Но как знать, где копать, если не слышишь криков? А те немногие, что еще живы, должно быть, забили себе рты грязью.

- Мы можем захватить площадь побольше, - сказал Мэтью. - Растянемся как загонщики. будем кричать и слушать, не крикнут ли в ответ. - Он взглянул на солнце, горячее и невинное на безоблачном небе. - Если кто-то еще есть в завалах, они долго не продержаться.. Еда и вещи сохраняются лучше.

Миллер зажег новую сигарету от окурка и предложил еще одну Мэтью. Тот отрицательно покачал головой. Сигарет было мало, и раздавались они по норме, но у Миллера был собственный запас. Он сказал: "Думаю, вы правы. Эти выродки могут идти и слушать, даже когда не могут работать. Отложим раскопки. У нас есть припасы на несколько дней, а остальное подождет".

- Кстати, говоря о припасах, - заметил Мэтью. - Не думаю, чтобы завтра можно было использовать продукты из холодильников. Рискованно.

- Они завернуты в этот поли... как его там называют?

- Все равно, я думаю, не стоит рисковать.

Миллер выдохнул дым. "Вероятно, вы правы. - Он с улыбкой взглянул на Мэтью. - Вы мне нравитесь, Мэтти. Голова у вас работает. Хорошо хоть у кого-то сохранились мозги нетронутыми! Вы уверены, что не хотите еще закурить?"

- Нет, спасибо.

Миллер спланировал операцию. Его план заключался в том, чтобы дойти до Тортевала через Форест и вернуться через Кингз Миллз. Мэтью сомневался в возможности сразу охватить такое

пространство, но держал свои сомнения при себе. Мамашу Латрон, Энди и детей они оставили на месте. Билли возражал, но Миллер оборвал его. Мэтью подумал, что он прав. Если придется откапывать выживших, то они, несомненно, наткнутся на тех, кто не выжил. Хотя дети за последние дни привыкли к ужасам, но не нужно добавлять.

Они прошли не больше полпути до Тортевала. Первый ответ на свои крики они получили из развалин большого дома за аэропортом - женский голос, стон. Не менее часа прошло, прежде чем они добрались до нее. Все это время она непрерывно стонала, но ничего вразумительного не отвечала, когда они пытались подбодрить ее. Наконец они нашли ее под тяжелой балкой, придавившей ей бедра. Это была женщина лет тридцати, миловидная, с длинными темными спутанными волосами.Когда они начали поднимать балку, она резко закричала. После того как они подняли балку, она продолжала кричать, но не так резко.

Миллер сказал:"Что нам с ней делать?"

- Не думаю, чтобы мы могли многое сделать, - ответил Мэтью. - Несомненно, разбитый таз, вероятно, и позвоночник поврежден, и бог знает, какие внутренние повреждения. Единственное, что ей может помочь, это морфий, но у нас его нет.

- Она умирает?

- Да.

- Так я и знал. Если бы мы захватили ваше ружье... - Он с вызовом поглядел на Мэтью. - Разве что пожалеем единственный заряд. - Мэтью сказал:"Посмотрю, нельзя ли дать ей кодеина. Ни-

чего особенного, но лучше, чем ничего".

Кодеин был одним из немногих лекарств, которые они нашли в развалинах аптеки. Мэтью раздавил с полдюжины таблеток и смешал их с водой в пустой консервной банке. Женщине подняли голову, и она снова закричала. К удивлению Мэтью, она, однако, попыталась пить. Инстинктивно, вероятно, а не сознательно: через 36 часов она должна была сильно страдать от жажды. Потом ей дали немного обычной воды, и она жадно выпила. Она перестала кричать, но непрерывно стонала.

Миллер стоял в стороне. Посмотрев на женщину, он сказал:"Ничего хорошего. И мы зря тратим время. Эштон! - Так звали старика. Седовласый, высокий, склонный к полноте, он жаловался на то, что ему трудно ходить. - Оставайтесь с ней. И время от времени давайте ей глотнуть".

Он достал бутылку с джином - единственную их находку из области напитков. Миллер взял ее в свою собственность.

Он протянул бутылку Эштону. "Это лучше успокоит ее. Но не давайте слишком много и ради Христа не пролейте. Мне самому нужно будет глотнуть".

Другого выжившего они нашли в доме вблизи церкви святого Петра. Этого человека звали Малливант. Если не считать шока и сильного ушиба руки, он казался невредимым. Но из-за его семьи у них возникли затруднения. Жена и две его дочери были под обломками, и он не хотел уходить без них.

Миллер сказал:"Они мертвы. Вы не один такой. Все мы потеряли семьи. Не глупите. Мы для них ничего не сможем сделать".

- Они могут быть живы.

- Мы сорвали голосовые связки за последние часы.

- Может, без сознания.

- Они мертвы, говорю вам.

Он с отчаянием сказал:"Я вам не верю. Помогите мне вы-
копать их".

Миллер несколько мгновений смотрел на него. Потом ска-
зал:"Идемте".

Тела детей они нашли, откапывая мужчину, и покрыли их оде-
ялами с кроватей. Миллер подвел его к одному телу и откинул
одеяло. Это была девочка с сильно изуродованным лицом. Мэтью
не знал, забыл ли об этом Миллер или сознательно поступил так
жестоко, чтобы преодолеть шок.

Малливант смотрел, а Миллер спросил:"Хотите видеть дру-
гую?"

Малливант покачал головой и, наклонившись, закрыл изуро-
дованное лицо.

Миллер резко сказал:"Ладно, тогда пошли".

- Моя жена...

- Она тоже мертва.

- Но вы ведь не нашли ее тело?

Миллер смотрел на него раздраженно. Потом с нетерпеливым
жестом сказал:"Если хочется сунуть в это нос, ладно. Мы найдем
ее".

Очень скоро они отыскали и ее, молодую рыжеволосую женщи-
ну, со спокойным неповрежденным лицом, на котором известковая
пыль лежала, как белая маска. Малливант, глядя на нее, запла-
кал; рыдания сотрясали его тело.

Миллер позволил ему поплакать, потом сказал:"Закройте ее и пойдем. - Когда Малливант не ответил, он потряс его за плечо. - Вам будет лучше, если вы уйдете отсюда".

- Я не пойду, - сказал Малливант.

- Какого дьявола вы останетесь? Они умерли. Вы живы. Нужно прямо смотреть на вещи.

- Идите, - ответил Малливант. Слезы прочертили линии на его грязном лице. - Спасибо за то, что вытащили меня. Теперь все в порядке.

- Вам нужно поесть, - сказал Миллер - Вы почувствуете себя лучше после еды. И выпивка! Дадим вам немного на обратном пути. Это вас поставит на ноги.

Малливант взглянул на Мэтью, тот пожал плечами. Миллер сказал"Ладно. Это ваше дело. Мы наверху, у залива Святых. Знаете как попасть туда? - Малливант кивнул. - Приходите. - Повернувшись к остальным, Миллер продолжал: - Нам пора возвращаться. Пойдем назад севернее, другим путем".

Больше живых они не нашли, но в одном месте тело мужчины лежало в стороне от груды развалин, очевидно, бывших его домом. Мэтью подумал, что мужчину отбросило сюда толчком и убило, но Миллер поправил его.

- Посмотрите на часы, - сказал он.

Это была золотая "Омега"; как заметил теперь Мэтью, пижама на мужчине шелковая. На циферблате часов двигалась секундная стрелка. Миллер снял расстегивающийся браслет с мертвой руки и поднес часы к уху Мэтью.

- Автоматические. Все еще идут, значит, их передвигали в последние 24 часа. И взгляните на его руки, пальцы. Он выбрался из завала и только потом упал. Силен!

- Да, - сказал Мэтью. Человеку было около 50 лет. Должно быть, сердечный приступ. - Прикроем его?

- Какая разница? - Миллер надел часы на руку и с восхищением посмотрел на них. - Время дорого.

Они пришли к месту, где оставили Эштона с женщиной. Эштон сидел на обломке гранита; когда они подошли, он, не вставая, сказал:"Она умерла".

- Слава богу, - сказал Миллер. - Давайте сюда бутылку.

Он протянул руку, и Эштон после короткого колебания вернул ему бутылку. Миллер сдвинул крышку и вытер горлышко рукавом7 Потом взвесил бутылку в руке, потряс ее прислушиваясь к звуку жидкости внутри.

- Дьявольщина! Она почти пуста! - Он посмотрел на Эштона и негромко сказал. - Бутылка была почти полная. Что случилось?

- У нее были боли, она все время стонала, - беспомощно говорил Эштон. - Только этим я мог ненадолго успокоить ее. Я просто не мог стоять рядом.

- Когда она умерла? - спросил Миллер.

- Недавно, - ответил Эштон. - Четверть часа, может быть, 20 минут назад.

- Встаньте, - сказал Миллер. - Можете стоять? Давайте я вам помогу. - Он переложил бутылку в левую руку, а правой помог Эштону встать. Они были примерно одного роста. Стоя рядом со стариком, Миллер сказал: - И как давно она умерла, вы гово-

рите?

- С полчаса.

- Лжете, ублюдок! - Голос Миллера по-прежнему звучал спокойно. - Она умерла сразу после нашего ухода. Вы сами выпили джин. Сидели и сосали мой джин.

- Я только однажды глотнул. Когда понял, что она умерла. Я не мог...

- Заткнитесь! От вас несет джином. Вы даже не можете стоять прямо. - Без предупреждения он сильно ударил Эштона в челюсть, и тот, пролетев несколько футов, растянулся на щебне рядом с мертвой женщиной. Миллер подошел к нему. - Вставайте!

- Эштон застонал, но не сделал попытки встать. Тогда Миллер яростно пнул его в бок. Пнул еще дважды, потом отвернулся. И сказал Мэтью: - Ничего себе работа! Мужчина, который не может оставить свои трупы, мертвая женщина, и полбутылки джина как не бывало. Пошли домой.

Все послушно пошли за ним. Отойдя на сто ярдов, Мэтью оглянулся. Эштон встал и тащился следом.

К вечеру появились облака, но они были высоко и не угрожали дождем. Ужинали в лагере; пока готовили ужин, Мэтью отошел и постоял на вершине утеса. Глядя вниз, на песок, можно было подумать, что сейчас просто сильный отлив, и глаз продолжал искать знакомый мир волн. И находил только скалы и опустошение - лунный ландшафт. Пролив ушел навсегда.

Мэтью был не в настроении для общества и после ужина сидел в стороне от всех. Он слышал голоса, улавливал отдель-

ные фразы. Большинство снова возвращалось к землетрясению. Они снова и снова пересказывали свои ощущения, как они упали, как умудрились высвободиться. Они не могли оставить эту тему, все время вертели ее, как язык ощупывает дырочку, оставленную дантистом. Конечно, со временем они устанут от этого. Мэтью подавил чувство презрения. Нужно смотреть в глаза реальности, сказал он себе. На некоторое время, а может, и на всю жизнь, ему придется жить с этими людьми. С болью подумал он о Джейн, о ее свежести и честности. И этой реальности тоже нужно смотреть в глаза. Он заставил себя не думать о дочери. Ничего в этом нет хорошего. Даже мысль о ней вызывает боль.

Его задумчивость нарушила новая сцена насилия. Миллер ушел куда-то в скалы, а тем временем новичок, Де Порто, подсел к Ширли. Скоро он, очевидно, уговорил его прогуляться с ним. Они направлялись в сторону от жалких палаток, образующих лагерь, когда встретились с возвращвшимся Миллером. Тот не стал тратить время на разговоры и бросился на низкорослого Де Порто. Де Порто избежал удара и ударил сам. Они сцепились и покатились по земле, а девушка стояла со смешанным выражением удовольствия и страха на глуповатом толстом лице.

Миллер был значительно сильнее и гораздо искуснее;борьба кончилась тем, что Де Порто лежал, не собираясь вставать. Миллер подошел к девушке и сильно ударил ее по лицу. Та с плачем побежала к палатке, которую разделяла с Миллером, и исчезла в ней. Миллер посмотрел ей вслед и подошел к Мэтью.

- Глупая маленькая свинья, - сказал он. - Рано или поздно это пришлось бы сделать. Это мог быть и Энди, несмотря на его

сломанную ногу. Я видел, как он поглядывает на нее. Но и ей тоже должно было попасть, чтобы знала свой дом.

- И долго вы собираетесь там держать ее?

- Как держать, Мэтти?

- Не думаю, чтобы она хотела бесконечно сидеть в затворничестве.

Миллер несколько мгновений молчал. Потом сказал:"Может быть, и не бесконечно, но достаточно долго".

- Достаточно для чего?

Он с улыбкой посмотрел в сторону. "Чтобы убедиться, что у нее появиться потомство, и чтобы быть уверенным, что потомство от меня".

- А после этого?

- А после этого поглядим. Я реалист, Мэтти.В конце концов у нас шестеро мужчин на одну годную для дела женщину - ну, пусть четверо, если не считать вас и Эштона. Но сначала пусть будет ребенок.

- Вероятно, вам нужен сын?

- Клянусь господом, да!

- Сын короля Миллера Первого.

Еще одна пауза. Взгляд Миллера блуждал по пустому горизонту, по темнеющему небу. Закат был облачный, и на западе стояли столбы красного цвета. Миллер сказал:"Вы думаете, так везде?"

- Не знаю. Вероятно.

- Я тоже так считаю. Иначе были бы самолеты. Можем считать Европу уничтоженной и Америку тоже.

Мэтью вспомнил вечер у Карвардинов, спокойный дружеский разговор цивилизованных людей у огня. Он сказал:- Недавно... мы говорили о землетрясениях. О том, что Британские острова вне их зоны и тут не может случиться сильный толчок".

- Смех!

- Мой приятель говорил о том, что регионы, где происходят землетрясения, это места недавнего горообразования, такие как Альпы, Гималаи и кольцо вокруг Тихого океана. Может, здесь началось горообразование? Насколько нас подняло? Узнать невозможно. Может быть, в Норвегии или Новой Англии поднялся новый Эверест. Похоже, что мы даже отделались сравнительно легко.

- Вы думаете, возможны еще землетрясения? - Они уже привыкли к дрожи земли, но сильных толчков не было. - Я имею в виду сильные, как то.

- Кто знает? Следующие несколько месяцев я не стал бы спать в здании.

- Немного надежды его отыскать, а? - Миллер достал сигареты и предложил одну Мэтью. - Берите, пока есть. Больше не будет. В нашей жизни во всяком случае.

- Да.

Мэтью прикурил от сигареты Миллера. Мужчина примерно его возраста, которого звали

Гарри, с жадностью смотрел на сигарету. Мэтью предпочел бы отдать ему сигарету, чем быть объектом этого голодного взгляда, но пытаться сделать это бессмысленно: Миллер все равно не разрешит.

Выпуская дым в неподвижный воздух, Миллер сказал:"Хорошо,

что случилось сейчас, а не зимой".

- Да.

- Мы кое-что можем. Можем организоваться. Это дьявольски необходимо. Много пота, но дело того стоит. Лет через 20 или около того за дело возьмутся дети. - Миллер смотрел на палатку, откуда доносились звуки плача. - Клянусь господом, лучше пусть у нее будут мальчики! И первый должен быть мой. - Он крикнул в сторону палатки: - Заткнись! Заткнись, ты, глупая шлюха! - Встав, он сказал: - Думаю, надо пойти привести ее в порядок. Пока, Мэтти.

Мэтью продолжал курить. Из палатки послышался голос Миллера, звук удара, громкий вой, который постепенно стих.

Когда он кончал сигарету, подошел Билли. Он сказал:

- Мистер Коттер?

- Здравствуй, Билли. Как рука?

- Ничего. Мистер Коттер?

- Да?

- Я хотел бы, чтобы мы оставались в своем лагере.

- Это невозможно. И тут ты можешь играть с Мэнди.

Мальчик пожал плечами, но ничего не сказал. Конечно, он еще пребывал в мире до полового созревания, где нет места женщине. Это изменится. Они будут расти вдвоем и в должное время... Нет, не так просто. Время детских рассказов прошло. Девочка достигнет зрелости, когда мальчик будет еще совсем молод, чтобы претендовать на нее сексуально. Ее возьмет один из других мужчин, если не сам Миллер. От 12 до 13 лет она станет женщиной, а в последующие годы матерью. Если мечта Миллера о

мальчиках тупоумной Ширли исполнится, Билли придется ждать, пока вырастут дочери Мэнди. Это так же возможно, как и все другое. Мэтью не испытывал к такому будущему ничего, кроме равнодушия и отвращения.

Билли сказал:"Значит, мы не можем вернуться?"

- Нет. Даже если бы мы могли, нам не отдадут Паутинку.

Ребенок старался понять эти взрослые премудрости. Займет ли он со временем место Мэтью как помощника Миллера, охранника его детей, или в племени возникнет конфликт, воцарится древняя тирания жадности и ненависти? Нет, подумал Мэтью, как бы ни повернулись дела, я не желаю на это смотреть.

- Пора спать, Билли, - сказал он. - Завтра придется поработать.

5

Следующий день оказался хорошим.

Начался он с суматохи на рассвете. Проснувшись, Мэтью услышал голоса, смешивавшиеся с другими звуком, который он вначале принял за сирену в тумане. Толком не проснувшись, он выбрался из палатки, понимая, что что-то произошло. И увидел сцену, которая могла происходить в буколической комедии. Две палатки были сбиты, в них барахтались люди, стараясь высвободиться из одеял. Мамаша Латрон в фуфайке поверх ночной рубашки, в мужских серых носках, вопила, прося о помощи. А причина переполоха стояла, глядя на нее и громко выражала свое недо-

вольство. Корова.

Когда люди окончательно проснулись, положение начало прояснятся. Мамаша Латрон перестала кричать, и все стали поднимать палатки. Миллер в подштанниках и рубашке взял на себя руководство, предварительно затолкав голую Ширли назад в палатку. С жадной радостью смотрел он на корову.

- Вот это здорово! - сказал он. - Какая она красивая,

Мэтти! Я не верил этой старой карге, когда она говорила, что видела живую и невредимую корову, но, клянусь господом, она права. И корова сама пришла к ней. Может быть, она ведьма. Эй! Ты ведьма, мамаша? Следи за собой, а то мы тебя слегка поджарим.

Шутка, хотя никто не стал смеяться вслед за Миллером.

Останется ли это шуткой в будущем, подумал Мэтью. На острове боялись ведьм и имели традицию борьбы с ними.

Он сказал:"Ясно, чего она ищет. Посмотрите на ее вымя".

- Бедняга, - сказал Миллер. - Должно быть, все равно, что хочешь выпить и не можешь открыть бутылку. Ну, кто у нас призовой дояр? Как вы на этот счет, Мэтти?

Мэтью покачал головой. "Никогда этим не занимался".

В конце концов Де Порто признался, что в юности занимался доением и по приказу Миллера принялся за работу. Ему пришлось встать на колени; молоко он доил в одно из пластмассовых ведер, в которых держали воду. Вначале не шло, но постепенно он вошел в ритм. Остальные смотрели и подшучивали над ним.

- Отныне это ваша работа, Хилари, - распорядился Миллер.

- Дейзи на вашей ответственности. Да поможет вам бог, если с

нею что-нибудь случиться. Кто знает, может, мы найдем и быка.
После завтрака мужчины снова отправились на поиски выжив-
ших, на этот раз сосредоточив свое внимание на части острова
между святым Мартином и утесами. Они никого не нашли, но там,
где маленький огород был окружен рухнувшими зданиями, увидели
четырех кур, скребущихся в нагретой солнцем пыли. В углу ого-
рода лежали три свежеснесенных яйца, в другом углу еще два.
Миллер приказал Эштону собрать яйца и пригрозил ему смертель-
ным наказанием, если он потеряет или разобьет их. Кур поймали
и связали им лапы.
Миллер сказал Де Порто: "Отнесите их в лагерь, Хилари. Позже
мы сделаем для них загон. - Он задумчиво смотрел, как Де Порто
берет кур за лапы. - Нет, отставить. Вы возьмете их, Гарри. С
вами назад пойдет Эштон, отдаст яйца женщинам. Встретимся с
вами у Форт-Джорджа".
Ясно, что Миллер не доверял Де Порто даже после того, как
побил его и Ширли. Мэтью подумал, что цена воздержанности будет
дорогой. Что касается Ширли, то ее единственная защитная реак-
ция - ложиться на спину, а Де Порто - один из тех природных
развратников, которые встречаются среди низкорослых полных
мужчин.
Приближаясь к мысу Форт, они увидели сумасшедшего; веро-
ятно, он держался того небольшого пространства, где его впер-
вые встретили Мэтью и Билли. Он не подходил, удовлетворившись
выкрикиванием туманных апокалиптических фраз. Миллер, в свою
очередь, отругал его, красочно и энергично, но оставил в покое.
Миллер сказал:"Можно двинуться через Вардес. Похоже,. там

страшная мешанина, но проверить не вредно".

У каждого был мешок, в который они складывали все полез-
ное, что удавалось найти. Мэтью сосредоточился главным образом
на одежде и особенно на обуви для Билли и себя.Пройдет немало
времени, прежде чем в обществе появится сапожник. Мэтью обра-
довался, найдя две пары крепких ботинок, одну размера Билли, а
другую, до которой он вскоре дорастет. Нашел он ботинки и для
себя. Нашел и единственный сапог, на несколько размеров боль-
ше, чем нужно. Подумав немного, он прихватил его.Неуклюжий и
пока бесполезный, но есть надежда найти пару. Неважно, что са-
пог велик: всегда можно надеть лишнюю пару носков.

Но наиболее важную находку он сделал в развалинах большо-
го дома в Вардесе. Он стоял в 20-30 ярдах от остальных, роясь
в груде книг в кожаных переплетах, разбитом хрустале, раздав-
ленном дереве и кирпиче, когда заметил угол коробки и вытащил
ее из мусора. Еще не прочитав этикетку, он уже знал, что это
такое : толстый темный промасленный картон выдавал содержимое.
Калибр восемь. Две дюжины патронов.

Мэтью оглянулся. Остальные не смотрели в его сторону;
Миллер, очевидно, заметив приближающихся Де Порто и Эштона,
кричал, чтобы они поторопились. Решение нужно принимать быст-
ро. Миллер не претендовал на ружье; должно быть, не считал нуж-
ным из-за одного патрона настраивать против себя человека, на
поддержку которого рассчитывал. Но если зарядов будет боль-
ше...Мэтью не сомневался в его реакции.

С другой стороны, разве это важно? Он был уверен, что не
станет бросать вызов Миллеру, претендуя на лидерство или на

что-нибудь другое. Во всяком случае, ему не повредит, если он отдаст Миллеру патроны и ружье. Он слышал крик Миллера:"Быстрее, вы, пара ленивых педерастов! Я не разрешал вам гулять целый день!" Небо облачное, но светит солнце. Тепло, в воздухе тяжелый запах разложения и смерти.

Мэтью достал из мешка прорезиненный макинтош, найденный сегодня утром. Он тщательно завернул коробку, стараясь, чтобы был двойной защитный слой. Затем, убедившись, что на него по-прежнему не смотрят, выкопал яму в обломках, сунул туда коробку и присыпал мусором. Запомнив место, он вдобавок поставил рядом разбитый графин как памятный знак.

Они вернулись в лагерь на обед, а потом Миллер сказал, что они продолжат поиски в верхней части острова у порта святого Петра, который избежал приливной волны. Эштон возражал; он сказал, что не может ходить, что еще не нашел обуви, которая не калечила бы ему ноги.

- Собираетесь найти, отсиживая задницу? - спросил его Миллер. - Ладно, можете оставаться. Но вы должны приносить пользу. Делайте загородку для кур. Мы нашли проволочную сетку у торговца скобяным товаром. Смотрите, чтоб вышло хорошо. Я проверю, когда вернусь.

Перед выходом Эштон отвел Мэтью в сторону. Его лицо, обычно расслабленное и обвислое, выглядело еще хуже из-за двухдневной щетины; впрочем, Мэтью подумал, что сам вряд ли выглядит лучше. Эштон сказал:"Вы не поищите для меня пару, Мэтью? Десять с половиной. И широкая колодка".

Его капризность, то, как он добавил последние слова, так и подбивали Мэтью спросить:"Обычные или замшевые?" Он сказал:"Посмотрю. Размер трудный".

- У меня всегда были затруднения с обувью, даже когда я был мальчишкой.

Огромная волна пронеслась через Шаротер и ушла назад.

Они пересекли высохшее речное дно, усеянное знакомыми уже промоинами, телами людей и домашних животных, раздутыми и разлагающимися на солнце. Облегчением было взобраться на противоположную сторону и быть окруженными более нормальными формами разрушения. Идти было трудно. Обломки домов образовали щебень, который скользил под ногами. Они шли медленно, потея и ругаясь, когда время от времени кто-нибудь падал. Наконец они выбрались на открытое место. Идти стало легче. Солнце жгло, и запах смерти казался еще сильнее.

Сильный толчок, длившийся около десяти секунд, к их ужасу, обрушил груду обломков прямо перед ними. Пыль поднялась столбом. После того как дрожание прекратилось, они оставались на месте, боясь расстаться с относительно безопасным участком, на котором стояли. Мэтью не мог понять, сам ли он испугался или ему передался страх остальных, но он чувствовал сильнейшее нежелание двигаться, почти паралич. Мускулы его болели от напряжения.

Наконец Миллер сказал:"Кажется, кончилось. Можно двигаться дальше".

Гарри и Де Порто возражали. Де Порто сказал:"Единственный путь, который мне нравится, - назад. Мы достаточно искали. Жи-

вых не осталось. Это место как будто пропустили через мясмо-
рубку. Мы зря теряем время".
- Пошли! - сказал Миллер. - Двигайтесь, когда я велю!
Они продолжали стоять.
Обращаясь к Мэтью, Миллер сказал:"Мы можем повернуть на
верху Гранта! Там был склад, на который нужно взглянуть. Долж-
но быть много консервов. А вернемся через Фоултон".
Мэтью кивнул. "Разумно. Вряд ли будут еще толчки". - И он
пошел вперед, а остальные за ним. "Вы думаете, это опасно?" =
спросил Миллер.
- Вы о последнем толчке? Он сильнее предыдущих.
- Я думал о телах. - Он принюхался. - Гниют. Может быть
болезнь.
- Да, риск есть. Но еще опаснее пить воду. Ее нужно кипя-
тить
Миллер сказал:"Я велю это женщинам. И все же я не вижу
смысла в продолжении. Мало надежды найти живых".
Местность, по которой они проходили, казалась еще более
опустошенной, чем другие; в непосредственной близости Мэтью не
видел ни одного кирпича на другом. Издалека за ними молча сле-
дила собака, потом она убежала. Похоже на помесь восточноевро-
пейской овчарки.
Мэтью сказал:"О собаках придется подумать. Если мы ничего
не предпримем, они одичают и могут стать опасными".
- Ненавижу проклятых псов, - ответил Миллер. - Всегда их
не терпел. Было бы ружье, перестрелял бы их.
- Можете взять мое.

- С одним зарядом? Прибережем его. На случай мятежа.

Склад, о котором говорил Миллер, они не нашли. Не осталось никаких примет, никаких особенностей, только развалины. Время от времени они кричали, но все менее и менее охотно. Они уже собрались поворачивать назад, когда Де Порто сказал: "Что это?"

- Что? - спросил Миллер.

- Кажется, я что-то слышал. Послушайте.

Они прислушались и услышали. Слабый и приглушенный, но, несомненно, человеческий голос. Миллер взревел:"Кто тут?" - и получил немедленный ответ. Женский голос. По сигналу Миллера они разошлись и стали обыскивать местность в том направлении, откуда он доносился. Мэтью оказался на правом фланге линии. Он шел осторожно, ощупывая дорогу. Мало хорошего принесет он засыпанному человеку, если пройдет по нему.

Миллер нашел место, откуда нужно было копать, и они приступили к работе. Она была нелегкой: обломки слежались. Мэтью не понимал, как могла выжить девушка или женщина. Ответ заключался в прочном погребе с особенно крепким деревянным полом, защитившим его. В одном месте пол прогнулся, но выдержал. Лестницы, ведущие в подвал, были забиты мусором, и потребовались дальнейшие раскопки. Солнце стояло низко, когда они закончили. Миллер проделал дыру. И только тогда, среди смешанных возгласов радости и благодарности, Мэтью понял, что смущало его в голосе, доносившемся изнутри. Это был не один голос. Внизу находилось две девушки.

С помощью Миллера они выбрались наружу, пошатываясь и закрывая глаза от солнца. Грязные, взъерошенные и истощенные, они тем не менее не были ранены. Миллер дал одной из них воды в пластиковой бутылке, которую нес Гарри, а потом отобрал, чтобы она не выпила все. Тяжело дыша, она смотрела, как вторая девушка допивала воду.

Первую девушку звали Ирен, вторую Хильда. Они спали в погребе, когда произошло землетрясение. Такое желание было странным и не очень нормальным, но оно спасло им жизнь. Их припорошило известкой, обвалилась одна стена. Хильда сжимала разбитые очки и непрерывно плакала. Обеим девушкам было лет по 25.

Мэтью заметил, что когда Ирен вымоется и приведет себя в порядок, то будет весьма привлекательна.

Он подумал о Джейн, такой же оборванной, может быть, также спасенной, и его захлестнула волна горя и жалости. На мгновение он возненавидел их за то, что они живы.

В лагере они застали хаос. В результате сильного толчка мамаша Латрон снова впала в помешательство: она смотрела в небо и кричала, что видит ангелов, идущих с огненными копьями и щитами ярче бриллиантов. Энди жаловался, что его отбросило и еще больше повредило ногу. Билли разжег костер, но ужин готов не был.

Миллер спросил у Эштона:"Какого дьявола ничего не готово?"

-Я делал загон для кур. Вы мне сами сказали.

Миллер гневно поглядел на шаткое сооружение из сетки и

кусков дерева. Пнул ближайший столбик, тот упал."Ну и работа!
Где Ширли?"
- В палатке.
Миллер позвал ее, она вышла. Ширли плакала и была еще
менее привлекательна, чем всегда."Где ужин?" - спросил Миллер.
Ширли показала на мамашу Латрон:"Она не помогала. А я
испугалась землетрясения".
Миллер ударил ее, и она снова заплакала. Удар был не си-
лен, но, как заметил Мэтью, нанесен с сознательным высокомери-
ем. Он должен был произвести впечатление на новеньких, следив-
ших молча за этой сценой.
- За работу, - сказал Миллер. Обернувшись к Эштону, он
добавил: - А вы, старый бесполезный педераст, помогите ей. Мы
сами займемся загородкой, которую вы должны были сделать.

Пока мужчины занимались загородкой, а Ширли и Эштон гото-
вили ужин, Ирен и Хильда вместе с Мэнди спустились к ручью.
Вернулись они умытыми. Ирен оказалась привлекательной девушкой
с густыми черными волосами, очень красивыми, когда смылись
грязь и известь, большими карими глазами и правильными чертами
лица. В нормальном мире почти каждый мужчина бросал на такую
девушку второй взгляд, а здесь ее воздействие даже на Гарри и
старого Эштона было несомненным. Хильда, хотя и не столь прив-
лекательная - у нее были слегка выступающие вперед зубы и
подслеповатый взгляд близоруких, лишенных очков глаз, - тоже была
приятной девушкой. Ширли по сравнению с ними выглядела обыкно-
венной шлюхой, и судя по ее угнетенному виду и всхлипываниям,

она это понимала.

Де Порто был особенно внимателен к обеим девушкам во время ужина. Миллер, с другой стороны, проявлял к ним вначале мало интереса и выглядел задумчиво. Он как будто решал трудную задачу. Мэтью догадывался, какова эта задача, и гадал, как он разрешит ее, - точнее как доведет свое решение до остальных.

В конце ужина Миллер неожиданно встал. Обращаясь к Ирен, он сказал:"Мне нужно с вами поговорить. - Она кивнула. - Пройдемся".

Ирен, не отвечая, продолжала смотреть на него и не двигалась.

С жестом нетерпения и гнева он обернулся к Мэтью. "Вы тоже пойдете, Мэтти".

Мэтью позабавила его роль компаньонки, но девушка, по-видимому, была довольна. Они пошли по вершине утеса в сторону Джербурга. Вечер был теплый, и в воздухе гудела мошкара: катастрофа, очевидно, не причинила ей вреда. Миллер ничего не говорил, но молчание подействовало на девушку - она начала говорить быстро и нервно о землетрясении и о том, как они оказались в ловушке; такие нервные разговоры о катастрофе были, по-видимому, свойственны всем выжившим.

Она замолчала, когда Миллер сказал:"Теперь все новое. Вы понимаете? Законы и все остальное - все исчезло. Кто-то должен решать, что делать".

С ноткой вызова она ответила:"А разве нельзя, чтобы решали все вместе?"

- Послушайте, - сказал Миллер, - вы умная девушка. Если

бы мы с Мэтти не организовали остальных, вы все еще сидели бы в своем подвале. Думаете, они побеспокоились бы о вас?

Он нервничал, таким Мэтью его еще не видел. Девушка, наоборот, хорошо владела собой. Что бы ни произошло сейчас, подумал этью, она станет важной фигурой в группе.

Ирен с холодком сказала:"Мы очень благодарны за освобождение. Мне бы не хотелось, чтобы вы думали иначе".

Миллер продолжал"Мы должны действовать энергично. А у нас... ну... не все решено. Кто-то должен был возглавить всех. Таким человеком оказался я. Остальные слушаются меня, потому что так лучше для всех".

- Я уверена, что из-за нас с Хильдой у вас не будет никаких затруднений.

- Из-за Хильды нет, а из-за вас будут. - Она вопросительно взглянула на него. - Вы девушка - Он в затруднении отвел взгляд. - И очень хорошенькая девушка. У вас будут неприятности с Де Порто, может быть, с Гарри... и с Энди, когда у него заживет нога.

- С этими трудностями я справлюсь сама.

- Нет, не справитесь. Вы еще не поняли, насколько все изменилось. А я не могу рисковать раздорами в лагере. Поэтому, когда мы вернемся, я скажу всем, что вы моя девушка.

Она холодно взглянула на него. Ирен явно принадлежала к людям, которые не совершают опрометчивых поступков. Она сказала:"Мы с Хильдой будем жить в одной палатке".

Миллер быстро ответил, довольный достигнутым компромиссом:"Мы приготовим для вас палатку. Я знаю, что вы за девуш-

ка. И не тороплю вас. Но вы будете под моей защитой - осталь-
ные должны это понять".

- А Хильда?

- Она может поступать, как хочет. Как хотите вы.

После паузы она сказала:"А Ширли? Я поняла, что она тоже
под вашей защитой".

- Ширли шлюха. Забудьте о ней.

Ирен сказала:"Я очень устала. Идемте назад".

По молчаливому согласию последнее слово осталось за ней.

Сильная натура. Не возвращаются ли они к матриархату, подумал
Мэтью. Возможно, все решал этот момент.

На обратном пути Миллер много разговаривал и смеялся. Он
явно обрадовался достигнутому соглашению. Мэтью понял, что его
роль быть не только компаньонкой, но и утверждающей инстанци-
ей. Он надеялся, что Миллер не будет очень рассчитывать на не-
го.

На полпути к лагерю он сказал:"Слушайте".

Они стояли неподвижно, Миллер на полуслове замолчал. Звук
доносился из темнеющей голубизны. Значит, по крайней мере одна
выжила. Птица, пропев несколько нот, замолкла.

6

Через пять дней после первых толчков хорошая погода кончилась.
Утром небо затянули облака, и днем и вечером лил проливной
дождь. Ночь провели в сырости: палатки протекали и через ко-

роткое время стали почти бесполезны для защиты от непогоды. На следующее утро поднялся ветер, и рассвет осветил влажную и жалкую сцену.

К десяти часам пришлось отказаться от попыток сделать что-нибудь с палатками; все отступили в менее открытое место. Его нашли в четверти мили от лагеря, у возвышения, покрытого вывороченными с корнями деревьями. Возвышение давало некоторую защиту от ветра, но не спасало от дождя. Мэтью предложил использовать пещеры у подножия утесов, но его предложение не было принято. Туда трудно спускаться, особенно со сломанной ногой Энди, и еще труднее подниматься; невозможно разбивать постоянный лагерь в таком недоступном месте; там темно и запах разлагающихся водорослей.. Истинная причина, подумал Мэтью, не высказывается: все боялись оказаться под чем-либо более прочным, чем палатка. Он и сам чувствовал при этой мысли парализующий страх.

Весь остаток дня и всю следующую ночь они жались друг к другу. Попытки развести костер окончились неудачей, и необходимость есть холодную пищу из консервных банок еще больше усилила общую депрессию. Помешательство мамаши Латрон не проходило; она бродила, выкрикивая в рваное темное небо то молитвы, то проклятия; впрочем, далеко она не уходила и возвращалась обратно. Вначале Ширли, потом Хильда начали плакать, плач их то сменялся всхлипываниями, то снова начинался с прежней силой. Маленькая Мэнди тоже плакала, но более тихо. Билли не плакал, но Мэтью видел, как дрожат его губы. Он пытался развеселить детей, разговаривая с ними или играя в разные игры,

но если не считать Джейн, ему никогда не удавалось общение с детьми. Это женское дело, но три женщины были хуже детей, а Ирен погрузилась в мрачную необщительность. В долгие часы тьмы спали урывками и проснулись утром такого же холодного и ветреного дня, как и предыдущий. Дождя не было, но ясно было, что он может начаться в любую минуту.

В этот день к ним присоединился Малливант. После спасения его видели, когда проходили мимо развалин его дома; он стоял у трех свежих могил. Миллер крикнул, чтобы он не был дураком и шел с ними, но Малливант молча покачал головой и отвернулся. Теперь он пришел к ним, истощенный и промокший, и хотя не сказал и двух слов, но принял пищу, и когда вечер перешел в третью шквальную ночь, дрожа, лег вместе со всеми.

К утру все окончательно замерзли и чувствовали себя несчастными; у Гарри и Мэнди появились признаки температуры, но ветер стих, и облака поредели. Наконец удалось развести костер и подогреть консервированное мясо с бобами. Больных напоили кодеином, и все принялись за работу. На этот раз работали более целеустремленно и охотно, чем сразу после землетрясения. Как будто дождь и лишения сняли последствия шока. Мэтью заметил, что и приказы Миллера теперь исполнялись охотнее. Они обратились друг к другу за помощью, но вначале ими руководило отчаяние. Теперь появилось нечто иное, может быть, надежда.

Снова принявшись за раскопки, они отыскали склад, о котором говорил Миллер. Они сплели для осла корзины и с его помощью перевозили в лагерь консервы. Много было повреждено при

падении здания, но то, что осталось, вполне могло прокормить общину всю зиму и часть последующего года. Там же они нашли несколько кусков брезента в хорошем состоянии размерами восемь футов на двенадцать. С их помощью они соорудили две большие общественные палатки, одну для еды, другую для иных целей. Их возводили с большим старанием, чем первые палатки, и на новом месте, которое до какой-то степени защищало от северо-восточных ветров. Соблазнительно представить себе, думал Мэтью, что в последующие годы на этом месте появится зал советов, дворец, может быть, храм странных божеств. Впрочем, это маловероятно. Даже хотя Гернси больше не остров, вряд ли здесь пройдут пути мировой торговли. Да и в местном масштабе, если придется строить город, для него выберут более защищенное и удобное расположение.

Рядом с большими поставили маленькие палатки, и установились взаимоотношения. Признание Миллера вождем проявилось в том, что Ирен не касались притязания других мужчин. Она не позволяла Миллеру никаких вольностей и спала в палатке с Хильдой, но воспринимала общее почтение как нечто должное. За Хильдой ухаживали Де Порто и Гарри, а также Энди, причем Мэтью решил, что у последнего больше всего шансов на успех. Нога у Энди еще не зажила, и Хильда проводила много времени, помогая ему. К тому же Де Порто и Гарри использовали Ширли с сексуальными целями. Де Порто не делал из этого тайны. Гарри был более скрытен, но все знали об этом. Они не ходили в палатку, которую Ширли делила теперь с мамашей Латрон и Мэнди, но уводили ее в утесы. Ширли казалась по-своему довольной.

Община развивалась и в других отношениях. Отыскались еще курятники, и вскоре набралось 15 кур и даже два петуха. Один из них оказался худым и апатичным, но другой занялся делом с большим пылом. Двух кур оставили наседками, и они сидели на яйцах. Все были этим довольны. Консервированная пища, которой они главным образом питались, рано или поздно кончится; цыплята, растущие в теплых яйцах, были залогом будущего.

Устроили праздник и с разрешения Миллера выпили пива из жестянок; отыскали несколько ящиков с пивом; часть жестянок не была повреждена, и в приступе великодушия Миллер разрешил его пить (несколько целых бутылок виски он забрал в свое распоряжение).

Среди всеобщего шума и веселья во время пира Хильда случайно взглянула в сторону и увидела незнакомца. Она удивленно вскрикнула, и все обернулись.

Вначале Мэтью решил, что это безумец, которого не видели после бури. Но незнакомец моложе; волосы у него рыжие. Очевидно, он испытал большие лишения, ему пришлось труднее, чем им. Он был болезненно худ и грязен, а одежда его висела клочьями. Ему уступили место у огня, накормили. Жадно глотая, он рассказывал.

Он оказался вовсе не с Гернси, а с Сарка. Звали его Ле Перре. После катастрофы он бродил по острову, безуспешно отыскивая других выживших. Некоторое время жил в оцепенении, вел почти растительное существование, ел, пил и спал, смутно надеясь на помощь извне. Но вчера он неожиданно понял, что этого не произойдет. Он один выжил из нескольких сотен жи-

телей Сарка; разумно предположить, что на главном острове с гораздо большим населением выживет больше. Море ушло; ничего не мешало ему пройти 9 миль до Гернси.

Вначале он направился к маленьким островам Джету и Герм.

С них в ясном полуденном свете он увидел опустошенный восточный берег Гернси; пустое место там, где раньше стояли порт Святого Петра со Святой Сэмисон. Этот масштаб разрушений, гораздо больший, чем на других островах, расстроил и удручил его. Ночь он провел на Герме и лишь поздно утром на следующий день решился преодолеть оставшиеся три мили. Добравшись до Гернси, он по склонам, покрытым разлагающимися трупами, поднялся туда, где была столица округа; откуда, потеряв всякую надежду, пошел на южное плато. И вот, думая, что он, возможно, последний оставшийся в живых человек, он услышал голоса в отдалении и, не веря своим ушам, пошел туда.

Постепенно он оттаял и превратился из жалкой карикатуры в человека. Мэтью понял, что это разговорчивый человек и ему должно было быть особенно трудно не иметь слушателей. Как и у других, чувство перспективы у него не соответствовало действительности. Он занимался извозом и постоянно возвращался к тому, что недавно купил новую пролетку, а сезон, похоже, будет совсем не туристический.

- А как же зима? - спрашивал он. Зима - сезон отдыха, в это время жители Сарка проживают нажитое за лето. - Что мы будем делать зимой?

Когда все немного свыклись с происшествием, Мэтью отвел

новичка в сторону, начал задавать вопросы, которые возникли у него, как только он узнал о происхождении Ле Перре.

- Трудно ли идти по морскому дну?

- По-разному. По песку хорошо, да и по рифам ничего, если они не острые. Есть участки грязи, но она высыхает. А водоросли! Боже, как они воняют! Хуже, чем трупы.

- Сколько времени вам потребовалось?

- Времени?

- Ну, с какой скоростью вы шли? Миля в час? Меньше?

- Больше. До Джету я добрался часа за четыре. Время определял по солнцу. У меня были часы, но я их уже выбросил. Нет смысла знать, который час.

- Вода осталась, не так ли? Можно с берега ее увидеть.

Саркисец пожал плечами." Лужи. Большие можно назвать озерами".

- Очень большие?

_ Одно с четверть мили длиной. В нем сардины. Но они все высыхают. Видно по кольцам, когда они съеживаются.

- Значит это не так уж трудно?

- Когда начнешь. Труднее всего начать. Даже когда видишь, что дно сухое, все равно думаешь, что здесь что-то не так. Я боялся. Думал, что море вернется. Все время оглядывался через плечо и обрадовался, когда взобрался на Джету. Хотя там ничего не было. Немного травы на верхушке. Большая волна все очистила. То же самое и на Герме...

Он продолжал говорить, а Мэтью время от времени кивал. Он думал о Джейн; он знал, что вернувшаяся надежда неразумна, но

она казалась ему самым дорогим из того, что произошло после катастрофы. Оглушенный смертью и разрушением, среди которых он очутился, Мэтью понимал, что не будет никакой помощи из внешнего мира, с большой земли. Возможность того, что там тоже окажутся выжившие, казалась невероятной. И хотя море ушло, чувство изолированности сохранилось. Ведь остров можно покинуть лишь на почтовом пароходе или на утреннем самолете. Шок, полученный от появления новичка, был двояким: на большой земле могут существовать, несомненно, существуют другие группы выживших... и можно добраться до большой земли. Сарк всего лишь в девяти милях, Саутгемптон - в ста, но возможность все равно существует.

И от этой возможности мозг его переключился на другие.

Если бы она оставалась в Лондоне, в этом огромном человеческом муравейнике, надежды бы не было. Но у Мэри в Сассексе... Старый прочный деревянный дом на холме, а Джейн, как всегда, спит в остроконечной комнате под крышей. Она могла выжить.Конечно, шансы против велики, но он почти видел, как Джейн вытаскивают за руки, как они вытаскивали двух девушек. Она ожила для него, и печаль, заполнявшая все его мысли и действия, отступила. И сменилась беспокойством и нетерпением. И сразу единственной целью для Мэтью стало добраться до Джейн. Он напряженно размышлял. Нужно подготовиться. Путь предстоит долгий и по земле, совершенно изменившейся. Готовиться нужно тщательно.

Всю ночь, лежа без сна и глядя в отверстие палатки на звезды, Мэтью думал об этом. Утром он заговорил с Миллером. Вначале тот слушал невнимательно: Де Порто после доения сказал,

что, возможно, корове предстоит отел, и Миллер уже видел буду-
щие стада. Мэтью говорил уже некоторое время, прежде чем Мил-
лер выпалил:

- Что? Идти на большую землю? Не сходите с ума, Мэтти! Вы
не сумеете это сделать, да и что хорошего вам это принесет?

- Моя дочь, - начал снова объяснять Мэтью. - Возможно,
она жива. Я знаю, что шансы на это малы, но должен убедиться.

Миллер смотрел на него. "Вы сошли с ума".

Мэтью пожал плечами. "Возможно".

Миллер положил руку ему на плечо. "Мне не хотелось бы
быть жестоким. Мы все немного не в себе после случившегося. Не
кричим, как мамаша Латрон или этот глупый старый педик там,
на Валде-Террес, но немного все же свихнулись. Я знаю это. И
все же нужно сохранять разум. Такие безумные поступки не при-
несут ничего хорошего. Ла Перре... это совсем другое дело, он
ведь пришел с Сарка. Он там сходил с ума, у него не было пи-
щи... ведь всего девять миль. Вы меня понимаете?

- Да, понимаю. Но это не имеет значения.

- Говорю вам: это самоубийство.

- Смотря как взглянуть. И во всяком случае это никого не
касается.

- Касается, клянусь господом! Такой маленькой группе, как
наша, нужна каждая пара рук. Мы не можем никого терять. И вас
больше всего. Вы моя правая рука, Мэтти. Вы помогаете мне ор-
ганизовать все. Вы знаете, как я от вас завишу.

- Теперь вам никто на нужен. Вначале было иначе, но сейчас
все идет гладко.

- Потому что вы здесь.

- Нет.

Мэтью не высказал свою мысль: хотя Миллеру действительно нужно было опираться на сильного человека, замена в лице Ирен была готова. Миллер не видел этого, потому что, хотя и признавал силу женщин, не понимал ни размеров этой силы, ни своей собственной зависимости от нее.

Миллер, вспыхнув, сказал:"Неважно, Мэтти. Говорю вам, вы мне нужны".

- Научитесь обходиться без меня. - Мэтью улыбнулся. - Это не покажется вам трудным.

- Нет!

У него был такой же нервный и отчаянный вид, какой, как помнил Мэтью, во время разговора с Ирен. Если бы девушка возражала ему, ситуация могла резко обостриться. Сейчас тоже, подумал Мэтью. Он небрежно спросил:"Вы хотите сказать, что не разрешаете мне уйти?"

Миллер тяжело ответил:"Вы не уйдете, Мэтти. Для вашего блага и ради всех остальных. Мы все еще немного не в себе. Через пару недель вам будет лучше. Но запомните: вы не уйдете. Если понадобится, мы вас свяжем".

Мэтью подумал, последуют ли за ним другие в таком случае. Может, да, а может, и нет. Но вызывать конфликт нельзя: либо Миллер разъяриться, либо, если он потерпит поражение, группа может распасться. Мэтью видел, что остальные, привлеченные громким голосом Миллера, прислушиваются: Де Порто, Хильда, маленький Билли. Он сговорчиво сказал:"Вы хозяин. Но я надеюсь,

вы измените свое мнение. Поговорим об этом позже".
Миллер с нервным смехом схватил его за руку. "Разговоры не повредят, Мэтти! Пока вы понимаете, что мы не можем обойтись без вас. Пошли. Посмотрим на эту корову. Как узнать, беременна ли она? Вы не знаете?"

В течение следующих нескольких дней на случай, если Миллер следит за ним, Мэтью ничего не делал, а потом начал готовиться тщательно и в тайне. Среди собранных вещей он нашел рюкзак. Перенес его в тайник - старый немецкий бункер дальше на берегу. Землетрясение сдвинуло его; вертикальный ход, ведущий на дно, покосился, но стальная лестница осталась на месте. Вряд ли кто-нибудь из лагеря окажется здесь, но Мэтью из предосторожности забросал вход ветками. После этого он при возможности приносил сюда вещи, которые считал необходимыми для путешествия.
Прежде всего это была пища в наиболее консервированной форме: главным образом мясо с бобами. Самая трудная проблема, конечно, запас свежей воды. Сто миль до берега, скажем, по 15 миль в день - это означает неделю пути. В разбитом автомобиле Мэтью нашел пластиковую канистру, способную вместить галлон. Пинта воды в день - вполне возможно в этом климате, к тому же среди скал может оказаться дождевая вода. И, конечно, Олдерни. Там есть источники, где он может обновить свой запас. Это сокращает дистанцию на четверть. 75 миль - он пройдет их в 5 дней. Он возьмет с собой запасную пару крепких ботинок. Две фуфайки, пару носков, чтобы надевать ночью; так можно будет

обойтись без одеяла. Макинтош, который он спрятал в Вал-де-Террес, перекочевал в тайник вместе с коробкой патронов. Ружье Мэтью держал в палатке, чтобы не вызвать подозрений. Его он возьмет в последнюю минуту.

Подготовка, поскольку к ней нельзя было привлекать внимание, заняла почти две недели. К концу этого периода было еще одно ухудшение погоды, но все собрались в больших палатках, которые выстояли даже несколько довольно сильных толчков во время бури. Столбы палаток покосились, один сломался, но это произошло днем, и мужчины без труда все поправили. Всех охватило чувство общего торжества, явно контрастировавшего с жалкими первыми днями.

Произошло еще одно важное событие - либо из-за этого, либо по другой причине, Мэтью не знал. Но когда небо прояснилось и были снова поставлены маленькие палатки, Ирен не вернулась в свою, но заняла место в палатке Миллера. Тот казался слегка ошеломленным, но встретил перемену с шумным весельем. Мэтью подумал, что теперь остальные будут еще больше уважать Ирен. Она будет управлять хорошо - холодно, эффективно и без воображения. Мэтью гадал, станут ли ее сыновья и дочери ее наследниками. Вот так складываются общественные отношения. Впрочем, такие размышления занимали его лишь слегка. Важнее было то, что Миллер, в своем новом счастье, расслабился и потерял бдительность. Мэтью смог проводить больше времени вне лагеря, готовясь к бегству.

Ночью его разбудило дрожание земли. Они уже настолько к

этому привыкли, что поворачивались на другой бок и снова засы-
пали. На этот раз Мэтью не уснул. Он не знал, который час, но в
небе виднелись первые признаки рассвета. Он ждал долго, не ме-
нее десяти минут, потом как можно тише оделся. Для уверенности
прошептал:"Билли!" Ответа не было. Ему видны были очертания
укрытой одеялом фигуры мальчика. Мэтью достал из-под матраца
ружье и вышел. Никто не пошевельнулся.
Вначале трудно было находить путь по неровной местности к
бункеру, но постепенно глаза его привыкли к полутьме. Он захва-
тил с собой маленький карманный фонарик, слишком слабый для
открытой местности, но способный помочь в черноте бункера.
Рюкзак был уже упакован, а канистра наполнена водой. Он вынес
их наружу, аккуратно прикрепил канистру к рюкзаку, поперек все-
го этого приладил ружье и взвалил все на спину. Тяжеловато, но
вес хорошо распределен, да и он чувствовал себя крепче, чем в
прежние дни. Мэтью был убежден, что легко справится.
Наиболее прямой путь, поскольку он направлялся на север,
пролегал через основание Джербурга к заливу Фермейн. Но это
означало необходимость пересечь тошнотворно знакомые развалины
св.Мартина, и Мэтью направился к Диветту. На полпути он мино-
вал Монумент, наклоненный под странным углом.Диветт был
опустошен приливной волной. От того, что напыщенно называли
Сосновым Бором, не осталось даже пня. Мыс обвалился, и поэтому
спуск оказался не крутым. Мэтью достиг дна, быстро оглянулся и
пошел по долине, некогда бывшей дном пролива.
Хуже всего, как и говорил Ле Перре, было чувство беспо-
койства. Мэтью постоянно ощущал чуждость того мира, который

обнажился неожиданно вокруг. В серой предрассветной полумгле стояли скалы и рифы самых невероятных форм и очертаний. Долгие столетия здесь катились морские волны; море сохранилось в запахе гниющих водорослей, в лужах, задержавшихся среди скал, в дохлых крабах и омарах. Казалось невероятным, что море не возвращается. Мэтью поймал себя на том, что все время прислушивается, ожидая услышать отдаленный гул, который превратится в гром возвращающихся мстительных волн.

Светлело, и очертания менялись, мрачная загадочность скал уступала место рваному богатству форм и красок с выступами розового и желтого гранита, с ослепляющими вспышками белого мрамора на сером фоне. Но тревожное чувство осталось: Мэтью окружал чужой мир, и он шел по нему, как браконьер. Ему начали попадаться знакомые предметы, унесенные из разрушенного города в объятиях отступавших волн: разбитый фарфор, часть стула, прогнутая велосипедная рама, холст, который мог быть произведением искусства, но теперь представлял собой гниющую смесь полотна и краски. Эти предметы не успокоили его; наоборот, ему стало еще хуже. Их несоответствие указывало на его собственную неуместность. Там, где справа на горизонте показалась разрушенная башня Брегона, он нашел газовую плиту, целую, но вырванную из своих переплетений и труб. При виде этой плиты, торчащей из песка, он почувствовал холодок страха.

Он находился в самом узком месте пролива между Гермом и Бордо, когда услышал крик. Далекий и слабый, это, несомненно, был крик человека. Солнце взошло, лучи его согрели Мэтью. Он взобрался на скалу и посмотрел назад. Скалы, песок, полосы

грязи и воды. Но тут он вновь услышал крик. Голос детский и, несомненно, знакомый...

Мэтью сложил руки вокруг рта и громко закричал: "Я здесь!"

Голос его эхом отдавался вокруг:"Здесь... здесь... здесь..."

Подбежав к нему, Билли задыхался и плакал. Лицо его было покрыто грязью, в которой слезы проделали полоски. Он смотрел на Мэтью с тревогой и надеждой.

Мэтью спросил:"Что ты здесь делаешь, Билли? Ты пошел за мной. Почему?"

- Я хочу идти с вами.

Мэтью покачал головой. "Слишком далеко и трудно. Тебе лучше вернуться".

Билли сказал:"Я знал, что вы уйдете. А сегодня утром вы вышли из палатки, и я видел, как вы взяли ружье. Я понял, что вы уйдете сегодня. Я держался подальше и потерял вас и не знал, что делать. Но потом пошел на утесы и увидел вас. Вы были далеко. Я побежал и пытался вас догнать. Но не смог и заблудился. Тогда я начал кричать. - Он снова посмотрел виновато.

- Я не хотел кричать, чтобы не услышали Миллер и все остальные, но я заблудился".

Мэтью снял со спины рюкзак и посадил Билли рядом с собой.

- Я пойду один, Билли, а ты должен вернуться в лагерь.

Там за тобой могут присмотреть, а я не могу. Пойми, это разумно.

- Я не пойду, мистер Коттер.

- А кто будет смотреть за Паутинкой?

- Она теперь их. Они ее заставляют все время работать.

Мэтью показал на рюкзак. "Здесь продукты. На одного, а не на двоих".

- Я не буду есть много. - Мальчик порылся в карманах и вытащил несколько плиток шоколада, грязных, но целых. - Я их сберег.

Мэтью молча смотрел на него. Существует множество возражений, но ни одно из них не убедит мальчика. Единственный выход - быть строгим: сделать гневное лицо и приказать ему возвращаться. К тому времени, как он достигнет лагеря, Миллеру и другим будет уже поздно предпринимать что-нибудь. Может быть, мальчика побьют за то, что он не поднял тревогу, когда уходил Мэтью. И на пути назад он не заблудится: остров хорошо виден.

Все это разумно. Невозможно предсказать опасности и трудности, ждущие впереди. Ему едва хватит пищи и воды, а рисковать жизнью мальчика нельзя. У мальчика только одежда, которая на нем, единственная пара обуви, которая изорвется на полпути.

Но Мэтью знал, что не отошлет мальчика назад по этой враждебной, чужой местности.

Он сказал:"Хорошо, Билли. Посмотрим. Возможно, мы оба повернем назад, если придется трудно".

7

К середине дня стало облачно, но потом снова выглянуло солнце, и стало еще жарче. Родной остов превратился в туманные

холмы позади. Впереди возвышались утесы Олдерни. Мэтью был рад обществу мальчика, рад его щебету, на который можно было отвечать или нет - как захочется. Он все еще не принял решение, следует ли им идти. Пока идти было легко; было много ровных полос, по которым они продвигались быстро. Пришлось сделать только один значительный обход, огибая длинный бассейн, окруженный острыми, покрытыми водорослями скалами. Вода в бассейне была чистой и прозрачной, и они видели в глубине рыбу; Мэтью решил, что глубина бассейна не менее 20-30 футов.

Поскольку особой срочности не было, время от времени они отдыхали. Уже к вечеру они остановились у скалы ярдов в 20 высотой. На разных уровнях риф был усеян небольшими бассейнами, полными водой. Билли, как и всякий ребенок на морском берегу, начал карабкаться на скалы. Он устанет, подумал Мэтью и позвал мальчика.

- Сейчас! - ответил Билли. - Я поймал...

- Что?

Билли с триумфом продемонстрировал омара примерно в девять дюймов в длину, яростно размахивавшего хвостом.

- Прекрасный экземпляр, - сказал Мэтью,- но лучше положить его на место, прежде, чем я проголодаюсь.

Билли спрыгнул, продолжая крепко сжимать омара за место позади головы.

- Так я об этом и думал, мистер Коттер! Он пойдет нам на ужин.

- Не думаю, чтобы я мог съесть омара сырым. А как приготовить его, не знаю.

- Тут есть сухое дерево.

И правда, они все еще находились в районе, покрытом обломками, которые волны унесли с восточного берега острова. Видны были кирпичи, большой гранитный блок, кожух пылесоса, обломок кухонной раковины и много кусков дерева: спинка стула, разбитая оконная рама, изогнутая рама кровати. А немного позади, к счастью, скрытые скалой, два переплетенных обнаженных тела, которые могли быть связаны с кроватью; Мэтью не рассматривал их внимательно.

Он сказал:"Я не захватил спичек.И нам не в чем готовить".

- У меня есть лупа.

Неуклюже действуя свободной рукой - сломанная рука срослась, и повязку убрали, но свобода движений еще не восстановилась - Билли достал из кармана увеличительное стекло, которое Мэтью нашел в развалинах аптеки и принес ему как игрушку.

- Я могу добыть огонь, мистер Коттер. А омара мы поджарим на углях. Так делают на южных морях.

Мэтью с уважением посмотрел на него. "Билли, ни у одного великого вождя не было таких гениальных идей".

Билли был доволен этим комплиментом."Как лучше убить его? - спросил он. - Сломать шею?"

Они собрали дрова, и Мэтью разломал их на удобные куски.

Потом из кирпичей и обломков скал сделали грубую полевую печь и положили в нее дрова. Билли сел рядом и направил лупу на солнце. На поверхности дерева появилась ослепительно белая

точка, пошел дым. Это было возбуждающее мгновение. Дым завился клубом, и вот затанцевал маленький язычок пламени и жадно набросился на дерево.

Мертвого омара они положили в догоравший костер; он свистел и трескался от огня. Когда огонь погас, омар весь покрылся пеплом и выглядел неаппетитно; но запах от него шел превосходный. Угли бледно светились в последних лучах солнца. С нетерпением Мэтью и Билли ждали, пока угли остынут.

Мэтью думал, что они возьмут омара с собой и съедят его на ужин, когда остановятся на ночь, но не было сил противиться искушению. Он разломал горячую скорлупу и разрезал середину ножом. Они сидели рядом и ели. Мэтью должен был удерживать себя, чтобы не пожирать сладкое белое мясо. Потом они разбили о скалы клешни и высосали их. Мэтью вспомнил летний вечер, окно, выходящее на гавань, полную качающихся лодок... Омар с майонезом, кусочками черного хлеба с маслом и бутылочкой шабли...

Все это казалось невероятным и нереальным.

До остановки на ночь они сделали еще несколько миль.

Беспокойное чувство, отступившее при свете дня, вернулось с вечерними тенями, которые, смягчая резкие очертания скал, только подчеркивали чуждость территории, через которую они проходили. Мэтью остановился, когда еще были видны отдаленные холмы: Герм, Джету и Гернси. Ему хотелось оказаться на них. Когда они легли на узкую полоску песка, еще хранившего тепло солнечных лучей, Мэтью показалось, что он, как в раковине, слышит шум далекого моря. Ему снова стало страшно. Нужно было вернуться с мальчиком. Утром...

Спали они беспокойно, прижимаясь друг к другу. Ночью было несколько слабых толчков, а перед рассветом поднялся ветер. Когда они встали, не выспавшиеся и не отдохнувшие, начинался серый облачный день. Мэтью думал, что утром они смогут приготовить горячий завтрак, но достаточно было одного взгляда на небо, чтобы отказаться от этой мысли. Быстро неслись низкие тучи, Мэтью почувствовал капли дождя.

Открывая банку с мясом, он сказал Билли:"Ну, как? Поворачиваем назад?"

- Почему, мистер Коттер?

- Потому что это разумно. Что если пойдет дождь? У нас лишь один макинтош на двоих.

- Я не боюсь дождя. - И добавил с почти взрослой задумчивостью: - Ведь в конце концов сейчас лето.

- Мы не знаем, куда идти. И зачем. Наверно, лучше все же вернуться.

- Теперь мы ближе к Олдерни, чем к Гернси, - Билли указал на утесы на северной части горизонта. - Можно пойти туда.

Мэтью взглянул на мальчика и рассмеялся:"Конечно, можем. Ты бывал на Олдерни?"

- Нет.

- Я тоже. Пойдем посмотрим. Может, найдем там людей. Если один сумел выжить на Сарке... На Олдерни было гораздо больше населения.

Они не видели расселину, пока не подошли на милю к острову. Трещина пролегала с юго-востока на северо-запад и была

трудно различима с их места. Мэтью увидел, что утесы разорваны рваной щелью, уходящей вперед по морскому дну. Когда они подошли ближе, он увидел, что эта трещина проходит через остров, который разделен на две неравные части. Он надеялся найти кого-нибудь живым, потому что Олдерни, как и Сарк, был возвышенным плато: на него не могли обрушиться волны, уничтожившие порт святого Петра. Но теперь при виде острова, расколотого на части, эта надежда исчезла. Невозможно представить себе, чтобы кто-то пережил такую катастрофу.

Тем не менее, пройдя так далеко, он должен был удостовериться. Они поднялись по склону гавани, построенной в расцвете викторианского могущества для великого флота, и пошли по холму. Обломки лежали еще более плоско, чем на Гернси; впрочем, впечатление усиливалось зияющей пропастью не севере. Как будто гигантский топор расколол остров надвое. Если бы море осталось, было бы легче: оно прикрыло бы первобытную обнаженность нижней части утесов.

Они обошли большую часть разделенного острова, подошли к краю трещины и посмотрели на север, но не видели и не слышали людей. Попалась им одна собака, грязная дворняжка, которая залаяла и убежала, и несколько кроликов. Помимо этого, всюду была смерть: блеск костей сквозь прогнившую плоть, отвратительный запах - все черты ужасной головы, которую они так хорошо знали. Но однажды им и повезло: они обнаружили запас консервов, которые не понадобилось и выкапывать - банки лежали на поверхности. Роскошный подбор: паштет из трюфелей, артишоки, ломтики копченой семги, индейка и фазаны в экзотическом винном соусе.

Пока светило солнце, Билли разжег костер. Они собрали много дерева, и пламя поднялось высоко. Мэтью сказал, что если на острове есть кто живой, костер привлечет их. Впрочем, он был уверен, что живых нет. Но было очень приятно сидеть у костра и смотреть на поднимавшийся к небу дым. Мэтью пробил отверстия в крышке банки с индейкой и поставил ее на угли. Сок закипел, выплескивался из отверстий, стекал по бокам. Запах пищи смешивался с запахом дыма. Наслаждаясь временным комфор-том, Мэтью открыл баночку без этикетки. Она оказалась подстать остальным - копченые перепелки в каком-то масле. Обнажились две маленьких бледных тушки. Испытывая внезапный приступ тош-ноты, Мэтью смотрел на них. Билли занимался чем-то по другую сторону костра. Мэтью как можно дальше отбросил банку.

На безопасных высотах спали они гораздо лучше, зная, что ушли с морского дна. Утром дул резкий ветер, но светило солн-це. Мэтью нашел ручей, и они умылись: Билли слегка, а сам Мэтью более тщательно. Пока он мылся, Билли куда-то ушел. Мэтью не беспокоился. Опасности не было, а заблудиться вряд ли можно. Он вытер маленьким полотенцем лицо и руки, предоставив ветру и солнцу все остальное. После этого оделся и пощел по холму, туда, где они провели ночь.

Билли подбежал к нему, размахивая черной кожаной сумкой. Это была велосипедная сумка. "Посмотрите, что я нашел, мистер Коттер! Теперь я тоже смогу нести что-нибудь".

- На спине? Нужны лямки.

- Я и их тоже нашел. - Он держал пару подтяжек. Похоже, дорогие: широкая шелковая эластичная лента, голубая с красной

искрой, тяжелые пряжки с тусклым золотым блеском. - Я думал сделать лямки из этого.

- Не стоит, если мы будем возвращаться. Я унесу больше, чем нужно, пищи.

- Разве мы возвращаемся? - В голосе мальчика звучало разочарование.

- Ты бы хотел идти дальше?

- О, да!

Ради мальчика он должен вернуться. На юге, менее чем в двух днях пути, лежала относительная безопасность маленькой группы Миллера. На севере неизвестность - 60 миль по морскому дну кратчайшего пути, и кто знает, какие препятствия встретятся им. Могут быть трещины, как та, что расколола Олдерни, и даже большие. А у них нет даже компаса. Определять направление придется по солнцу. А что если пойдет дождь?

Мэтью понимал безумие замысла, особенно теперь, когда с ним мальчик. Замысел возник из-за вспыхнувшей надежды. Он готов вернуться назад и прожить остаток жизни среди немногих выживших на Гернси. Но надежда не умерла, и все остальное теряло смысл. Он взглянул на мальчика.

- Что ж, тогда подготовимся получше.

8

Они вышли поздно. Мэтью сменил воду в канистре, набрав свежей из ручья. Он приготовил лямки для сумки Билли и наполнил ее консервами, пополнив и свои запасы. Они шли по роскош-

ной высокой траве: она уже перезрела для первого летнего сено-
коса.

Некоторое время они вынуждены были идти вдоль расщелины по ее юго-восточному краю. Она была в 40-50 футов глубиной, с крутыми сторонами. Они шли параллельно французскому берегу, находившемуся в восьми милях. Примерно через час они, однако, подошли к месту, где щель проходила через песок и грязь. Края ее обрушились, и им удалось перебраться на противоположную сторону и продолжить путь на север.

По-прежнему дул сильный ветер, но теперь он помогал идти. Небо было безоблачно, и без ветра стало бы слишком жарко. Чуждость ландшафта быстро стала привычной на этот раз, и Мэтью все острее осознавал его монотонность. Скалы, песок, высыхающие полоски грязи чередовались с полосками воды. В це-
лом местность опускалась к северу, но тут и там приходилось ка-
рабкаться вверх. Отдельные рифы и скалы поднимались очень высоко; одна оказалась такой высокой, что Мэтью решил, что она выступала из воды. Они шли, оставляя солнце слева, и делали не менее двух миль в час. Может, и больше, подумал Мэтью.

Первый встреченный ими затонувший корабль произвел силь-
ное впечатление. Его увидел Билли справа, и они соответственно изменили курс, чтобы посмотреть на него. Это был корпус грузо-
вого корабля, точнее большая часть его. Он лежал на боку, с устремленной на запад палубой, заросший водорослями и ракушка-
ми. Не очень большой корабль - Мэтью решил, что около тысячи тонн, - и пролежал под водой по крайней мере десять лет, а мо-
жет, и гораздо больше. Вокруг кормы шла надпись, но удалось

разобрать лишь две буквы - Р и О. Мэтью снова ощутил тревожное чувство страха и угрозы. Они находились в глубинах страны, которая вселяла ужас во все морские народы, - страны потонувших моряков. Билли это не трогало. Он бегал вокруг корабля. рассматривал его с разных сторон и хотел подняться на палубу. Мэтью запретил ему, и мальчик неохотно подошел.

- Там нет ничего, кроме ржавчины и гнилого дерева, Билли, - сказал ему Мэтью. - И нам нельзя тратить время. Нужно идти.

Топлива для костра не было, поэтому они шли до появления звезд и лишь тогда остановились на ночлег. Мэтью заставлял мальчика время от времени отдыхать, но тот все равно смертельно устал. Они открыли американские консервы и съели их. Мэтью испытал приступ голода. Живот его был полным, но аппетит остался неутоленным. Билли отломил несколько квадратиков шоколада и предложил их Мэтью.

Тот поколебался и сказал: "Я возьму один, Билли, а ты съешь остальное".

Он держал шоколад во рту, пока тот не растаял. Билли все еще ел, и поэтому Мэтью отвернулся, не в силах перенести это зрелище.

На следующее утро они увидели другой корабль. Он был гораздо более разрушен, чем первый. Палуба с высоким полуютом, ряды отверстий вдоль фальшборта. Правильная форма свидетельствовала, что это орудийные бойницы. И действительно, из одного высовывался проржавевший, заросший водорослями ствол, как будто он только что произвел последний выстрел, после чего ко-

рабль погрузился в воду и затонул. Как давно это было? 400 лет назад? Может, это один из кораблей великой армады, рассеянной Дрейком и бурей по холодным серым водам пролива? Или анг-лийский корабль, более двухсот лет назад затонувший, возвраща-ясь домой после Трафальгара? Определить невозможно, да и не нужно.

Билли сказал: "Он очень старый, мистер Коттер?"

- Да. Очень.

- Как вы думаете, на нем могут быть сокровища?

- Наверно, могут. Но нам от них толку мало.

- Можно мне посмотреть?

Конечно, у сокровищ два аспекта. Мировой рынок прекратил существовать, и за дублоны не купишь ничего: ни яйца, ни кусок хлеба. Но это все же дублоны. В глазах ребенка они сохраняют волшебство и загадочность. Мэтью уселся на плоскую скалу, снял тяжелый рюкзак.

- Посмотреть невредно, - сказал он. - Но нужно быть осто-рожным. Бревна могут не выдержать наш вес.

Корабль лежал на левом борту, и они нашли у кормы от-верстие, достаточно большое для того, чтобы Мэтью смог пройти. Внутри после яркого солнечного света было очень темно, и Мэтью заставил Билли постоять, пока их глаза не привыкнут к темноте. Он боялся, что бревна обвалятся даже под весом мальчика, но когда они начали двигаться, он понял, что эти страхи беспоч-венны. Хотя внешние очертания корабля сохранились, внутренности его исчезли. Переборки и настилы упали, смешались с песком и грязью и образовали неровный, но прочный пол. Не было ничего,

кроме пустой оболочки и запаха гниения.

Думая о разочаровании мальчика, Мэтью вдруг ощутил толчок и услышал скрип деревянных стен. Движения его были почти инстинктивны: он схватил Билли и потащил его к отверстию. Они выбрались на горячий свет солнца, и Мэтью почувствовал облегчение и слабость. Он отпустил Билли и перевел дыхание.

Билли сказал:"Не очень сильный". - Он тоже был испуган, но старался не показать этого.

Мэтью ответил:"Да, несильный". - Он помолчал, приходя в себя. - Так как корабль выдержал сильные толчки, вряд ли он сейчас обвалится. Дерево лучше, чем кирпичи и камень, менее жесткое".

И правда, корпус корабля не был такой смертельной ловушкой, как дом. И все же Мэтью не хотел возвращаться, покидать безопасную открытость.

Он сказал: "Там нечего смотреть. Ничего интересного".

Билли покачал головой. "И правда".

- Тогда мы пойдем. Или ты хочешь отдохнуть?

- Нет, лучше идемте, мистер Коттер.

В течение следующего часа были еще слабые толчки, но Мэтью не беспокоился. Он все время думал о корабле и о своих словах. Корабль прошел через катастрофу: поднявшееся морское дно, стремительный натиск волн - и все же остался более или менее целым. Конечно, дело случая. Но если выдержали эти прогнившие балки... Он снова подумал о Джейн, о старом доме на верху холма. Деревянная крыша могла защитить ее, и она ведь была на самом верху дома.

Он оглянулся на корпус корабля. Предзнаменование? Во вся-
ком случае возрождение надежды. Он начал насвистывать, и Билли
с удивлением и улыбкой посмотрел на него.

Они пришли к месту, которое Билли прозвал Гигантскими
Ступенями. Это была целая серия террас на расстоянии 10-15 яр-
дов друг от друга, между которыми тянулись плоские песчаные
участки. Создавалось впечатление искусственности и незавершен-
ности. Как будто плодородные террасы на склоне горы. Ги-
гант-садовник вернется, чтобы засеять их. Ступени тянулись
долго, более мили, и кончились там, где песок уступил место
скалам.
В этом месте было много бассейнов, в них плавала рыба. В
совсем маленьком углублении отчаянно билась сардина в фут дли-
ной. Бассейн лишь в три раза превосходил ее по длине и был в
фут глубиной. Рыба не могла выжить здесь после катастрофы, и
Мэтью понял, что произошло. Маленький бассейн отделялся от го-
раздо большего скальным гребнем, поднимавшимся на несколько
дюймов над уровнем воды. Сардина была в большем бассейне и
выпрыгнула оттуда, слепо ища утраченное глубокое море. Вместо
моря она оказалась в луже, теперь лишенной кислорода и пищи.
Скоро она задохнется здесь.
Билли наклонился и сунул руку в воду. Рыба яростно отби-
валась. Билли спросил: "Поймать ее, мистер Коттер?"
- У нас нет дров.
- Можем взять ее с собой. А позже найдем дерево.
Мэтью покачал головой. "Не стоит. - Он испытывал со-

чувствие к рыбе, так отчаянно стремившейся к жизни и теперь совершенно беспомощной. - Если ты сможешь ее поймать, мы перенесем ее в тот бассейн".

У рыбы сохранилось гораздо больше сил, чем казалось вначале. Она ускользала от мальчика, и Мэтью в конце концов помог ему. Вместе они подняли рыбу в воздух и опустили по ту сторону преграды. Она ушла в глубину, туда, куда не доходили солнечные лучи.

Билли спросил: "Теперь ей хорошо?"

- Да.

Она проживет еще немного, несколько дней, недель, может быть, месяцев. Но бассейны высыхают, лишенные связи с морем. Все кончится одинаково.

Дальше они пошли медленнее. Путь преграждали скалы с острыми краями. На одной из остановок Мэтью посмотрел на ботинки Билли. Подошвы износились, кожа потрескалась и поцарапалась. Они должны выдержать до берега, там можно будет поискать новые. Он предупредил мальчика, чтобы тот избегал неровностей, не следовало ожидать, что мальчик обратит внимание на такой совет.

Плсле скал пошли участки грязи. Поверхность ее подсохла, но ниже грязь оказалась мягкой. Ноги их погружались, вначале всего на дюйм, потом все глубже. Когда Мэтью почувствовал, что вытаскивать ноги трудно, он решил, что придется сделать обход. Скалистая почва находилась на северо-востоке, и Мэтью повернул туда. Солнце грело им спины, опускаясь за горизонт, который

впервые за весь день затянулся тучами. Все вокруг стало каким-то тусклым: справа, хребет за хребтом, серые скалы, слева обнаженная чернота грязи. Билли перестал щебетать. Они шли молча. Мэтью спросил Билли, хочет ли тот отдохнуть, но мальчик покачал гловой. Угнетала сама мысль об остановке в таком опустошении. Наконец, когда над неизменявшейся сценой спустилась тьма, они вынуждены были остановиться. Мэтью считал, что за предыдущий день они покрыли от 12 до 15 миль, несколько больше, чем за сегодня. Но последние 5 миль уводили их скорее на восток, чем на север. Подбадривало лишь то, что держалась хорошая погода. Глядя на тусклое красное свечение на небе, Мэтью думал, долго ли она продержится. Снова подул сильный ветер, воя между скал.

Они открыли консервы и поужинали. Даже и без необходимости подогревать пищу костер был бы большим утешением; но солнце зашло, а топлива никакого не было. Мэтью надел на мальчика всю возможную одежду, потом они легли, прижавшись друг к другу. Прежнее хорошее настроение исчезло. Мэтью сознавал только свое несчастье и уязвимость.

Они проснулись перед рассветом от дождя. Короткий ливень промочил их насквозь. Мэтью закутал Билли в макинтош. Дождь скоро кончился, но они еще долго дрожали от холода. Прижавшись друг к другу, они ждали, пока рассветет.

Светало медленно и неохотно. Когда рассвело, прошел еще один ливень Они и так уже были до того мокрые, что второй дождь не ухудшил их положение. Мэтью открыл банку концентриро-

ванного супа, и они съели его. Невкусно, но питательно. Потом снова двинулись. Дождь размягчил грязь, заставив их перебираться по скалам. Ходьба была трудной и утомительной, особенно для Билли. Мэтью часто останавливался, чтобы мальчик мог передохнуть.

Так они шли, казалось, бесконечные часы. Солнца не было видно за тучами, день оставался темным и серым. Дождь ненадолго прекращался, потом шел снова. Они устали, промокли и замерзли. На одной из остановок съели консервированное мясо с бобами.

Наконец грязь уступила место песку и гальке, перемешавшимся с булыжниками и массивными скальными формациями. Мэтью не представлял, насколько они углубились на восток, но решил повернуть под прямым углом к предыдущему курсу. Без солнца он мог лишь приблизительно определить направление. Если такая погода будет продолжаться, они легко могут начать ходить кругами. Дождя не было уже с час, но небо по-прежнему было затянуто тучами. Впервые увидев корабль, Мэтью не поверил себе. Мираж, подумал он. Но ведь для миража нужны горячий воздух и яркий свет. Или галлюцинация... Были видны лишь только нос и двадцать или тридцать футов за ним, остальное скрывалось за скалой. Фантастический элемент заключался в том, что корабль казался совершенно невредимым. Он лежал на песке, каким-то чудом сохраняя равновесие.

Билли, ухватив его за руку, сказал: "Смотрите! Что это, мистер Коттер?"

- Не знаю. Лучше подойдем поближе.

Когда они вышли из-за скалы, чудо равновесия объяснилось. Корабль застрял в рифе. Это был танкер, один из современных гигантов. Мэтью решил, что в длину он не меньше восьмисот фунтов и водоизмещением в сто тысяч тонн. Линии его четко уходили в даль, к единственной приземистой надстройке на корме. Возможно, в месте столкновения с рифом дно было пробито, но они не видели этого.

Билли сказал: "Какой огромный! Можно нам взойти на борт?"

Корабль прямо стоял на сухом морском дне, грациозный, мощный, прекрасный - величественное произведение исчезнувшего мира. Он гнался за уходящими волнами и упал, как птица.

- Попробуем, Билли! - ответил Мэтью.

9

Когда они обходили танкер, пошел дождь, не сильный, но настойчивый и постоянный. Он ударял в фальшборт, возвышавшийся над их головами, и они решили укрыться под широкой дугой днища. Мэтью подумал, что легче предложить подняться на борт, чем это выполнить. При их приближении на борту не было и признака жизни. Хотя снаружи корабль казался невредимым, Мэтью решил, что команда была смыта волной или погибла при ударе. Он не видел, как им с мальчиком без помощи подняться по этим гладким бортам.

Они могут хотя бы осмотреть корабль снаружи, хотя до сих пор все, что они видели, это красное брюхо чудовища. А корабль действительно был чудовищем. Стальная арка бесконечно тянулась

у них над головами. Глядя вдоль нее и вверх, Мэтью снова почувствовал страх помещения, страх оказаться под крышей. Страх этот был

иррациональным: если сильные толчки не обрушили корабль, что ему могут сделать маленькие. И все же Мэтью вышел под дождь, и Билли без вопросов последовал за ним.

Теперь они видели больше, но ненамного. Они приближались к надстройке на корме корабля. Мэтью сложил руки и крикнул. Голос его прозвучал в пустоте, ответа не было. Слышался лишь свист ветра, шелест дождя.

Позже, когда они огибали корму, Мэтью показалось, что он слышит крик. Мгновение спустя он увидел его причину: ободранная морская чайка расхаживала по песку. Если не считать червей и рыб, это было первое живое существо, встреченное ими после собаки и кроликов на Олдерни. Билли закричал при виде птицы, и она поднялась в воздух, пролетела с десяток ярдов и снова опустилась. Что привело ее к кораблю? Смутные воспоминания о прошлых мирах? Или ее кто-то здесь подкармливал? Мэтью вторично крикнул, голос эхом отдался в тишине.

И тут же он увидел лестницу.

Она была сделана из стали и нейлона и свисала с фальшборта у кормы по правому борту. Она достигала земли, и оставшаяся часть ее грудой лежала на песке. Мэтью подошел к ней и потянул, сначала легко, потом изо всех сил. Она была прочно укреплена наверху.

Он посмотрел на Билли и сказал: "Ну как? Поднимемся? Смо-

жешь подняться по веревочной лестнице? Тут высоко".

- Конечно, смогу! Честно.

- Иди первым. - Мальчик легко начал подниматься. Мэтью дал ему подняться несколько ярдов и начал сам. Лестница раскачивалась под их весом, и Мэтью охватила волна тошноты от высоты. Он остановился, крепко вцепившись в стальную перекладину, и страх землетрясений, наложившись на боязнь высоты, оцепенил его. Если произойдет сильный толчок и эти стальные стены наклонятся и заскользят к нему... Он старался уверить себя, что это абсурдно, но не мог преодолеть ужас. Он слышал, как Билли крикнул что-то. Вначале он ответил бессмысленным хрипом. Откашлявшись, он заставил себя спросить:

- Что?

- Я говорю, что почти поднялся! Но стало труднее. Лестница ударяется о борт.

- Отдохни немного.

- Нет, не нужно.

Постепенно страх уменьшился, и хотя все еще цепенил Мэтью, тот сумел справится с ним. Он переставил одну ногу, поднял руку и ухватился за следующую перекладину. Мэтью начал медленно подниматься, заставляя себя не думать ни о чем, кроме механического перемещения рук и ног. Он слышал радостный крик - Билли добрался доверху, - но не ответил. Приходилось быть осторожным: резкое движение могло ударить его вместе с лестницей о борт. Он знал, что верх уже близко, но не поднимал голову. Вдруг перед его глазами очутились перила, а за ними ноги Билли.

Интересно, что страх покинул его, как только он переб-
рался на палубу, и не только страх землетрясения, но и боязнь
высоты. Он был на приподнятой палубе, окружавшей надстройку;
ниже и впереди длинной линией танки уходили к фантастически да-
лекому носу. Мэтью снова поразили размеры корабля. Больше не
казалось странным, что он прошел через катастрофу невредимым.
Или относительно невредимым: часть ограждений по левому
борту была сломана, а в отдалении виднелась какая-то выпук-
лость, которая могла быть проломом. Отсюда трудно было разгля-
деть.
И тут Мэтью осознал еще что-то. Он сознавал это все вре-
мя, но не отдавал себе отчета. Теперь это уже невозможно было
игнорировать или отрицать... слабое дрожание металла под нога-
ми, приглушенный гул откуда-то из глубины корабля. Он, не веря
своим глазам, смотрел на приземистую надстройку. По-прежнему
ни признака жизни, но где-то внутри работала машина.
Мэтью снова закричал: "Эй! Есть кто-нибудь?" Билли подх-
ватил его крик. Дождь пошел сильнее. На палубе располагался
плавательный бассейн, и капли дождя с шумом падали на поверх-
ность воды. Несколько легких кресел из трубчатой стали и ярко-
го пластика стояли возле доски для прыжков в воду. Как будто
люди загорали и купались здесь, а когда начался дождь, ушли в
помещение.
- Никого нет, - сказал Билли. - Может, изнутри нас не
слышат.
- Может быть. Пойдем посмотрим.
Они направились к двери надстройки. Открыв ее, Мэтью

испытал еще один шок. Он ожидал увидеть темное помещение - перед ним был залитый электрическим светом коридор. Билли ахнул рядом.

- На борту должны быть люди! - воскликнул Мэтью. - Они сумели запустить генераторы.

- Может, снова крикнуть

- Нет, не думаю. Пойдем искать.

Они погрузились в паутину коридоров и переходов. Мэтью открывал двери и обнаруживал каюты, ванные, служебные помещения. Что-то странное было во всем. Он никак не мог этого сформулировать, пока не наткнулся на каюту с двумя койками. Койки были аккуратно заправлены простынями и одеялами, и все в каюте было в полном порядке. Мэтью понял, что та же аккуратность царит повсюду. Какой бы хаос ни царил здесь после катастрофы, кто-то ликвидировал его с фанатическим терпением.

Кто мог сделать это? Команда корабля, обнаружившая себя на сухом морском дне и нашедшая прибежище - возможно, какой-то массовый психоз - в чистке и мытье? Или это делалось по команде сумасшедшего капитана? И то и другое было одинаково невероятно, и уж во всяком случае команда, пунктуально исполняющая свои обязанности, оставила бы следы своего присутствия. Но здесь никого и ничего не было. Шаги их глухо отдавались в коридорах, и они открывали двери в пустые комнаты.

Одна из них оказалась камбузом. Крышки столов были выскоблены и вымыты, кухонные принадлежности разложены рядами. Гудел большой холодильник. Мэтью открыл его и увидел несколько жареных цыплят, ветчину, масло, с десяток жестянок с пивом.

Внутренности его свело от голода. Но они были непрошеными гостями, а где-то должны быть офицеры и команда. Он неохотно закрыл дверцу холодильника.

Билли, который самостоятельно осматривал камбуз, позвал: "Мистер Коттер! Посмотрите!"

Он открыл шкаф. Внутри были полки, нечто вроде кладовки.

На второй полке аккуратным симметричным рядом стояли они, не очень правильной формы, может быть, но все же прекрасные: три буханки белого хлеба.

Ниже на полке лежали консервы и сыр под прозрачным покрывалом. Голова голландского, кусок горгонзолы, кусок чеддара.

Мэтью видел выражение Билли и не мог перенести этого. Он взял одну из буханок и сказал: "Дай мне нож".

- А можно?

Но он уже пошел за ножом. Мэтью подавил желание впиться в корку зубами и ждал возвращения мальчика. Положив хлеб на стол, он сказал: "Проверим их гостеприимство. Но если они скажут нет, я перережу им горло. Вот и ты намажь масло и бери, что хочешь".

Он отрезал по толстому куску для обоих. Билли намазал свой клубничным джемом. Мэтью задержался перед кусками сыра. Голландского больше всех. Он отрезал примерно половину, заметил, что оставил масло на сыре, и отрезал еще кусочек, чтобы убрать масло. Потом набил рот хлебом с сыром. Зубы его работали автоматически, и он обнаружил, что, не желая этого, глотает неразжеванные куски.

Он резко обернулся, услышав, что открылась дверь. Кусок

хлеба с сыром, как виноватый мальчишка, он невольно сунул за спину.

Человек, вошедший в камбуз, улыбнулся. "Ну, вы справились сами. Проголодались?"

Он говорил на американском варианте английского со средневосточным акцентом. Не итальянец, решил Мэтью. Грек? Похож на грека. Это был низкорослый толстый смуглый человек. На нем безупречно сидел белый тиковый костюм и морская фуражка, отделанная золотом. Он сегодня брился: хотя и темно-голубой, подбородок его был гладким. И от него исходил слабый запах косметики.

Мэтью ответил: "Мы очень проголодались. Очень. И с самой катастрофы мы не видели хлеба".

Человек великодушно взмахнул рукой. "Не беспокойтесь. У меня много еды и питья. Хотите пива? - он достал из холодильника жестянку. - А мальчик? Кока? - Он улыбнулся, показывая белые зубы с блеском золота. - Хочешь выпить коки?

Они поблагодарили его, но он покачал головой. "У меня много. Меня зовут Скиопос, капитан Скиопос. Можете называть меня Ник".

Мэтью представил себя и Билли.

Скиопос сказал: "Значит мальчик не ваш сын? - Он сверкнул еще одной улыбкой. - Вы просто путешествуете с ним вместе?"

Мэтью кратко пересказал ему случившееся. Скиопос слушал без особого интереса. Наконец он сказал: "На суше очень плохо?"

- Что касается островов в проливе, то да. - Мэтью кончил хлеб с сыром. Он посмотрел на буханку, и Скиопос сказал: "Про-

должайте. Отрежьте себе еще. Последний раз я испек слишком много хлеба. Его нужно есть".

Отрезая хлеб, Мэтью спросил: "Вы все время были здесь? Один?"

- Все ушли, - ответил Скиопос. - Я говорил, что они сошли с ума, но они ушли. Я говорил: то, что осушило пролив, на суше сделало черт знает что. Вы не найдете земли с молоком и медом, говорил я им. Но они тронулись. Что за ночь! Такой корабль бросало, как спичку. Кто-то вытащил пробку из ванны. Но мы сели благополучно. И я им сказал: нам повезло. Но они не слушали.Взяли немного пищи и ушли на север.

- Давно?

Скиопос пожал плечами. "Кто знает? На следующий день после того, как мы застряли. Но я больше не веду журнала. Кому это нужно?"

Хлеб с сыром оказались еще вкуснее, если только это возможно. А острый вкус пива в горле довершил эстетическое впечатление. Мэтью сказал: "Благополучно - правильное слово. Похоже, корабль совсем не поврежден".

- Поврежден достаточно, чтобы не поплыть, если снова придет вода. Но, я считаю, этого не случится. Хотите принять ванну?

- Горячая вода?

- Конечно! Я не стал бы приглашать вас в ванну с холодной. Много мыла, полотенце и все такое. Есть ароматная соль для ванной, если хотите.

Он провел их в другую часть корабля. Открыв дверь, пока-

зал Мэтью роскошную ванную.

- А для мальчика - за следующей дверью. Пойду тоже осве-
жусь: ведь у меня гости. Позвоните, Мэтью, когда кончите, и я
приду за вами. Если не показать дорогу, вы можете заблудиться.
Мэтью пустил горячую воду, какую только мог вытерпеть. У
него захватило дыхание от жара. Он лег, расслабившись. За пе-
регородкой плескался Билли. Мэтью сосредоточился только на
ощущении удовольствия.

Скиопос вернулся до того, как они кончили мыться. Он
спросил: "Хорошо вымылись, Мэтью? Я принес одежду. Должно по-
дойти".

Он выглядел еще аккуратней, чем прежде. В руках у него
была аккуратная стопка. Он положил ее на крышку рундука.

- Должно быть вашего размера, - сказал он. - Вот брюки,
жилет, носки, рубашка. Нет туфель, но на борту они вам не нуж-
ны. И для мальчика тоже есть. Великовато, но у меня с собой
ножницы - можно подрезать.

Мэтью вышел из ванны и завернулся в полотенце. Он начал
благодарить Скиопоса, но тот прервал:

- Я пойду, отнесу это мальчику. После ванны нужно наде-
вать чистое. Когда оденетесь, я покажу вам корабль.

Какое облегчение не надевать старую одежду! Она грязной
грудой лежала на полу. Чистый холст замечательно пах, его при-
косновение к коже было невероятно нежным. Одевшись, Мэтью про-
шел к Билли.

Скиопос одевал мальчика, вернее, стоял и разглядывал его с

благожелательным интересом. Он сказал: "Хороший мальчик, но маленький. - Билли неуверенно улыбнулся. - Вы не портной, Мэтью? Давайте попробуем вместе".

Когда Скиопос кончил, Билли выглядел комично, но чисто. Рубашка и брюки были ему велики, причем брюки поддерживались парой кричащих сине-золотых подтяжек. Скиопос потрепал его по плечу и провел пухлыми короткими пальцами по влажным волосам мальчика.

- Ну, по крайней мере теперь ты выглядишь лучше. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Он привел их в помещение с рядами удобных кресел. Скиопос подошел к передней стенке и нажал на кнопку. Развернулся экран, и Мэтью понял, что это корабельный кинозал. В стене за сидениями было отверстие; очевидно, оттуда проецировали фильм.

- Садитесь, - сказал Скиопос. - Я сейчас.

Все, что происходило с момента их появления, казалось нереальным. Как во сне. Но это превосходило все остальное. Мэтью и Билли сели, а Скиопос вышел. Несколько мгновений и из отверстия в стене послышался голос: "Готовы? Хорошо! Начинаю".

Свет погас. Чернота и на мгновение приступ клаустрофобии; но экран осветился, и страх отступил. Это был мультфильм - "Приключения Тома и Джерри". Поглядев вбок, Мэтью увидел лицо Билли. На нем было обычное детское удовольствие.

Скиопос показал еще два мультфильма, потом выключил аппарат и зажег свет в зале. Потом сказал в отверстие. "Перерыв. Сидите. Я сейчас".

Вернувшись, он принес поднос. "В перерыве у нас мороженое

и конфеты. Как насчет этого, Билли? А вам сигарету, Мэтью? Или сигару?"

Он дал Билли мороженое и плитку шоколада, зажег сигарету для Мэтью, а сам закурил маленькую сигару. Потом сел и начал говорить. Мэтью слушал его, гадая, здоров ли он или безумен. Он не проявлял никаких признаков безумия, а был очень дружелюбив и деловит. Но ситуация была безумной, а он слишком обычно воспринял их появление. Либо он должен был больше обрадоваться людям, либо негодовать из-за растраты драгоценных припасов: ведь они ограничены, а что он будет делать, когда они кончатся?

По мере того как он говорил, яснее становилась картина происходившего. Он не убеждал команду остаться и не слушал их уговоров идти. Оставшись один, он копался в машине, пока не пустил ее в ход. Они шли на юг из Лондона, везя в танках воду в качестве балласта, и он умудрился переключить эту воду в охлаждающую систему. Безумный или нет, он был, очевидно, толковым механиком. Потом он начал чистить корабль, что делал с подмеченной Мэтью дотошностью. Он готовил для себя на большой электропечи, работавшей от генератора, слушал пластинки, снова и снова смотрел фильмы.

Он сказал: "Вы, может быть, думаете, что мне одиноко? Но когда слушаешь голоса, видишь лица... у меня есть лента с Синатрой и Авой Гарднер. Они как друзья. Понимаете?"

Мэтью медленно, с наслаждением курил сигарету. Он спросил: "А радио?"

- Радио? Вышло из строя.

- Вы можете починить его?

Скиопос пожал плечами: "Я мало что понимаю в радио".

- Если попробовать... может, сумеем поймать какую-нибудь станцию.

Скиопос смотрел на него без всякого интереса.

- Мы знаем, что западная Европа уничтожена. Вероятно, что-то подобное произошло и в Америке. Но ведь не может быть так плохо всюду... Россия, Китай, Новая Зеландия?

- Я мало что понимаю в радио, - повторил Скиопос.

Мэтью понял, что тому не нужен контакт с внешним миром. Он удовлетворен тем, что стал центром своего маленького мирка. Но почему тогда он их принял так по-дружески? Может быть, потому, что они дали ему возможность показать свою власть и чудеса.

Мэтью спросил: "А горючее?"

-Горючее? У меня его много.

- Сколько?

У Скиопоса появилось беспокойное выражение, он отвел взгляд. Настойчиво сказал: "Много горючего, говорю вам".

- Но когда оно кончится и генератор заглохнет, что вы тогда будете делать?

- Не о чем беспокоиться. Вообще не о чем. Простите, Мэтью. Мне нужно заняться делами. Погуляйте. Увидимся позже.

В следующий раз они увидели Скиопоса в камбузе. Он готовил еду. Встретил их он так же приветливо, как и раньше. "Когда у меня нет гостей, я днем перехватываю что-нибудь, но теперь я подумал, что вам захочется горячего".

- Не беспокойтесь, - сказал Мэтью. - Мы прекрасно обошлись бы хлебом с сыром.

Но запах был неотразим: толстые куски ветчины жарились в масле.

- Ничего особенного, - сказал Скиопос, - ветчина, жареный картофель, помидоры. Подождите еще десять минут. Хорошо?

За едой он рассказывал о своем распорядке дня. Будильник поднимает его в 6.30. Он моется, бреется и готовит на камбузе себе завтрак: кофе, тосты и консервы. Потом осматривает корабль, прибирает необходимое и отправляется на ежедневную прогулку на берег. Он делает это в любую погоду. Когда Мэтью нашел лестницу, он как раз гулял.

В первые дни он работал и во второй половине дня, ликвидируя последствия катастрофы. Теперь в этом нет необходимости, и он проводит время в бассейне, а в плохую погоду слушает пластинки и смотрит фильмы. На корабле есть библиотека, но Мэтью понял, что Скиопос не любитель чтения.

Он провел Мэтью и Билли по кораблю. Скиопос был вежлив и точен в объяснениях. Как будто они были официальные посетители, а танкер стоит в Лондонском порту, отдыхая после пути.

Скиопос указывал на повреждения, но говорил о них бегло; создавалось впечатление, что ремонтники вот-вот примутся за работу. Они поднялись на мостик, шедший по обе стороны от надстройки. Теперь они находились более чем в ста футах над морским дном, высоко над ними вздымались сигнальная мачта и радар.

Танкер уходил вдаль. Дождь прекратился, и видимость улучшилась

Миля за милей видны были полоски грязи, галька, скалы. Такой

вид вполне может свести с ума, подумал Мэтью.

Скиопос смотрел вперед, как будто по-прежнему видел серые воды пролива. Спокойным голосом он сказал: "Он прекрасен, не правда ли?"

Мэтью ответил: "Впечатляет".

- Мой первый корабль.

- Правда?

-Мне тридцать восемь лет, - сказал Скиопос. - На этой линии нельзя стать капитаном моложе тридцати пяти. Я знал одного парня на пять лет моложе меня, он был капитаном танкера. Потом построили эту красавицу. Спустили на воду 18 месяцев назад. Парень, который плавал на ней, заболел: что-то с почками, не знаю, что именно, но он пролежал в госпитале несколько месяцев. Мне как раз нужно было идти в отпуск. У нас хороший отпуск, на 4-5 месяцев. Меня спросили, хочу ли я пойти капитаном или уйду в отпуск. Ну, можно ли об этом спрашивать? Я сказал по телефону да, а потом поехал в контору, чтобы убедиться, что они меня поняли. Через два дня я принял корабль. Когда ударил первый толчок, я еще нес свою первую вахту.

- Не повезло.

Скиопос рассеянно и несколько удивленно посмотрел на него. Потом перевел взгляд на огромный корабль. "Он прекрасен. Лучший танкер на линии. Пойдемте, я покажу вам рубку".

Билли устал. Длинные переходы измотали его, к тому же в прошлую ночь было очень холодно. Мэтью сказал об этом Скиопосу, и сразу после ужина из компота, горячего шоколада и пе-

ченья они уложили мальчика в постель. Сонный и счастливый, Билли лег на чистую простыню, постеленную на мягкий матрац. Ему необходим отдых, подумал Мэтью. Будущее нельзя связывать с этим кораблем, но почему бы не провести здесь несколько дней и не перезарядить батареи?

Скиопос настоял на роскошном ужине для Мэтью и себя. Он приготовил закуску: салами, сардины, фаршированные яйца, оливки и картофельный салат. Главным блюдом служили цыплята в ароматном соусе с гарниром из риса. Все это сопровождалось охлажденным красным вином. Потом они пили кофе с бренди и курили в офицерской гостиной. Мэтью поздравил хозяина с великолепным ужином. Скиопос с обычным своим отсутствующим видом, который Мэтью заметил раньше, принял его комплименты. Мэтью продолжал говорить о прошлом, о возможностях будущего, но Скиопос вряд ли слушал его. Вдруг он сказал, прервав Мэтью на полуслове: "Хотите посмотреть кино?"

- Поздновато уже, - ответил Мэтью. - Должно быть, вы устали. Я сам очень устал.

- Я всегда смотрю по вечерам кино, иногда два. - Скиопос встал с легкого кресла. - Посмотрим картину с этой английской актрисой Кэти Кирби. Вам она нравится, Мэтью? Идемте. Если хотите, захватите с собой выпивку.

Это был скорее приказ, чем приглашение. Мэтью налил себе еще бренди и после недолгого колебания прихватил с собой всю бутылку. Скиопос сразу прошел в проекционную и , ни слова не говоря, выключил свет и пустил фильм. Потом вернулся в зал и сел, оставив аппарат работать.

Это была английская музыкальная комедия, и она оказалась лучше, чем ожидал Мэтью: он никогда не был заядлым кинолюбителем, а в последние годы почти совсем перестал ходить в кино.
Но больше, чем картина, его заинтересовала реакция Скиопоса. Тот отпускал замечания, скорее адресованные самому себе, чем сидевшему рядом. Впрочем, это и не замечания. Мэтью скоро понял, что он разговаривает с героями фильма. Он шутил, смеялся, и у Мэтью появилось ощущение, что все это повторялось уже много раз и превратилось в какой-то ритуал.
Скиопос ходил в проекционную, менял части и снова возвращался. Мэтью устал, комбинация бренди и кино привела его в сонное состояние, но он выдержал фильм до конца. Чувствуя, что нужно что-то сказать, он заметил: "Очень хорошо. Думаю идти поспать".
Скиопос отправился в проекционную и не ответил. Мэтью ждал, что он выключит аппарат и вернется. В проекционной вспыхнул свет, но в зале оставалось темно. Потом аппарат снова зажужжал, и на экране пошли надписи. Скиопос вернулся. Еще не успев сесть, он начал смеяться.
Мэтью подождал еще пять минут. Потом снова сказал, что идет спать, но не получил ответа. Ему пришлось пройти мимо Скиопоса. Тот нетерпеливо заерзал, но мгновение спустя уже смеялся какой-то шутке с экрана. Он даже не повернул головы, когда Мэтью вышел.
Мэтью взглянул на мирно спавшего мальчика и прошел в соседнюю каюту. Без особого интереса он подумал, долго ли еще Скиопос будет смотреть кино. Он сильно устал и мог думать

только о чистой и мягкой постели.

На следующее утро Билли разбудил его. Увидев мальчика в дверях каюты, увидев полированное дерево и металл, яркий искусственный свет, Мэтью на мгновение забыл обо всем случившемся. Ему показалось, что он находится в мире до катастрофы. Он даже подумал, где это он находится. Но спустя несколько мгновений он все понял, вспомнил о Джейн, и боль снова была такой же резкой, как раньше.

Скрывая ее, он улыбнулся Билли. "Здравствуй. Который час?"

- Не знаю. Я недавно проснулся.

Мэтью глянул в иллюминатор. "Солнце взошло. Надо приготовить что-нибудь на завтрак. Хочешь есть?"

Билли кивнул."Я видел капитана".

- Ну и что?

- Я поздоровался, но он не ответил.

- Вероятно, думал о чем-нибудь другом. Брось мне рубашку.

Он умылся, оделся, и они вместе пошли на камбуз.

Изнутри слышались звуки; открыв дверь, Мэтью увидел Скиопоса. Опустившись на колени, тот мыл пол. Мэтью сказал: "Доброе утро, капитан", - но Скиопос даже не поднял голову. Его белые брюки выглядели неряшливо; поверх рубашки он надел плотно обтягивавший жилет. Мэтью заметил лысину у него на голове. Как он и предполагал, капитан был ненормален; возможно, он был предрасположен к психозу, а землетрясение и волна лишь дали толчок. Поэтому он остался, когда команда ушла, поэтому проводил столько времени за чисткой. Он их принял по-дружески,

находясь, по-видимому, в максимальной фазе, а теперь перешел в депрессивную. А может, он способен был воспринимать впечатления извне, но закрыл свой мозг, когда они начали угрожать фантастическому миру, в котором он жил. То же обстоятельство, которое заставляло его щедро тратить свои запасы, препятствовало даже упоминанию о том, что они кончатся.

Безумен, но, очевидно, безвреден. Если он не заметил их, когда они заговорили с ним, значит они могут заниматься своим делом.

Билли смотрел удивленно и немного испуганно.

Мэтью похлопал его по плечу и сказал: "Позавтракаем. Хочешь жареной ветчины, Билли?"

Они нашли ветчину в холодильнике и поджарили ее с хлебом. Скиопос не подавал и знака, что замечает их присутствие. Пока они ели, он кончил мыть пол, взял ведро и щетку, вымыл ее, поставил в шкаф и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Билли спросил: "Что с капитаном, мистер Коттер?"

- Его разум болен.

- Как у мамаши Латрон?

- Да.

- Но он даже не видел нас. Как будто нас здесь нет.

- Да.

Болезнь капитана не особенно сказывалась на их положении: они не собирались оставаться здесь надолго. Но Мэтью думал, что они проведут здесь несколько дней, отдохнут и подкормятся. К тому же Мэтью опять чувствовал страх перед закрытым помеще-

нием.

Скиопос, по-видимому, отправился на свою утреннюю прогулку. Мэтью подумал, что произойдет, когда действительность ворвется в эту уютную крошечную вселенную. Когда остановятся генераторы, погаснет свет. Будет ли Скиопос смотреть на пустой экран и населять его привидениями? Пока не кончится пища и он умрет с голоду. Мэтью сомневается, чтобы он даже тогда покинул корабль. Сохранить иллюзию для него означало больше, чем сохранить жизнь.

Он и Билли прибрались в камбузе. Даже если они больше не существуют для Скиопоса, нужно отплатить за гостеприимство.

Билли спросил: "Мы уходим?" Ему явно хотелось уйти.

Мэтью ответил: "Как только будем готовы. Я думаю, мы кое-что прихватим с собой. Немного хлеба и масла".

- А капитан ничего не скажет?

- Наверно, нет. Ведь он разрешил нам есть, а если мы уйдем, то обойдемся ему дешевле..

- А можно мне взять немного мороженого? До ухода.

Мэтью улыбнулся. "Конечно. Ведь с собой его не возьмешь".

Скиопос как раз готовился к выпечке хлеба. Он замесил тесто и добавил в него дрожжей; вероятно, по возвращении с прогулки он начнет печь хлеб. В шкафу оставались полторы буханки, и, немного подумав, Мэтью взял целую. Он отрезал кусок ветчины, взял сыра, полдюжины пакетиков шоколадного печенья и баночку клубничного джема. Этого хватит на несколько дней вдобавку к их однообразной диете.

Они убрали и каюты, в которых провели ночь, хотя, несом-

ненно, Скиопос еще раз, тщательно уберет их. Мэтью взял свой мешок и сумку Билли и пошел в камбуз. Сложил свежие продукты, и еще осталось место. Мэтью снова открыл холодильник. Оставались еще два цыпленка.

Очевидно, у Скиопоса их немало в глубоком охлаждении. В конце концов Мэтью разрубил цыпленка кухонным ножом, положил одну половинку в мешок, а другую - обратно в холодильник.

- Ну, вот мы и готовы, - сказал он Билли.

По крайней мере не было дождя. Когда они вышли на палубу, Мэтью увидел, что небо серое, с тусклым пятном на месте солнца. Воздух влажный, ветер почти совсем прекратился. Вода в бассейне застыла, темно-синяя и неподвижная. Похоже на один из тех дней, которые Скиопос проводит у бассейна, время от времени охлаждаясь в воде. Вероятно, с жестянкой пива у кресла. Жизнь едока лотоса, пока она длится. А долго ли она будет длиться? Еще месяц-два?

Мэтью хотелось побыстрее уйти с корабля и двинуться в путь, раз уж все решено. Он думал, что Билли испытывает то же самое: мальчик был тише, чем обычно, и заметно нервничал. Их ботинки застучали по палубе, и чайка, вероятно, та самая, которую они видели накануне, с криком поднялась в воздух с палубы. Мэтью подошел к перилам и посмотрел вниз. Вид морского дна с такой высоты вызввал у него головокружение. Лучше не смотреть. Мэтью готов был уже перелезть через перила, когда увидел внизу какое-то движение. Скиопос. Он шел к лестнице, не глядя ни вправо, ни влево.

Ему оставалось еще 20-30 ярдов. Значит, Мэтью мог оказаться на лестнице раньше него. Тем не менее, Мэтью решил подождать: если они все еще не существуют во вселенной Скиопоса, на пути вниз может возникнуть нелепая ситуация. Он кивнул Билли и они стали у перил, наблюдая. Скиопос подошел и начал подниматься. Вскоре он достиг уровня палубы и перебрался на нее. Он тяжело дышал и немного вспотел. Он не взглянул на Мэтью и мальчика, хотя те стояли в нескольких футах от него.

Мэтью сказал: "Мы уходим, капитан. Спасибо за гостеприимство. Мы прибрались, как могли".

Скиопос пошел по палубе к надстройке. Он не подал виду, что слышал что-то.

Мэтью вслед ему несколько громче сказал: "Мы взяли кое-что; надеюсь, вы не возражаете".

Скиопос резко остановился и обернулся; движения его были резкими, как у заводной куклы. Он напряженно смотрел на Мэтью, как бы стараясь увидеть что-то далекое.

Мэтью сказал: "Ничего особенного. Буханка хлеба, кусок сыра и так далее. И полцыпленка".

Скиопос шагнул вперед и остановился. Он сказал: "Положите назад. Все. Поняли? Все".

Мэтью сказал: "Будьте разумны. Если бы мы остались, мы съели бы гораздо больше".

Скиопос задрожал от эмоций - гнева, или страдания, или того и другого. Напряженным голосом он сказал: "Корабельные припасы... понимаете? Их нельзя уносить. Верните. Вы вор. Отдайте".

Ружье прикреплено к рюкзаку. Стоит лишь протянуть руку и снять его. Даже если на корабле есть оружие, у Скиопоса сейчас его нет. Он не может заставить их. Мэтью коснулся рукой ружья, но не взял его. Если Скиопос испугается и попятится, что дальше? Им предстоит 50 футов спуска по раскачивающейся лестнице, а сумасшедший останется на палубе. Слишком рискованно. Даже если он заставит Скиопоса спуститься первым, риск все равно останется. Он мог подобрать на дне камень; нельзя все время целиться из ружья и в то же время спускаться по веревочной лестнице.

А ведь, возможно, Скиопос настолько безумен, что не испугается. Если он нападет, вынудит Мэтью нажать курок... Мэтью подумал, как выглядит рана из дробовика на таком расстоянии. Если бы они с мальчиком умирали с голоду, другое дело; но животы у них полны, а в мешках есть еда. Бессмысленно.

Мэтью снял рюкзак. Скиопос по-прежнему дрожал, но молчал и не подходил ближе. Мэтью открыл мешок и достал несколько маленьких пакетов. Когда он выложил их на палубу, Скиопос подошел. Он присел на корточки развернул пакеты и стал их рассматривать. Удовлетворившись, он подобрал все и пошел к надстройке. На полпути он уронил один пакет и, нагнувшись, подобрал его. Он не оглядывался и через несколько секунд исчез в двери, ведущей внутрь корабля.

Мэтью завязал рюкзак и надел его. Потом сказал: "Билли, я пойду первым.Ты за мной. Ладно?"

На пути вниз он испытал несколько неприятных моментов. Помимо обычных страхов, ему пришло в голову, что Скиопосу ниче-

го не мешает вернуться и стрелять в них или бросать что-ни-
будь. Корабельные припасы не должны покидать корабль, а ведь
они кое-что уносили в животах. И еще одежда. Мэтью почувство-
вал большое облегчение, ступив на землю и увидев, что мальчик
тоже спусился.

Они быстро пошли вперед и, оглядываясь, видели, как
уменьшается огромный корпус. Но они шли по наклону, и еще
несколько часов спустя очертания танкера видны были на гори-
зонте.

- Пора передохнуть, - сказал Мэтью.

Билли вначале был молчалив. Но потом развеселился и стал,
как всегда, щебетать. Но они ничего не говорили ни о Скиопосе,
ни о корабле.

Мэтью спросил: "Хочешь поесть?"

Мальчик покачал головой. "Я не голоден".

Мэтью порылся в рюкзаке. Он достал шоколадное печенье -
оно лежало в стороне от других продуктов - и увидел на лице
Билли удивление и радость. Это стоит страха не раскачивающейся
лестнице, подумал он.

10

Вышло солнце, и стало жарко. Они шли по песку и скалам,
направляясь на север, и остановились на ночь на песчаной
полоске, окруженной странно симметричным кольцом скал. Неу-
добства были еще неприятнее после коек танкера, и они спали

урывками и проснулись, уставшие и невыспавшиеся. Но ночь была нехолодная, а вышедшее солнце согрело их. Они открыли банку с мясом, Мэтью постарался прогнать воспоминания о хлебе.

Снова стало очень жарко, и в середине дня начали попадаться участки грязи, вначале прерывавшиеся рядами гальки, но позже непрерывными. Серо-коричневая равнина, почти лишенная выдающихся черт, уходила вдаль. В отличие от предыдущих участков пути, здесь грязь сильно высохла, иногда встречались мягкие места, но они достигали в глубину нескольких дюймов. Идти было легко, гораздо легче, чем на всем пути по морскому дну. Но угнетало впечатление бесконечности. Песок, галька, скалы остались позади, вокруг была бесконечная темная пустыня, уходившая во все стороны. Ноги их поднимали облака коричневой пыли, которая повисала в воздухе. Мэтью вспотел, Билли устал и жаловался на жару. Мэтью дал Билли воды из пластикового контейнера и немного попил сам. Воду он набрал на танкере.У нее был чистый сладковатый вкус, иной, чем у воды на Олдерли. Если бы Скиопос знал, что они взяли воду, он, вероятно, велел бы ее вернуть.

Они шли. Мэтью казалось, что они останавливаются чаще, но на более короткие периоды. Хотя ходьба утомляла, остановки - они сидели или лежали на засохшей грязи - не освежали.

Через короткое время ими овладевало беспокойство, сиремление идти дальше,

жажда изменений. Любое изменение, любое нарушение плоского однообразия казалось подозрительным; они долго не могли оторвать от него глаз. Таких случаев было немного. Какое-то бревно, об-

ломки небольшого корабля, путаница упавших прутьев, о происхождении которых Мэтью так и не смог догадаться. Последнее, что они увидели в этот день, оказалось подводной лодкой. Кормой она погрузилась в грязь, а нос под странным углом торчал в небо. Лодка лежала к западу от них, и за ней садилось солнце; корабль был освещен красновато-золотистым светом. Лодка выглядела слишком маленькой и грубой для современной. Реликт первой мировой войны, подумал Мэтью. Они прошли в ста ярдах от лодки и не побеспокоились осмотреть ее ближе. Оба устали, а Мэтью чувствовал, что важно пройти как можно больше, пока еще светло. Несмотря на чувство беззащитности на открытом пространстве, эту ночь они спали лучше. Звезды ярко горели на чистом небе, а позже взошла луна в первой четверти. Мэтью проснулся ночью и с полчаса лежал, глядя в небо. В прошлом он считал небо бессмысленной путаницей точек света, непостижимых и далеких. Теперь звезды приобрели значение, они были чем-то знакомым. Весь мир изменился, только созвездия остались прежними. Мэтью снова заснул, благодаря звезды.

Часть следующего дня они шли еще по ровной грязи. С юга потянулись облака, закрыв солнце, но дождя не было. Однажды над головой пролетели птицы - стая диких уток. Неподходящее для них время года; они должны были закончить перелет задолго до землетрясения. Возможно, происшедшие изменения сбили их с толку. А может, изменились сами времена года. Впрочем, это глупость, сказал себе Мэтью. Сейчас лето, типичное лето, может, чуть лучше среднего для Британских островов. Которые перестали быть островами.

Наконец они пришли к концу равнины, и настроение у них улучшилось. Тут было много гальки, изредка скалы, выступы известняка. А также мертвый кит. Туловище его разлагалось, запах сообщал о его присутствии за полмили. На туловище кормились две или три чайки и ворона. Увидев ее, Мэтью начал надеяться, что земля близко.

И наконец они увидели ее. В середине четвертого дня после того, как они покинули танкер, Билли указал на горизонт. "Мистер Коттер! Я думаю, это не облако. Это земля."

Утром светило солнце, но сейчас небо затянули облака. Им пришлось сделать несколько обходоав, но Мэтью был уверен, что они идут правильным курсом. И все же перед ними были только галька и скалы; туманные очертания, на которые указывал Билли, находились слева - к западу, он сказал бы.

Он долго смотрел туда. Конечно, бинокль сразу решил бы проблему. Впрочем, подумал он сухо, с таким же успехом можно пожелать хорошую дорогу и "ягуар". Конечно, он не был уверен, но глаза Билли моложе; вероятно, он видит лучше.

Мэтью сказал: " Ты думаешь, это земля?"

- Да. Но я не уверен.

- Посмотрим.

Они повернули. В одном месте они увидели две стены пляжного киоска. На одной из них была надпись: "Чай, наборы для пикника, мороженое". Снесено волной, решил Мэтью. Он снова посмотрел, и на этот раз сомнений не было. Очертания стали резче, отчетливее. Они направились к большой земле.

По мере того как они подходили ближе, земля приобретала

знакомые очертания. Он узнал их. Когда он в последний раз видел этот берег, тут плескались волны, ветер хлопал парусами над головой, а с крошечного камбуза тянуло запахом сосисок. Они с Фелисити проводили уикенд на яхте приятеля. Все это ушло, но он знал, что они смотрят на вход в гавань Пул. Их первоначальный курс был правильным, и если бы они не свернули, то сейчас видели бы уже Борнемут. Или то место, где раньше был Борнемут.

Приближался вечер. Небо темнело. Скоро нужно будет остановиться на ночь. Если идти этим курсом, можно еще сегодня уйти с морского дна. Эта мысль была соблазнительной. Там легче найти убежище, а утром найти дрова и развести костер. Запах сосисок из прошлого снова припомнился ему.

Но двигаться на запад значило удаляться от Джейн. Мэтью сказал Билли, что они пошли неверным путем, и они снова повернули на север. Скоро они снова увидели берег, но к этому времени уже совсем стемнело и вскоре они должны были остановиться. Они снова спали в песке, и ночью пошел дождь. Не сильный, но достаточный, чтобы разбудить и промочить их. Время до утра тянулось бесконечно.

Мэтью рассчитал, что они вышли на берег примерно в том месте, где был Борнемут. От него не осталось ни следа: огромная волна, как и на островах, уничтожила все признаки жизни. Осталась голая земля. Неужели на этих обнаженных холмах стояли отели, рестораны и ряды магазинов? Ничего не двигалось. Они поднялись по каменистой осыпи, скользя и с трудом сохраняя

равновесие. Обескураживающее приземление.

Дождь прекратился, но по-прежнему было облачно. На этот раз береговая линия указала им направление. Они двинулись на север, в сторону Нового Леса. Одежда у них отсырела, а утро не принесло тепла. Даже во время ходьбы они мерзли, и когда остановились отдохнуть, то дрожали. Удивительно, подумал Мэтью, что они не заболели, но можно чувствовать себя плохо и без болезни. Он с сочувствием посмотрел на Билли. У него самого была по крайней мере цель. Мальчик же шел по разрушенному и бессмысленному миру без всякой цели.

На склоне холма ясно была видна линия максимального подъема воды, выше началась трава, кусты, несколько деревьев. После дней, проведенных в голых скалах, это было удивительное зрелище. Они сели на траву, прикасались к ней. Мэтью срывал стебельки, растирал их в пальцах, вздыхал запах, наконец он снова в Англии. Запахи лета опьяняли. Чуть дальше росли маргаритки, над ними танцевали две красно-коричневых бабочки. В отдалении пел черный дрозд.

Мэтью дал Билли один из двух оставшихся пакетов шоколадного печенья, и они снова двинулись, поднимаясь по склону. С вершины холма они увидели местность, почти не изменившуюся: кое-где упавшие деревья, в одном месте, где соскользнул слой земли, рубец, но в целом обычная деревенская сцена. Кроме, конечно, сельскохозяйственных работ. Поля были на месте, но ухода за ними не было. Мэтью увидел вблизи пшеничное поле, а дальше кое-что, ради чего стоило свернуть, - картошку.

На картофельном поле они увидели первые следы человека.

Целый угол поля бы убран, ботва лежала меж рядов. Мэтью вырвал несколько кустов. Клубни еще маленькие, самый большой - в несколько дюймов. Но картошки было много. Они, как могли, стерли грязь и съели клубни сырыми.

Потом набили свободные места в мешках клубнями. В рощице поблизости нашлось достаточно хвороста, но солнца не было, и Мэтью почувствовал раздражение от собственной непредусмотрительности. Он мог бы взять спички из запасов Миллера или на танкере. Внимание его было сосредоточено на том, чтобы пересечь морское дно. Он почти не думал, что будет дальше.

В нескольких сотнях ярдов от картофельного поля они увидали развалины человеческого жилища. Очевидно, фермерский дом. Пахло смертью, но запах этот уже не был сильным: проходило время и тела истлевали в очищающей земле.

Что-то еще происходило здесь. Обломки были перевернуты человеческими руками, это несомненно. Спасательные работы? Или поиски добычи? Последнее вероятней: работы производились недавно. Отряд кочевников, бродящих по стране, подбирая все, что может пригодиться: картошку, несколько банок консервов из разрушенной кладовки. Угнетающе и шокирующе думать в таких терминах. Мэтью не имел понятия, что произошло с выжившими на обширных просторах Англии, но считал само собой разумеющимся, что тут будет по крайней мере та же степень организованности, что и на Гернси. Теперь он понял, что мог и ошибиться. Там, где границы узки, дисциплина строже и шансы на установление порядка выше. Здесь хаос может быть более полным и длительным. Последнее в этот день указание на присутствие человека

было наиболее приятно. Они перешли от сельскохозяйственной к обычной местности - лисистые площади самого Нью Фореста - и достигли главной дороги. Мэтью предполагал, что это либо А-31, либо А-35; путешествуя без солнца и компаса, как далеко они отклонились от первоначального курса. Он решил, что имеет смысл идти по дороге, которая местами бугрилась, была заброса-на павшими деревьями и начала зарастать травой, но все же была удобнее для ходьбы, чем земля вокруг нее; если бы только знать, какая именно это дорога. Поворот направо по А-31 приводит в Саутгемптон, но анологичный маневр на А-35 возвращает их к то-му месту, откуда они начали. День клонился к вечеру, но тучи были также плотные, что Мэтью не мог даже догадаться, где за-пад. Он решил, что самое разумное - рано остановиться в надеж-де, что небо к утру проясниться. Он чувствовал усталость, а Билли выглядел полумертвым.

Но, к его удивлению, Билли предложил пройти еще немного.

- Зачем? Разве ты не устал? И я не уверен, куда нужно идти.

- Мне показалось, что я увидел...

- Что?

- Дым.

- Где?

Билли указал вверх на дороге - к западу, если это А-31.

"За теми деревьями."

Мэтью взглянул, но ничего не увидел. Но Билли первым уви-дел землю, и стоило проверить. Мэтью кивнул.

- Хорошо. Пойдем заглянем за поворот.

За поворотом оказались развалины домов, тоже свидетельствовавшие о том, что их недавно ворошили. Мэтью оглянулся в поисках людей, но никого не увидел. Но дым был. У дороги лежало несколько камней, и от них поднимался дым. Дымилось обгоревшее дерево. Несколько углей еще светилось.

Мэтью поднес руки ко рту, закричал и стал ждать ответа.

Его не было. Он попробовал еще дважды с тем же результатом.

Огонь могли оставить несколько часов назад. Даже не побеспокоились загасить его.

Самое главное, что он еще не погас. В нескольких ярдах лежали обломки ставень с дома. Они с Билли собрали их, уложили вокруг углей, и, наклонившись, Мэтью осторожно подул. Потребовалось время, но наконец свечение стало ярче, маленькие язычки пламени охватили дерево. Тем временем Билли принес еще дров. Скоро они сидели у костра и грели руки.

В этот вечер у них был хороший ужин. Вначале подогрели банку сардин в собственном соку, потом мясо дикого кабана с грибами и оливками - это была одна из банок, найденных на Олдерни. Но самое вкусное напоследок - картошка, испеченная в углях. Они наелись до отвала и легли спать, после того как Мэтью положил на угли толстые куски дерева и накрыл все это дерном.

Пока все хорошо, размышлял он. Они сыты и лежат на прочной древней земле Англии. Возможно, огонь сохранится до утра. Жаль, что они еще никого не встретили, но обязательно встретят, и совсем скоро.

Билли разбудил его, схватив за руку и сказав:" Смотрите!"

Мэтью шевельнул сведенными ногами. Было раннее утро, достаточно света, чтобы видеть на 50 ярдов. И они стояли на самом краю поля видимости, сливаясь с тенями, похожие на призраков. Но все же ясно видные. Вначале два, а потом, когда один из них двинулся, он увидел третьего, пасущегося сзади. Пони из Нью Фореста. Карий, серовато-коричневый и гнедой. Мэтью с радостью подумал: они пережили шоферов, убивавших их лето за летом на неогражденных дорогах в лесу; теперь машины исчезли, а они все еще щиплют траву, как делали это во времена Вильяма Рыжебородого. Удивительное зрелище!

Такова была его первая мысль, вторая оказалась более стяжательской. Они не вьючные животные, как ослы или мулы, но могут нести груз и мальчика. Он знаком велел Билли молчать, встал спокойно и направился к ним. Подходя, он разговаривал с ними негромко. Один из пони поднял голову, но, очевидно, не увидев опасности, снова начал рвать траву. Животные подождали, пока он не оказался в нескольких футах от них, потом повернулись и ускакали.

Когда Мэтью вернулся, Билли сказал: "Не повезло, мистер Коттер. Я думаю, они совсем дикие."

Он ответил: "Я забыл об этом. Они, конечно, необъезженные. Даже если бы я поймал одного, это нам ничего бы не дало."

- Как приятно увидеть их.

- Да. Очень приятно.

Мэтью сумел снова развести костер из углей, и они позавтракали подогретым мясом и картошкой. Запасы подходили к концу

и нуждались в пополнении. Сколько людей рылось в развалинах этих домов у дороги? Конечно, легче было выжить в деревенской местности, но здесь же быстрее кончаются запасы консервированной пищи. В этом смысле города могут дать больше. Если бы они смогли добраться до Саутгемптона... Эстуарий должен был защитить его от удара приливной волны.

Мэтью взглянул на небо. По-прежнему тучи, но с разрывами, а яркая полоска показывала, в каком направлении восток. Значит, они все же на А-31. Теперь они знают направление и могут идти по дороге.

Примерно через час они увидели людей. Их было двое на некотором расстоянии от дороги. Одежда их представляла обычный ассортимент случайных вещей и казалась крайне неаккуратной. Лишь по отсутствию бород Мэтью понял, что это женщины, одной шел третий десяток, другая гораздо старше. Они его не видели, и он крикнул:

- Эй!

Реакция их была немедленной. Взглянув на него, они побежали. Старшая споткнулась, и младшая помогла ей. Мэтью кричал им вслед, стараясь успокоить, но они продолжили убегать. В нескольких сотнях ярдов была роща. Не оглядываясь, они исчезли в кустах.

Билли спросил:"Они испугались?"

- Похоже на то.

- Почему, мистер Коттер?

Страх женщин вызвал в нем смутные предчувствия. Неужели таков теперь порядок: маленькие изолированные группы, добываю-

щие пищу на полях и в развалинах и убегающие при виде других людей? Должен же существовать кто-то, способный установить порядок, как это сделал Миллер.

- Мэтью сказал:"Не знаю, Билли. Люди в эти дни поступают странно." - И пошел дальше.

Следующая встреча, после полудня, была совсем другой.

Они шли по открытому участку Нью Фореста. Если не считать отдельных трещин и упавших деревьев, почти не видно было изменений. Светило солнце, и днем они сумели развести костер. Шли они быстро, и Мэтью ободряло большое количество птиц. Он видел дроздов, крапивника, малиновку, пару сорок, шумных и пестрых, как всегда. Они видели также в отдалении еще одного пони.

Мэтью с Билли как раз говорили о нем, огибая груду мусора, свидетельствовавшую, что раньше здесь была деревня. Мэтью уловил краем глаза движение, поднял голову и увидел следившую за ними женщину.

Она стояла у большого дерева на краю развалин примерно в тридцати ярдах от дороги. Одета она была в коричневое: спортивные брюки и свитер, - и это помогало ей сливаться с фоном.

И она стояла неподвижно, глядя на их приближение. После того как Мэтью ее увидел, она не шевельнулась. Билли, посмотрев в ту сторону, тоже увидел ее.

Он сказал: "Она не убегает, мистер Коттер."

- Нет, пока не убегает.

Приближаясь, он рассматривал ее. Около тридцати лет, рассудил он, среднего роста, с хорошей фигурой. По теперешним стандартам она выглядела ухоженной. Каштановые волосы, коротко

подрезанные, убраны с лица, интеллигентного, храброго, но не красивого. У глаз и у рта морщинки. Похоже, ей немало пришлось пережить.

В нескольких футах от нее Мэтью остановился. Он спокойно сказал:"Здравствуйте. Билли как раз говорит, что вы не убегаете."

Она улыбнулась, и лицо ее преобразилось. К другим качествам добавилось тепло, и такое, что Мэтью склонен был пересмотреть свое мнение о ее красоте.

Она сказала:"Вы не похожи на опасных. Откуда вы?"

- С Гернси. - Она не поняла. - С островов в проливе.

- Я имею в виду - после катастрофы.

- Я тоже.

- Как же вы добрались сюда?

- Пешком.

- Значит, море ушло?

Мэтью кивнул.

- Как там?

- Насколько я могу судить, так же, как здесь.

- Выжившие?

- Немного. 11-12 человек, не считая нас.

- Приличные люди?

-Средние.

- Тогда почему? - Вопрос прозвучал с яростной настойчивостью. - Почему вы пришли сюда? Что вы ожидали здесь найти?

Мэтью спокойно ответил:" Не знаю. Здесь моя дочь. В Сассексе. Я хотел поискать ее."

Она коротко невесело рассмеялась. "Боже, вы жадны!"

- Жаден?

- У меня было трое детей. И муж, которого я любила. Если бы хоть один из них выжил, я была бы удовлетворена. Я не стала бы тащить ребенка в такое сомнительное мероприятие.

- Вообще-то я уже был на морском дне, когда он догнал меня, - ответил Мэтью. - Я не мог отослать его назад.

- Не могли!?

С опозданием он понял. "Билли не мой сын. Я откопал его. Как я сказал, он пошел за мной следом, и когда я увидел его, было уже поздно. У меня была только Джейн."

Он понял, что использовал прошедшее время, и женщина тоже заметила это.

После короткой паузы она сказала:"Понимаю. Простите. Меня зовут Эйприл. Была и фамилия, но..." Она пожала плечами.

- Мэтью, - сказал он. - Мэтью Коттер, но я согласен, что фамилия теперь не имеет значения. А это Билли.

Теплота, которую он заметил раньше, вернулась на ее лицо. Она сказала:"Идемте. Увидитесь с остальными."

- Значит, вы не одна?

- Кто может позволить себе это?

- А зачем вы следили?

- Опасность. Что еще?

От дороги к краю развалин вела тропа. Всюду виднелись следы поисков и раскопок. Потом Мэтью услышал голоса. Вскоре они увидели небольшую группу людей, занятых раскопками. Их было пятеро. При виде Эйприл и остальных они прекратили работу.

Эйприл сказала:"Их только двое, и я думаю, они приличные люди. - Мэтью вспомнил, что она уже использовала это выражение; очевидно, оно соответствовало необходимой классификации.

- Сибилла, займи мой пост.

Сибилла, лет 28, не очень привлекательная девушка, скрывавшая свою тонкую фигуру под голубым мужским комбинезоном, молча кивнула и пошла туда, откуда они пришли.

Эйприл спросила:"Нашли что-нибудь стоящее?"

Мужчин было трое. Один, с такими светлыми волосами и бородой, что в солнечном свете они казались белыми, был двадцати с небольшим лет. Второй, низкорослый, рыжеволосый, около сорока лет. Третий еще старше - больше пятидесяти, решил Мэтью. Большого роста, с мощным телосложением, он производил впечатление ранее излишне полного человека, похудевшего за дни лишений и тяжелой работы. На нем был синий пиджак и темно-серые брюки, и, подобно Эйприл, он старался следить за своей внешностью. Волосы у него были подрезаны, а борода, черная с проблесками седины, не такая неаккуратная, как у остальных мужчин. Когда он заговорил, у него, как и у Эйприл, оказалась

речь

образованного человека. "Не очень много. Кое-что из пищи.

- Он указал на кучку консервных банок на траве. - И мы докопались до гардероба, которым можно заняться основательно. - Он взглянул на Мэтью и Билли. - Они проходили мимо?"

- Да. - Эйприл улыбнулась. - Идут издалека. С Гернси.

Всеобщее удивление, и последний член группы, девочка чуть постарше Билли, возбужденно воскликнула:"Мы ездили в каникулы

на Гернси в прошлом году! Должны были снова поехать."

Эйприл сказала: "Можно выпить чаю. Котел уже закипел."

Мэтью увидел, что за грудой банок и различных предметов одежды горел между кирпичами небольшой костер. Сверху был установлен помятый серебряный котелок. Он спросил:"У вас есть чай?"

- Есть, - ответил старший мужчина, спускаясь с развалин.

- Есть и сахар, благодаря находке мешка, защищенного от дождя. Есть немного консервированного молока, но нам хотелось бы найти еще. Кстати, меня зовут Лоуренс.

Он протянул руку, и Мэтью заметил, что тот умудрился сохранить короткие чистые ногти. Длинные чувствительные пальцы. Может быть, музыкант? Какая разница?

Эйприл и девочка занялись котелком. Лоуренс познакомил Мэтью с остальными. Младшего звали Джордж, рыжеволосого - Аруи.

- С Эйприл вы знакомы, - сказал Лоуренс. - С ней Кэти. А Чарли дежурит с той стороны. - Против кого эти предосторожности? - спросил Мэтью.

- Мы первые, кого вы встретили? - вместо ответа спросил Лоуренс.

- Мы видели двух женщин, но они убежали, прежде чем я смог с ними заговорить.

- Я задал риторический вопрос, - сказал Лоуренс. - У вас есть мешки, и в них, по-видимому, кое-что имеется, И ружье, Кстати, есть и патроны?

- Несколько десятков.

- Значительное вооружение. Дело в том, дорогой Мэтью, что одни копают, другие нет. Некоторые предпочитают, чтобы за них копали другие. Отсюда и наши предосторожности. Неприятно работать в грязи и пыли, среди трупов, только для того, чтобы плоды этой работы у тебя отобрали. И не очень вежливо.

- Есть большие группы, чем ваша?

- Много большие. И одной около тридцати человек, две трети из них мужчины.

- Они убивают?

- Нет. Зачем? Сейчас по крайней мере. Как я говорил, они предпочитают, чтобы за них копали другие.

Мэтью посмотрел на развалины. "Это место... Мне кажется, оно уже перекопано. Ведь здесь большая дорога."

- Да. Но не тщательно, конечно. Мы стараемся работать в разных местах. Плохо, если в поведении появляется повторение.

- Вероятно.

- Вы не очень убеждены. В молодости я бывал в Африке. Антилопы привыкали ходить на водопой, львы - за антилопами, а мы - за львами. Это наш водопой. Кроме того, здесь удобно наблюдать за обеими сторонами дороги. Ага, похоже, чай готов.

Пока они пили чай из тяжелых красных пластиковых чашек - должно быть, из какого-нибудь набора для пикника. - Мэтью подробнее ознакомился с положением. По-видимому, официальным главой группы был Лоуренс, а главное влияние оказывала Эйприл. В общем это было повторением ситуации с Миллером и Ирен, но с большими отличиями. Лоуренс был более интеллигентен, более культурен и физически слаб, чем Миллер, а сила Эйприн была бы-

ла не холодной негативной силой Ирен, а чем-то более позитив-
ным и эмоциональным.
Существует ли между ними сексуальная связь, Мэтью не мог
сказать. Эйприл никак этого не проявляла; взгляды, которые
бросал на нее Лоуренс, были откровенней. Общая принадлежность
к среднему классу должна была сблизить их. Остальные в группе,
за возможным исключением отсутствующего Чарли, которому Кэти
отнесла чашку чая, явно принадлежали к рабочим.
Кроме Эйприл, которая сидела молча, все забросали Мэтью
вопросами, главным образом относительно морского дна. Мысль о
переходе по дну казалась им странной и возбуждающей, но они
очень заинтересовались. Он понял, что их привлекает то, что
его обескураживало: изоляция, сознание своего одиночества на
пустой земле. Ему было чуждо их восприятие мира, восприятие
преследуемых и угнетаемых.
Лоуренс спросил: "А вода?"

- У нас была с собой. - Мэтью указал на пластиковый кон-
тейнер, привязанный к рюкзаку.
- Но на пути вы встречали свежую воду? Должны быть ключи.
- Есть несколько. У них солоноватая вода.
- Отложения солей. Но ведь там нельзя жить? Даже время
вашего друга капитана ограничено. Мы могли бы захватить еды
максимум на неделю, а больше ее взять негде.
- У вас есть запас пищи? - спросил Мэтью.
- Да. Мы стараемся создать его.
Мэтью полагал, что пока еще можно создавать запас. Но по

мере того как развалины обшариваются снова и снова, положе-
ние изменится. Начнется отчаянная охота за последними остатка-
ми, а потом голод. А впереди зима.

Он спросил: "Разве не было попыток организации?"

- Организации? - переспросил Лоуренс.

- С мыслью о будущем.

- Мы нашли гусыню, - сказал Лоуренс. - Живую. Связали ей
крылья. Кто знает, может нам удалось бы найти гусака. Или вы-
менять на что-нибудь. - Он пожал плечами. - Бандиты отобрали
ее. Зажарили и съели.

- Но разве они не понимают, что это глупо?

Эйприл нетерпеливо заговорила: "Как вы себе представляли
происходящее? Кто, по вашему мнению, выжил? Учителя, банковские слу-
жащие, местные чиновники, несколько честных полицейских и, мо-
жет быть, главный констебль, который будет исполнять роль пре-
зидента? Так должно было быть. Но так не стало. Чего вы ожида-
ли? Приличные люди, способные заглянуть в будущее дальше, чем
на несколько дней, всегда были в меньшинстве."

- Но разве меньшинство ничего не может сделать?

- Может. Получше убегать. Держаться подальше от других.

- Но должны быть цивилизованные люди, -сказал Мэтью. -
Другие группы, как ваша. Вы могли бы объединиться с ними.

Эйприл яростно посмотрела на него, но ничего не сказала.

Лоуренс сказал:"А что хорошего это даст? Только труднее
прятаться да и большее искушение для бандитов."

- Вы могли бы превзойти их численностью.

- Они тоже могут объединяться. И объединяться ради добы-

чи. Объединение, возможно, будет временным, но вполне сможет обобрать нас до нитки.

- Тупик, - сказал Мэтью.

После паузы Лоуренс сказал:" Не будем говорить об этом. Вы знаете выход?"

Джейн, подумал Мэтью, ведущая такую жизнь... мысль эта была невыносима.

Лоуренс спросил:"Не хотите остаться с нами? Мы можем принять вас и мальчика."

Мэтью ответил:"Если Билли хочет остаться и вы его возьмете..."

- Не хочу, - быстро вставил Билли.

- Я уйду, - сказал Мэтью.

- Прямо сейчас? - Лоуренс посмотрел на мальчика. - Я прописал бы для мальчика несколько дней отдыха. Путешествие измотало его.

Мэтью знал, что это правда. Билли похудел и выглядел страшно уставшим. Хорошо, если бы мальчик остался, а он мог продолжать путь в одиночку. Но Мэтью понимал, что это невозможно. Он представлял для Билли остатки постоянства и устойчивости в испуганном, перевернутом мире. И он несет за мальчика ответственность, ограниченную, но все же ответственность.

Он сказал, стараясь не показывать своего недовольства:"День отдыха - это неплохая мысль, если вы нас примете."

- Сколько хотите.

- У нас есть пища. Мы не потратим ваших запасов.

- Это неважно. Наше положение не пострадает от однодневного запаса продовольствия для мужчины и мальчика.

Уже начиная сожалеть о задержке, Мэтью сказал: "Где ваш лагерь? Мы не можем возвращаться назад."

- Наша база недалеко. В нескольких милях к северу.

- Я надеялся завтра быть в Саутгемптоне. Там должно быть больше запасов.

- Конечно, - согласился Лоуренс. - Больше. И множество бандитов, ожидающих, когда вы их выкопаете. Большинство банд действует в окрестностях города.

Чай уже достаточно остыл, чтобы можно было пить. Вкус, сладкий и металлический, напомнил Мэтью дни в армии,когда он считал мир сошедшим с ума. Прихлебывая чай, он вспоминал, каким благополучным и невообразимо спокойным был тогда мир.

11

Мэтью помог им в раскопках. Они разломали шкаф и извлекли его содержимое; там оказались два мужских костюма, пальто, куртка для езды верхом, шерстяной джемпер и три пары ботинок в хорошем состоянии. Поблизости они обнаружили разбитый деревянный ящик с одеялами. Верхние покрылись плесенью, отсырели и пахли гнилью, но нижние слои не пострадали. Все это было извлечено и добавлено к груде вещей. Перед самым окончанием работы они нашли еще запас пищи, включавший две банки кофе и целый стеклянный кувшин, с фут высотой, полный сливового компота. Лоуренс особенно обрадовался кофе. "Впервые находим, - сказал он Мэтью. -В первые дни находили много чая. Лучше, чем

ничего, но я всегда предпочитал кофе. У моей постели стояла автоматическая кофеварка. Чертовски хороший был кофе. Как только поступал ночной вызов, я включал автомат, и пока я одевался, кофе уже был готов. Вероятно, этого мне больше всего не хватает."

- Ночной вызов?

- Я был врачом. - Он смотрел на банки с кофе. - На сколько их хватит? Раз на десять - двенадцать, а может, и меньше, если остальные любят кофе. Впрочем, они будут пить, даже если раньше не пробовали. Сейчас никто не упустит чего-нибудь нового. Я сам на прошлой неделе ел сардины. И они мне понравились.

- Врач, - сказал Мэтью. - Я думал, что... гм, вы должны были бы сохранить какое-то значение.

- Значение? Для кого? Для бандитов? Вы все еще переоцениваете их.

- Более примитивные люди должны быть и более впечатлительны. И зависимы от загадочных представителей власти. - Лоуренс покачал головой. "Вопрос масштаба. Незадолго до того, как это произошло, в "Ланцете" была статья. Рассматривались психологические эффекты землетрясения в Новой Зеландии в соответствии с сообщениями о прошлых катастрофах: землетрясении в Скопле, бомбардировках Дрездена и Хиросимы. Почти те же самые результаты. Примерно три четверти выживших проявляло слабые признаки разнообразных умственных расстройств, примерно десятая часть серьезно больна, но длительные психозы наблюдаются редко и главным образом у тех, кто раньше был предрасположен к ним. Последствия нашей катастрофы другие. Я мог бы написать об

этом статью. В сущности прошлой ночью я видел во сне эту статью в "Британском медицинском журнале". Забавно, я помню также предшествующую и последующую статьи. Одна о новой технике операции нефрита, другая об усыпляющих таблетках. Я назвал свою "Синдром муравейника". Мне кажется, это хорошее название".

- При чем тут муравейник?

- Я когда-то читал о том, как реагируют муравьи на повреждения муравейника. До определенного уровня разрушений их поведение не отличается от описанного в "Ланцете": начальное беспокойство и смущение, которые, однако, быстро проходили, когда выжившие - вернее, самые предприимчивые среди них - оправляются от шока и начинают восстанавливать разрушенное. Но совсем иное дело, если разрушения превосходят определенный уровень. В этом случае поведение выживших становится все более и более бессмысленным, ошибочным и разрушительным.

- Я думаю, потому что погибла их королева.

- Мне кажется, это не операционное условие, хотя я не уверен. Но разве наша королева не умерла тоже? Я не о личности говорю. Погибла руководящая сила общества, источник цели и организованности. Интересное рассуждение. Дело в том, что у нас наблюдается поведение, аналогичное второй категории муравьев. Масса психозов с невозможностью вмешательства. Вероятно, бывает и некоторое количество нормальных муравьев. Не имеет значения. Они умирают вместе с остальными.

- Вы думаете, можно обобщать на основе событий в небольшом районе? На острове было по-иному. Один или двое свихнулись, но остальные собрались вместе и принялись за дело.

Лоуренс улыбнулся. "Мой дорогой, вам тоже можно было бы написать статью! В маленьких изолированных общинах все может происходить по-другому. Этого даже следовало ожидать. Несколько выживших в крошечном месте, окруженном морем - ну, морским дном, - могут реорганизовать общество. Надеюсь, им это удастся. Возможно спасение придет именно с островов и с высокогорий. Спасение человечества, конечно. Через несколько поколений."

Когда солнце садилось, они двинулись на север, нагруженные добычей дня. У них было множество мешков и сумок, а также приспособления в виде сеток, сплетенных из двойного шпагата, их можно было перебросить через плечо. Местность, по которой они проходилои, была частично лесистой, частично открытой, с относительно небольшим количеством развалин. Билли, отдыхавший вторую половину дня, был весел и непрерывно говорил, идя рядом с Мэтью. Впереди парами шли Чарли и Кэти, Джордж и Сибила, причем последние двое проявляли все признаки интимной близости. Лоуренс и Эйприл замыкали шествие, а Арчи шел перед всеми. В одной руке он нес мешок с консервами, а в другой сетку, а на спине связку одеял и одежды. Большой вес был плохо распределен, но Арчи не жаловался.

Мэтью ожидал увидеть нечто вроде лагеря, который они покинули на Гернси. Он удивился, когда они остановились в большом,некогда тщательно обработанном, а сейчас заросшем саду. Нужно несколько садовников, чтобы ухаживать за таким садом. Перед ними возвышались развалины дома, которому, очевидно, при-

надлежал сад,, но больше ничего не было. Все опустили груз, и Мэтью тоже.

Он спросил у Лоуренса: "Это остановка для отдыха?!"

- Нет, мы пришли. Как я сказал, мы приняли меры предосторожности. Увидите.

Мужчины начали снимать бревна с завала. Они работали быстро, как будто это работа была им хорошо знакома, но прошло не менее десяти минут, прежде чем они освободили большой дубовый стол, лежавший вверх ножками. Все вместе они подняли стол. Он, очевидно, был очень тяжел: мужчины напрягали все силы. Под столом оказались деревянные ступени, ведущие, очевидно в подвал.

Их вид вызвал у Мэтью знакомый страх перед закрытым помещением. Он решил, что не пойдет туда, а будет спать под открытым небом. Но Эйприл спустилась и остальные последовали за ней с вещами.

Лоуренс коснулся его руки. "Идемте. Увидите пещеру Али-Бабы. Ведь пещера не принадлежала ему. Он только нашел ее. Знаете, я хотел прошлой зимой сводить своих внуков на пантомиму. Не был там с детства. Но зимой слишком много работы. Я думал, что уж на следующий год обязательно. Нагните голову."

Мэтью боялся показать свой страх и пошел за Лоуренсом.

Внизу горели две свечи, и Эйприл зажигала третью. Подвал был большой, около 20 квадратных метров, но один угол, где обвалилась крыша, полон обломков. Мощеный пол, неровный там, где выпали плиты. Свечи стояли на тростниковых столах в центре комнаты, на эти же столы грудой складывали пищу и одежду. Го-

лые кирпичные стены были покрыты полками, разного размера и грубой работы, явно недавнего происхождения. На полках и на полу под ними лежали разные вещи: в одном месте пища, в другом одежда и одеяла, в третьем различное оборудование. Он заметил связки веревок, пилы, молотки, клещи, фонарик на батарейках, листы гальванизированного железа, сверток войлока, ножницы, обычные и для металла, металлическую лестницу и различные другие предметы. Все было разложено очень аккуратно. Наиболее неожиданным предметом оказалась ведущая ось небольшого автомобиля с двумя колесами.

Лоуренс, заметив, что Мэтью посмотрел на нее, сказал:"Я думал, мы сможем соорудить какую-нибудь тележку. Но ни у одного из нас нет склонности к механике. Да и прятать ее было бы трудно. Вероятно, это слишком большое предприятие для нас."

Эйприл и остальные сортировали принесенные вещи. Эйприл отдавала короткие распоряжения, и остальные уносили указанные предметы. Мэтью понял, что порядок в подвале - ее заслуга.

Он заметил дверь в левой стене. Указывая на нее, спросил:

"Вы там спите?"

- Спите? Боже, нет! Не под землей. Это лишь тайник. Раньше тут помещался винный погреб. Пришлось вынести очень много стекла, лишь несколько бутылок уцелело. Бужоле, мате роз, мьюзинги и шато леовиль-лойфер-34. Белого нет. К сожалению. Потому что я предпочитаю белое вино. Впрочем, сейчас нельзя выбирать. Мы держим это вино на случаи, которые можно назвать праздниками, - пока не было ни одного такого. Да, уцелела еще бутылка бренди. Его я держу для медицинских целей. И другие

медицинские принадлежности тоже здесь.

Мэтью сказал: "Внушительное собрание. Может, не следовало показывать его мне?"

- Вы считаете, что это не соответствует прочим нашим предосторожностям? Конечно, вы правы. Частично я отношу это к доверию к тем, кто говорит на том же самом языке. Но в остальном это беззаботность. Наша собственная небольшая дань синдрому муравейника. Впрочем, я не думаю, чтобы вы выдали нашу тайну саутгемптоновским бандитам и привели их сюда для грабежа. - Он дружелюбно взглянул на Мэтью. - Вас ожидает трудная дорога. Вы уверены, что нам не удастся убедить вас остаться?

Пока остальные занимались разбором добычи, Мэтью коротко рассказал Лоуренсу о Джейн.

Лоуренс сказал:"Вы, конечно, представляете себе, каковы шансы. Во-первых, на то, что она выжила, во-вторых, на то, что вы найдете ее. Но, конечно, понимаете. Вы умный человек."

- Дело не в этом, - сказал Мэтью. - Я все понимаю.

- Конечно, не в этом. Впрочем, никто из нас больше не нормален полностью, как вы сами говорили. - Он улыбнулся. - Мы все идем туда. Ваш случай лишь немного более чудесен, и вы хотите поискать его.

Мэтью заметил рядом с колесами сверток ткани. Когда разбор закончился, Джордж и рыжеволосый Арчи взяли ткань и понесли ее наружу. Остальные понесли свертки из отдела одежды, перевязанные веревкой и отчасти завернутые в брезент.

Эйприл сказала:" Возьмите для себя и Билли одеяла. Справа

хорошие, а слева те, что нуждаются в стирке и просушке. Боюсь, что брезента у нас не найдется."

- Мы привыкли спать в любых условиях, - ответил Мэтью. - Но одеяла - это хорошо. Значит, вы спите под открытым небом?

- Более или менее.

Вместе со свертками одеял вынесли указанные Эйприл продукты и большую железную кастрюлю. Потом стол положили на место, а поверх него - бревна. Все засыпали кирпичом и обломками, чтобы не было заметно следов разборки.

Мэтью спросил:"Вы так делаете каждый день?"

- Дважды в день. И каждый день рискуем, вернувшись, обнаружить, что какая-нибудь группа, роющаяся в развалинах, все же нашла погреб. Это придает жизни особую остроту, не правда ли?

Они пошли от дома через сад. В дальнем углу росли кустарники вокруг искусственного грота. По сторонам грота виднелись две статуи, слишком разбитые, чтобы можно было догадаться, кого они изображают. Джордж и Арчи развернули принесенную ими ткань, и Мэтью увидел внутри столбики. Эти столбики поставили и прикрепили концы ткани к ним и к металлическим палкам - части арматуры грота. Получился навес, закрывающий около 20 футов.

- Вот и наш дом, - сказал Лоуренс. - Не совсем свободно от свозняков, но по крайней мере не промокнешь.

- А зимой? - спросил Мэтью.

- Подумаем и об этом, Мэтью. Потом. Завтра, или на следующей неделе, или в следующем месяце.

Мэтью пожал плечами. "Конечно, это не мое дело. Но я считаю, вы должны подыскивать помещение на зиму. - Эйприл должна

подыскивать. Потому что она явно была организующим центром этой группы. С внезапным любопытством он добавил: " Как вы нашли это место? Случайно?"

- Случайно? В известном смысле да. Эйприл жила здесь до катастрофы. Ее муж и дети похоронены по ту сторону дома. Она сама выкопала их и похоронила.

Эйприл присматривала за Сабилой и Кэти, которые разжигали огонь между кирпичами. В ней чувствовалась сила и женская привлекательность.

Мэтью сказал:"Удивительно, что она захотела тут остаться."

- Можем позволить и ей маленькую нерациональность, не так ли?

- Да. Но могу спорить с этим.

На ужин был суп, сваренный в кастрюле. Кроме консервированного мяса, в него положили картошку и другие свежие овощи. Было вкусно и сытно. Если по очереди, так как не хватало тарелок. Билли ел в первой группе, но Мэтью ждал и ужинал с Эйприл и Лоуренсом. Потом они курили и разговаривали. Ночной воздух был свежим, но не холодным.

Как узнал Мэтью, Лоуренс практиковал в этом районе. Его дом и больница находились в десяти милях. Он был знаком с Эйприл и раньше, но не близко: встречались изредка на приемах.

Кэти тоже была местной - единственный ребенок полицейского и его жены. Джордж и Сибил оба из Рингвуда, он был там учеником наборщика, а она продавщицей в большом магазине. Они уже были вместе, когда присоединились к группе, но до катастрофы друг

друга не знали. Чарли жил в Каднеме и работал в доках Саутгемптона. Последним присоединился к группе Арчи; появившись, он постоянно говорил о других местах и о разной работе.
Лоуренс сказал:"Впрочем, я думал, что это результат катастрофы. Мы все вместе немного свихнулись вначале, и я решил, что в его случае ненормальность стала постоянной. Но теперь я склонен считать, что он всегда был слегка не в себе! Но он послушный и сговорчивый человек."
- Больше не было выживших? - спросил Мэтью.
- Мы нашли старуху, которая умерла на следующий день, - ответил Лоуренс, - и мужчину, умершего на прошлой неделе. В обоих случаях я ничем не мог помочь. Было еще двое парней, одного мы откопали, другой пришел сам. Однажды они исчезли с большей частью наших запасов. К счастью, это было до того, как Эйприл придумала использовать подвал.
Мэтью взглянул в сторону навеса, где сидели остальные члены группы. Билли разговаривал с Кэти. Она была живая девочка, и он охотней общался с ней, чем с Мэнди на Гернси.
Следуя за его взглядом, Эйприл сказала: "Было бы большой трагедией, если бы все случилось снова. Но я думаю, этого не произойдет".
- Конечно, - сказал Мэтью. - Они не очень приспособлены к такой жизни. Кто позаботиться о них? - Он смотрел на нее, а не на Лоуренса.
Она сказала неожиданно усталым голосом:"Они справятся."
Лоуренс сказал:"Мы все не очень соответствуем стандартам индейцев в смысле храбрости и предприимчивости. Не можем даже

поймать вола."

- Вола?

- Он пасется на поле в миле отсюда. Мы решили, что свежее мясо было бы приятным разнообразием в диете, к тому же не возникает вопроса о продолжении породы. И мы охотились на вола. Даже несколько раз. Но он одичал, стал очень осторожен, и мы не смогли поймать его. Попытались выкопать яму и загнать туда животное. Но он вместо того, чтобы бежать, бросился на нас, и мы рассыпались, как мякина. Наше свежее мясо все еще разгуливает в поле и, вероятно, там и останется.

Вначале Мэтью не очень задумывался над словами Лоуренса, пока тот не стал рассказывать о том, как они бежали от вола. И тут взгляд Мэтью упал на рюкзак, лежавший в нескольких ярдах, и на ружье, прикрепленное к рюкзаку. У него мелькнула мысль. И по мере того, как он ее обдумывал, она становилась все привлекательнее и осуществимее. Свежее мясо... они с Билли смогли бы взять немного с собой. Кроме того, это хорошая возможность отплатить за гостеприимство. Может, перед ними нет будущего, но они хорошие люди.

Мэтью сказал:"А что если еще раз поохотиться завтра? -

Они смотрели на него, думая, серьезно ли он говорит. - Как вы думаете, мы сумеем подойти достаточно близко для выстрела?"

- Можем, - ответил Лоуренс. - Боже, конечно можем! Только подумайте, Эйприл. Бифштекс и жареное мясо!

- Вы меткий стрелок? - спросила Эйприл.

- Не очень. Скорее средний. Охотился на уток и бекасов, но никогда на крупных зверей.

- Мы могли бы засолить мясо, - сказала она. - У нас мно-
го соли.
- Мы будем есть мясо, - говорил Лоуренс. - И раскалывать
кости. Приходилось вам когда-нибудь есть костный мозг на жаре-
ном хлебе, Мэтью? Удивительно вкусно. Впрочем, нет хлеба.
- Сначала нужно убить вола, - сказал Мэтью. Была уже
ночь, но в кустах что-то зеленовато светилось. - Что это?

- Свет? - спросила Эйпнрил.- Светлячки. - Она помолчала. -
Их всегда много в это время года в такие ночи.
Они смотрели на свечение, занятые своими мыслями, потом
Лоуренс, зевая, встал.
- Лучше лечь, - сказал он, - если мы хотим выйти пораньше.

Впрочем, они вышли не очень рано. Солнце уже было высоко,
когда Мэтью проснулся. Посмотрев на линию закутанных фигур, он
увидел, что одно место пустует. Это было в дальнем углу, где
рядом с Лоуренсом спала Эйприл. Мэтью встал и вышел из-под на-
веса. Ткань навеса была влажной на ощупь, а трава покрыта тя-
желой росой. Он прошел через сад, слушая утренние голоса птиц.
Вечером ему показали ручей, где они берут воду и моются. Весе-
лое журчание воды смешивалось с птичьим пением. Это было возв-
ращением невероятного прошлого, воскрешением счастья.
Выйдя из-за линии рододендронов, Мэтью увидел Эйприл и
автоматически сделал шаг назад. Она была в 25 ярдах от него. В
этом месте ручей расширялся, и она стояла на дальнем берегу.
Она была обращена к нему лицом, но не видела и не слышала его
приближения. По пояс она была обнажена, верхняя половина тела

и шея намылены. Груди круглые и полные, с тяжелыми темными сосками. Она изогнулась, отмывая шею, груди ее напряглись от этого движения, стали еще полнее и желаннее.

Он почувствовал желание, особенно острое от неожиданности, но больше всего его поразило сознание красоты. Женщина, наклонившаяся у ручья в саду, где птицы поют на деревьях... он и не думал, что такое еще возможно. С болью, которая не была физической, смотрел он на нее. Не желание воспользоваться ее наготой, не страх за ее и свое замешательство удерживали его в неподвижности. Он не хотел, чтобы это кончалось. Пока он смотрел, прошлое оживало, новый мир превращался в дурной сон, в кошмар. Она наклонилась, набрала воды в руки и начала плескаться. Потом подняла голову, все еще наклонившись. Он знал, что она видит его. Все кончилось. Настоящее стало реальностью. То, что он видел, было сном.

- Мэтью, - сказала она. Голос ее, негромкий, легко преодолел расстояние между ними. - Я не знала...

Она замолчала. Он увидел, что вначале она улыбнулась, а только потом осознала свою наготу. Она удивилась, может, чуть смутилась, но не устыдилась. Она признавала свою уязвимость, но в то же время и безопасность также. Эйприл неторопливо подняла лежавшее рядом полотенце и набросила на себя. Она сказала:"Минутку". Он кивнул и отвернулся.

Услышав ее шаги, он снова повернулся. Теперь на ней был тот же коричневый свитер, что и вчера.

Снова улыбнувшись, она сказала:"Здравствуйте".

Он сказал:"Простите за вторжение".

Эйприл покачала головой. "Ничего. У меня обычно бывает добрых полчаса до того, как поднимутся остальные. Они любят поспать, даже Лоуренс".

Ее простота и легкость встретились с его ясностью и безмятежностью; они разделяли чувства друг друга и укреплялись этой взаимностью. Идиллия трансформировалась от фантазии в нечто более реальное, человеческое. Этот эпизод оба будут вспоминать, черпая в нем удовлетворение, по разным причинам. Они с улыбкой смотрели друг на друга, оба одновременно заговорили, оба остановились и рассмеялись.

Эйприл сказала:"Надо приниматься за приготовление завтрака".

- А я умоюсь.

-У вас есть мыло и полотенце?

- Да. - Он показал свое полотенце. - Немного грязное.

Она взяла его полотенце."И сырое. Возьмите мое. Оно посуше и почище. Я выстираю ваше, пока вы будете охотиться на вола."

- Спасибо.

Глаза их встретились, спокойно, без напряжения. Он снова ясно осознал безмятежность и бодрость. Он не жалел, когда она ушла. Мэтью пошел к ручью, перекинув полотенце через плечо. Полотенце мягко касалось его щеки.

После завтрака снова убрали вещи в подвал. Вскоре охотничий отряд был готов. Кроме Мэтью и Билли, в него вошли Лоуренс, Джордж и Чарли. Арчи оставался с женщинами.

Лоуренс сказал:"Он легко расстраивается от громких звуков и запаха крови. Нас вполне достаточно."

Вначале Мэтью хотел, чтобы Билли тоже остался, но мальчик просил разрешения пойти с ним, и Мэтью уступил. В конце концов ему уже почти одиннадцать, а это мир, в котором снова половая зрелость означает и общую зрелость. Сверхопека молодежи возможна лишь в сложном обществе.

Утро было яркое, солнце грело их, когда они проходили по открытым местам. Все чувствовали легкость и веселье. Что-то похожее на возбуждающую игру. Они пришли в лесистую местность, где луга были окружены полосками леса.

Лоуренс сказал:"Вот его территория. Он бродит по этим полям, но далеко не уходит."

И тут же послышались звуки: кто-то с шумом пробирался по подлеску слева от них. У Мэтью оба ствола были заряжены. Он спустил предохранитель и взял ружье в руки.

Когда тело вырвалось на открытое место, Мэтью поднял ружье. И опустил. Это была собака, очень большая, косматая и черная. Помесь лабрадора, подумал Мэтью, но кто второй ее родитель, трудно сказать: она выше любого лабрадора, виденного Мэтью. Собака резко остановилась и посмотрела на них. Было такое впечатление, что она припоминает, узнает. Лоуренс свистнул:"Эй, сюда!"

Собака продолжала стоять, хвост ее слабо шевельнулся. Потом повернулась и побежала по полю к лесу на противоположном краю.

Лоуренс сказал:"Она принадлежала местному фермеру. Я час-

то видел ее на аллеях. - Он покачал головой, выглядя старым и несчастным, веселость его исчезла. - Погхоже, она неплохо справляется."

Они двинулись дальше. Вол пасся на четвертом поле, в углу, где сохранилась металлическая изгородь. На лучшую позицию нельзя и надеяться, подумал Мэтью.

На дальнем краю поля он сказал остальным:"Я пойду в центре. Джордж и Чарли слева от меня, вы, Лоуренс, и Билли справа. Пойдем медленно, и я буду идти впереди ярдов на пять. Куда бы он ни побежал, я смогу выстрелить ему в бок, когда он пробежит мимо. Если я промахнусь или только раню его, уходите с его дороги, пусть убегает. Ты понял, Билли?"

Они разошлись и двинулись по полю, по высокой траве - животному не грозил недостаток корма, - раскрашенной желтыми цветами лютика и розовато-лиловыми клевера. Не вреден ли клевер для скота? Вол, казалось, находится в прекрасной форме. Один раз он поднял голову, посмотрел на приближающихся людей и снова опустил. Может, дело окажется легче, чем они думали. В центре поля росла петрушка. Мэтью вспомнил, что видел ее ребенком. Они называли ее "смерть матери": принесешь в дом, и твоя мать умрет. Тогда тоже полноправно правило иррациональное, но потом наступал вечер, и можно было идти домой, где ждали ужин и теплая постель.

Мэтью был в десяти ярдах от вола, когда тот вторично поднял голову. Маленькие глазки смотрели с узкой мощной коричнево-белой морды. Голова дважды слегка кивнула, как бы подчерки-

вая какое-то утверждение в споре. Затем переднее правое копыто ударило о землю, и животное бросилось в атаку. Оно направилось не направо, не налево, а прямо на Мэтью.

Мэтью быстро поднял ружье и выстрелил. Он не успел как следует установить ложе, и отдача отбросила его в сторону. Он был ошеломлен этим, а также выстрелом и топотом несущегося вола. Животное пронеслось в футе или двух от него, гневно рыча от боли. Поднимаясь, Мэтью увидел , что все разбежались в стороны, а вол несется по полю. Он поднял ружье, собираясь выстрелить вторично, но вначале Джордж оказался на линии огня, а потом животное было уже слишком далеко.

Лоуренс, подбегая, сказал:"Вы его ранили,Мэтью."

- Но не уложил.

- Он теряет кровь. Нужно идти за ним.

- Да. - Мэтью строго сказал Билли: - Но ты держись сзади. Понял? - Билли кивнул. - Он и так одичал, а сейчас опаснее в десять раз.

Вол убежал на соседнее поле, и к тому времени, как они добрались до прохода, его уже не было видно. Но отыскать след оказалось нетрудно: в траве виднелись большие пятна крови. Рана, очевидно, была серьезной, и, теряя большое количество крови, животное должно было скоро устать. В хорошем настроении они двинулись по следу.

Их уверенность немного уменьшилась по мере того, как проходило время, а вола не было видно. След вел через рощу - его обозначила не только кровь, но и измятые кусты и поломанные ветви - на открытое место, оттуда на аллею, через поле, зарос-

шее спутанным горохом, и еще дальше. Дважды они теряли след и вынуждены были возвращаться, чтобы отыскать его. Второй раз, в лесу, они искали след не менее десяти минут. И вот наконец Чарли закричал с торжеством; Мэтью посмотрел, куда он указывал, и очень удивился, увидев животное.

Маленькое поле, может быть, загон, поблизости от развалин большого дома. Вол стоял в центре поля на коленях. Когда Чарли закричал, вол поднялся на ноги и неуклюже повернулся к ним мордой. Кровь текла из зияющей раны под правым глазом. Вол глухо мычал и рыл копытами землю. Мэтью поднял ружье, готовый к новому нападению. Но тут животное вздрогнуло, опустилось на колени, а когда они медленно начали приближаться, упало набок. Они молча и осторожно подошли. Но сомнений не было. Вол умер, его глаз безжизненно смотрел на солнце.

- Поздравляю, - сказал Лоуренс. - Отличный выстрел. Удивительно, как долго он продержался.

Все столпились, разглядывая животное, даже Билли. Мэтью отошел в сторону. Хотя он привык к виду смерти, ему стало нехорошо. Эту смерть вызвал он, а не бог. Мэтью отвернулся и проверил ружье. Прежде чем двинуться в преследование, он перезарядил оба ствола, Все в порядке.

- Какой большой! - сказал Джордж. - Как мы его унесем?

Нам не справиться.

Лоуренс весело ответил:"Не беспокойтесь. Я об этом подумал."

Он захватил с собой инструменты своей прежней профессии: скальпель и пилу для костей. При помощи Джорджа, Чарли и Бил-

ли, переворачивавших тушу, он взрезал шкуру и снял ее. Мясо парило, разлился неописуемый запах крови, зловоние внутренностей. Мэтью чувствовал себя лучше и спокойнее, но не намерен был участвовать в этой части операции; впрочем, от него этого и не ожидали. Удачливый охотник, по-видимому, не должен быть и мясником. Мэтью сел на траву немного в стороне от остальных и слушал их голоса и звук пилы, вгрызающейся в кости.

Лоуренс говорил:"Теперь я понимаю, почему ветеринары учились дольше нас. Я, вероятно, не распилю его правильно. Неважно, лишь бы можно было нести."

От темноты к спокойствию, от спокойствия к чему-то вроде удовлетворения. Это необходимо было сделать, и он сделал. Он чувствовал гордость за совершенное и благодарность к остальным за то, что дали ему такую возможность. Как говорила Эйприл, они приличные люди. Несколько успехов взамен неудач и трудностей внесут значительное изменение в их жизнь, а это, несомненно, успех. У них будет пир со свежим мясом.

Солнце начинало жечь. Хороший день. Мэтью мысленно вернулся к его началу, к наклонившейся фигуре у ручья. Он снова подумал о Лоуренсе и Эйприл. Муравей полз по его ноге. Некоторое время он следил за ним, ощущая легкую щекотку. Потом сорвал стебелек травы. В первый раз муравей увернулся, но потом забрался на траву. Мэтью поднял его и перенес на цветок чертополоха. Он испытывал уверенность и удовлетворение. Вдруг вспомнил о Джейн. Как всегда, с любовью и болью, но на этот раз ее образ казался далеким, нематериальным.

Возглас Джорджа: "Вот что его свалило!"

Глубоко заинтересованный голос Билли:"Как интересно соединяются суставы! У человека тоже так, Лоуренс?"
Лоуренс, подумал Мэтью, а ведь меня он по-прежнему зовет мистер Коттер. Билли счастлив с этими людьми. Лоуренс объяснял ему что-то. Солнце грело все сильнее. Мэтью лег на спину и позволил солнцу бить в закрытые глаза.

Лоуренс умудрился разрезать тушу на пригодные для переноски куски. Их было гораздо больше, чем они могли унести - Лоуренс подсчитал, что они в трех-четырех милях от лагеря, - поэтому они выбрали лучшие куски, а остальное, по предложению Мэтью, подвесили к ветвям дерева. Они вернутся за ним, как только смогут, но собака, которую они видели, и другие собаки доберутся раньше.
Мэтью нес в одной руке ружье, а второй удерживал на плече ногу вола. Мясо, влажное, липло к руке, капала кровь, попадая на полу куртки. Они шли по полям и залитым солнцем полянам - счастливая окровавленная процессия. Экскурсия мясников, подумал Мэтью. Нет, что-то более простое и примитивное. Охотники, возвращающиеся в свой крааль. Только одежда не соответствовала. Случайная, плохо сидящая, она напоминала об универмагах и бифштексах, завернутых в целлофан. На них должны быть повязки летом, а зимой шкуры из меха.
Путь был долог, и ноша становилась все тяжелее, но возбуждение и веселье поддерживали их. Они много разговаривали и смеялись. Они смеялись над какой-то шуткой Лоуренса, когда Чарли спросил:"Что это?"

Мэтью тоже услышал. Он подумал, что это животное, может быть, кролик где-то поблизости, увидевший горностая. Но услышав второй раз, он понял, что кричит человек. Все остановились и замолчали.

Мэтью сказал:"Мы уже близко. Может..."

- Да, -негромко ответил Лоуренс, - может. - Он предостерегающе поднял руку. - Нет смысла нарываться. Мы должны увидеть, что происходит.

Совет был хорош. Мэтью кивнул. "Вы знаете, как лучше подойти."

Они сложили окровавленные части туши в колючую изгородь, и Лоуренс как можно тише повел их к саду и гроту. Они услышали еще крик, и Мэтью уже не сомневался, что это мужчина. Женщин не было слышно. Подойдя ближе, они расслышали другие мужские голоса, один смеялся, другой, а может, два что-то неразборчиво кричали. Мэтью снова проверил ружье. Предохранитель спущен.

Они миновали кусты и оказались у последнего укрытия - зарослей гортензии древовидной. Лоуренс взглянул первый и тут же отвернулся. Мэтью продвинулся вперед и посмотрел в промежуток между двумя растениями. Перед ним примерно в 20 ярдах находился грот.

Вначале ему показалось, что их много, но, пересчитав, он убедился, что их пятеро. И еще Арчи. Они связали ему руки и ноги, и он лежал на спине. Куртка по-прежнему была на нем, но брюк не было. Тело его казалось маленьким, слабым и очень белым на фоне загорелых рук наклонившихся над ним мужчин. Один держал что-то вроде щипцов, а другой - зажженную свечу. Тошно-

та подкатила к горлу Мэтью. От садистов-школьников до дикарей - объекты те же. Глаза и половые органы, особенно последние.

Он поискал женщин и Кэти. Они прижались к скале, двое мужчин стояли перед ними. Пятый находился примерно между группами. Это был рослый мужчина, мускулистый, с длинными светлыми волосами и соломенной бородой. На нем были сандалии, фланелевые брюки, подрезанные и превращенные в шорты, выше талии он был обнажен. Кожа его, несмотря на светлые волосы, казалась бронзовой. Громким голосом кокни он сказал:"Пора кончать болтовню. У вас здесь есть запасы. Вы знаете, где они. Если даже вас всего четверо, все равно запасы должны быть. А если, как вы говорите, ваши парни за углом, запасов должно быть еще больше. Не думайте, что я дурак. Вы живете здесь недели. Настоящую дорогу протоптали, и следы десятков костров. Значит, запасы есть. Нам нужно только одно: где они?"

Он замолчал, ожидая ответа. Мэтью слышал, как плачет Кэти. Негромко застонал Арчи.

Мужчина сказал:"Ладно! Подогрей его немного, Стенни. Посмотрим, долго ли выдержит рыжий." Рука со свечой двинулась. Арчи снова закричал. Мэтью услышал крик Эйприл. Что она кричит, он не разобрал. Его охватила слепая ярость. Он ничего не воспринимал, кроме кричащего Арчи и людей вокруг него. Лоуренс что-то сказал и тронул его за плечо, но Мэтью отбросил руку. С криком выбежал он на открытое пространство. Мужчины больше в удивлении, чем в тревоге оторвались от жертвы. Когда человек со свечой начал вставать, Мэтью выстрелил. Один из них пошатнулся, другой упал. Тогда Мэтью резко повернулся к светловоло-

сому предводителю.

Движение лишило его равновесия. Он почувствовал боль в лодыжке и понял, что падает. Светловолосый двигался к нему, побежал. Падая, Мэтью нажал на курок, не целясь. Но тот почти набегал на ствол ружья. Сила удара подняла его и отбросила назад. Мэтью краем глаза видел, как он упал и ударился о землю. Он лежал, извиваясь, тяжело дыша, и смотрел, как фонтаном бьет кровь из тела в нескольких футах от его глаз.

12

Оставшиеся двое бросились бежать и исчезли за зарослями рододендрона. Из тех, что упали от первого выстрела, один сидел, зажав руку, другой лежал лицом вниз, обнажив рваную рану на плече и спине. Мэтью начал вставать. Все шло хорошо, пока он не ступил на правую ногу. Тут он почувствовал резкую боль. Переместив вес на другую ногу, он заковылял к Арчи.

Арчи говорил. "Я им ничего не сказал. Я не сказал им, где..."

Лицо у него было бледное, в слезах и в поту.

- Я знаю, - ответил Мэтью. - Успокойтесь.

Он достал свой нож и начал разрезать путы. Подошли остальные во главе с Лоуренсом. На теле Арчи виднелись ожоги и синяки.

Мэтью сказал Лоуренсу:"Я думаю, ничего страшного."

Лоуренс ответил:"Да.- Он извлек из сумки тюбик антисепти-

ческой мази, слегка нагнулся и вложил ее в руки Арчи. - Это поможет. Помажьте. Вы знаете, где больно."

Арчи отвернул крышку и занялся мазью. Потом натянул брюки. Подошла Эйприл с жавшеюся к ней Кэти. Мэтью видел, как Сибил подбежала к Джорджу и они стояли, обнявшись.

Эйприл спросил:"Они сильно его поранили?"

- Болезненно, - ответил Лоуренс, - но не сильно.

Она была бледна, кожа ее приобрела желтоватый цвет, но оба вполне владели собой. Мэтью заметил, что свитер ее у шеи разорван, в разрыве виднелась ключица.

Она вздернула голову. "А эти?"

Тот, который был ранен в руку, встал. Он зажимал локоть рукой, сквозь пальцы сочилась кровь и капала на землю. Чарли стоял рядом с ним. Он подобрал ружье и целился. Раненый был испуган. Ни один из них, вероятно, не сознавал, что ружье не заряжено. Патроны лежали у Мэтью в кармане.

Лоуренс сказал:"Пойду взгляну на них."

Кэти все еще жалась к Эйприл, но у Мэтью снова появилось ощущение, что они одни.

Эйприл прямо и серьезно посмотрела на него. "Вы очень хорошо сделали, Мэтью," - сказала она.

Он ответил:"Я действовал как дурак. Чистая случайность, что я попал в него вторым выстрелом. Если бы я промахнулся, он отобрал бы ружье. Их было бы трое против Лоуренса, Джорджа и Чарли. И Билли. Мне следовало действовать разумнее."

- Нет, вы хорошо сделали. - Она улыбнулась. - Я горжусь вами.

Свитер разорван, но брюки аккуратно застегнуты, и все пуговицы на месте.

Он сказал:"Во всяком случае, вы с Сибил не пострадали."

- Да. - Голос ее звучал сухо. - Что было на охоте? Нашли вола?

- Нашли и убили, и даже принесли с собой мясо. Услышав крик Арчи, мы его бросили.

- Бедный Арчи.

К ним вернулся Лоуренс. "Тот, в кого вы стреляли с близкого расстояния, мертв, Мэтью. Остальные две составляют проблему."

- Проблему?

- Только для меня. Я когда-то давно давал клятву. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Тот, у которого ранена рука, будет жить, если, конечно, не подхватит инфекцию. Другой, по-моему, умрет, так как у нас нет ни медикаментов, ни возможности лечить его.

Эйприл горько сказала:"А я думала, что наша единственная проблема - можем ли мы потратить еще два патрона. - Она посмотрела на Мэтью. - Или, вернее, может ли их потратить Мэтью."

Мэтью был поражен ее жестокостью, но, конечно, это разумно. Они не могут держать этих людей здесь, даже если бы могли их лечить.

Он сказал:"Те, что убежали. Как вы думаете, могут они вернуться?"

Лоуренс покачал головой. "Не думаю. Как, Эйприл?"

- Если это часть большой банды, то они могут вернуться.

Но я так не думаю. По их разговорам, их только пятеро. Их возглавлял блондин. - Она посмотрела на его тело. Кровь все еще шла из раны на груди, но уже медленно. Над телом начали собираться мухи. - Я думаю, они остановятся, только добежав до берега.

Лоуренс смотрел на двоих мужчин, которых сторожил с пустым ружьем Чарли. Второй из них с трудом принял полусидячее положение, опираясь на локоть. Он начал стонать от боли.

- Так что же делать? - спросил Лоуренс. Он беспомощно взглянул на Эйприл. - Как вы думаете?

Она не ответила, а пошла к Чарли. Протянула руку, и Чарли отдал ей ружье. Мужчина, зажимавший руку, начал что-то говорить, но она оборвала его.

- Я не собираюсь в тебя стрелять, - сказала она. - У нас досточно патронов, но все равно жаль их тратить. Уходи. Если повезет, догонишь своих приятелей.

Он снова открыл рот, но Эйприл, сделав шаг вперед, ударила стволом по раненной руке. Он закричал от боли, отскочил и начал уходить. Пройдя несколько шагов, он оглянулся через плечо. Эйприл вскинула ружье, и он неуклюже побежал.

Эйприл подошла ко второму мужчине. Тот стонал громче и быстро терял кровь. Она сказала: "Ты тоже. Уходи."

Он посмотрел на нее. Лицо его было искажено от боли. "Не могу, - сказал он. - Я тяжело ранен. Я не могу двигаться."

Она с угрюмым удовлетворением сказала: "Ты умрешь, но не здесь. У нас и без тебя хватит падали."

Мужчина застонал, но не шевельнулся. Она сильно пнула его

ногой в сандалии чуть пониже раны, и он закричал.

- Можешь двигаться, - сказала она. - Или ты хочешь, чтобы мы тебя утащили?

Он с трудом встал. Лицо его покрылось потом, губы дрожали от боли. Эйприл стояла рядом. Мэтью заметил, что на ее сандалии была кровь.

- Счастливого пути, - сказала она. - Убирайся подальше, прежде чем упадешь.

Лоуренс осмотрел лодыжку Мэтью. Пальцы его осторожно ощупали ногу. "Всего лишь растяжение, - сказал он. - Вам придется несколько дней полежать.

- Холодный компресс? - спросила Эйприл.

- Хорошо бы.

Она кивнула. "Я позабочусь об этом." - И пошла к ручью.

Лоуренс сказал:"Итак, вы еще побудете нашим гостем. - Он улыбнулся и потом добавил: - Мы перед вами в долгу, Мэтью."

- Ружье полезно, пока есть патроны, - сказал Мэтью.

- Не только ружье. - Лоуренс осмотрелся, как бы собираясь что-то добавить. - Эйприл перевяжет вам ногу. А я позабочусь об очистке места. Нужно оттащить его, а похороним позже. Сначала нужно принести мясо.

Джордж и Чарли за руки оттащили труп в кусты, Лоуренс сопровождал их. Мэтью снова лег на траву. Нога у него болела, но пока он не двигался, боль была не очень сильной. Кэти плакала, и Сибил успокаивала ее, говорила что-то негромким голосом. Арчи смотрел, как тащили тело.

Билли подошел к Мэтью. Он сказал:"У вас сломана нога, мистер Коттер?"

- Нет. Только растяжение. Но на несколько дней придется задержаться.

- Мы останемся здесь?

- Пока не заживет моя нога. - Билли кивнул. - Ты захочешь остаться после этого?

- Нет. - И быстро добавил: - Если вы пойдете, я с вами.

Разговор прекратился с возвращением Эйприл. Она принесла в кастрюле воды и намочила в ней повязку. У нее были крепкие руки, и она искусно пользовалась ими. Когда она наклонилась к его ноге, Мэтью посмотрел на ее каштановые волосы. Они слегка вились, были мягкими и блестящими, но с сединой. Он подумал о том, какой была ее жизнь раньше, до катастрофы. Дом, семья, круг знакомых. Она плотно затянула повязку, и он невольно поморщился.

Она посмотрела на него. "Простите. Но чем плотнее, тем лучше."

- Я знаю. Все в порядке.

- Вам лучше?

- Гораздо лучше. Вы учились на медсестру?

- Не на медсестру. Просто первая помощь. - Она присела на корточки. - Подать носок?

- Нет спасибо. Мне хорошо.

Эйприл кивнула. "Одно время я была в комитете национальной обороны. Я соглашалась с ним - относительно бомбы, - и просто сидеть без дела казалось мне неправильным. Поэтому я

стала обучаться оказанию первой помощи. Конечно, все было направлено на то, чтобы сохранить жизнь в небольшом закрытом помещении, а весь наружный мир отравлен радиацией."

Мэтью сказал:"Жизнь иногда бывает полна иронии."

- Правда? - Она с любопытством взглянула на него. - Чем вы занимались, Мэтью, до катастрофы?

- Выращивал помидоры.

- Конечно. Гернсийские помидоры. Вы всегда занимались этим?

- Нет.

Она ждала, и через несколько мгновений он продолжал. Он кратко рассказал ей о своем неудачном браке и о том, как он оставил Лондон.

Выслушав, она сказала:"Вы были счастливы?"

- Счастлив?

- Вы почти отошли от мира. Вычеркнули мир, кроме Джейн. И вы не соглашаетесь с тем, что Джейн мертва. Так что для вас в сущности ничего не изменилось. - Она увидела его улыбку и продолжала: - Конечно, окружающий мир изменился. Это очевидно. Но вам не нужно приспосабливаться.

Мэтью подумал об этом. "В каком-то смысле, возможно, вы правы. Вы думаете, это делает меня счастливым?"

Она колебалась, потом горько сказала:"Изменения бывают разные. Наружное уродство само по себе плохо, но гораздо хуже внутреннее уродство. Оно вызывает отвращение."

Он подумал, что она говорит о своей жестокости по отношению к раненым.

Он сказал:"В моменты стресса иногда делаешь странные поступки. Мы все так поступаем. Но это не значит, что мы сами изменились. Не нужно думать об этом."

Она покачала головой. "Нет, вы не правы. Впрочем, я согласна, что нет смысла думать об этом."

Лоуренс вернулся, и она сказала:"Куда вы его дели?"

- Среди лавров. - Он взял Эйприл за руку. - Как вы?

- Хорошо.

- Сколько времени они здесь были?

- Не знаю. С полчаса. - Она продолжала быстрее:- Я думала об этом. Мы сделали ошибку, глубокую детскую ошибку.

- Какую?

- Держать все в подвале, кроме необходимого на сегодня. Именно поэтому они были уверены, что у нас запасы спрятаны.

- Что вы предлагаете? Держать часть наверху? Но это риск. Вернувшись, мы можем найти, что их у нас унесли.

- Лучше, чем потерять все. А мы бы потеряли все, если бы не Мэтью. Нужно найти место для второго тайника. Чтобы можно было его выдать под давлением.

- Есть предложения?

Эйприл пожала плечами. "Нет. Нужно поискать."

Мэтью сказал:"Вы думаете, это может случиться снова?"

- Конечно. И помимо возможности, что убежавшие могут присоединиться к большой банде и приведут ее сюда.

- Вы можете уйти, - сказал Мэтью.

Она посмотрел на него с неожиданной холодностью. "Какой в этом смысл? Нигде больше нет безопасности."

Он мог бы высказать много аргументов. Приближающаяся зима все равно заставит искать убежище. Лоуренс осмотрел повязку на ноге. "Хорошо, - сказал он. - Отдыхайте, Мэтью, пока мы принесем мясо. Свежее мясо, Эйприл! Это подбодрит нас."

Она улыбнулась. "Да. Нам это необходимо."

В этот день они не ходили на поиски. После того, как остальная часть мяса была принесена в лагерь, женщины засолили то, что не пойдет в пищу в ближайшие дни. Тем временем Лоуренс с мужчинами занялся телом, лежавшим в кустах лавра. Потом он вернулся туда, где Мэтью грелся на солнце рядом с Билли.

- Ну, вот, - сказал он. - Не очень глубоко, но достаточно, чтобы не добрались собаки. Компромисс между усилиями и требованиями санитарии.

Мэтью сказал:"Как медик, вы не удивлены тем, что нет болезней, даже чумы?"

- Миллионы непогребенных? Не знаю. Болезни времен войн вызывались не мертвыми, а условиями. Дизентерия в Галлиполи, например, распространялась живыми. И возможны вспышки, о которых мы не знаем. Жизнь по-прежнему общественная, но общины маленькие. Мы стремимся избегать другие группы численностью больше трех человек, а одиночки избегают нас.

- А много ли одиночек?

- Вероятно. Но точно знать невозможно. Иногда замечаешь их на удалении, но они быстро уходят. Их можно понять. Как ваша лодыжка?

- Хорошо.

- Повязку нужно время от времени менять. Если хотите, я

это сделаю, пока Эйприл занята.

Мэтью покачал головой. "Я подожду."

Лоуренс посмотрел туда, где работали Эйприл с Сибил и Кэ-

ти. Он сказал:"Не знаю, как мы бы жили без нее. У нее столько

мужества."

- Да.

- И не только в кризисах, но в обычной жизни. В том, что

мы называем жизнью. У каждого бывают моменты слабости, отчая-

ния. Присутствие Эйприл очень помогает. Она заставляет сты-

диться слабости. Я помню, как мы впервые встретились после ка-

тастрофы.

Он замолчал. Мэтью ждал продолжения.

Лоуренс сказал:"Я долго не мог выбраться, только вечером

первого дня. И я страшно устал. Лежал под открытым небом, по-

том уснул. На следующий день я начал сознавать размеры проис-

шедшего. Я порылся в развалинах своего дома и поблизости, но

никого живого не нашел. Тогда я отправился к своему кабинету и

разыскал нембутал. Я знал, сколько мне понадобится. Это каза-

лось мне единственным разумным поступком. Но тут я услышал,

как кто-то кричит, и крикнул в ответ. Это была Эйприл".

Лоуренс помолчал. "Я вел себя как дурак. Я сказал ей, что

нет смысла продолжать жить. Она выслушала и сказала, что я мо-

гу поступать, как хочу, но вначале мне нужно поесть. Она сде-

лала для меня сэндвичи. Хлеб был несвежий, но я все съел. Пос-

ле катастрофы я ничего не ел. После этого я почувствовал себя

лучше. С тех пор у меня были трудные моменты, но она всегда

была рядом."

Мэтью сказал:"Даже зная ее такое короткое время, я вижу, какая это замечательная личность."

Лоуренс пристально взглянул на него. "Это не вопрос взаимоотношений, вы понимаете? Мы с ней принадлежим к разным поколениям. Я на двадцать лет старше ее. Ей нужен кто-то более подходящий по возрасту, нужен сильный человек, на которого она могла бы опереться."

- Я думал, она может опереться на прошлое, - сказал Мэтью. - Этот дом, память о семье.

-Этого недостаточно. В ее положении требуется другое. Пока она живет своими внутренними ресурсами, но они ограничены.

- Наверно, вы правы.

В двадцати ярдах от них Эйприл резала мясо. Сибил и Кэти помогали ей. Двое мужчин молча смотрели на нее.

Обедали жареными потрохами: сердце, легкие, почки - но на ужин были бифштексы. Их поджарили на костре и, как всегда, подавали партиями. Как и раньше, Эйприл ела в числе последних с Мэтью и Лоуренсом.

С бифштексами ели печеный картофель и свежие овощи. Мэтью заметил:"Очень хорошая зелень. Откуда она?"

- С огорода, - ответила Эйприл. - Там кое-что сохранилось. - Она улыбнулась. - Есть и помидоры, Мэтью. Они проросли сквозь обломки рамы парника.

- Где это?

- За кустами.

- Утром взгляну на них. Туда я смогу доковылять.

Она предупреждающе сказала:"Чем больше вы не будете двигаться, тем скорее заживет ваша нога."

Лоуренс вылил остатки вина в эмалированную кружку и посмотрел на нее. "Чуть больше глотка. Всего одна маленькая бутылка вина на такое количество людей. Но случай того стоит. Но я рад, что открыл только бужоле. Приятно думать, что леовиль-пойферр не тронут."

- На какой случай вы его храните? - спросила Эйприл.

- Для личных надобностей. Самоутешение в минуты плохого настроения. - Он взглянул на нее и улыбнулся. - Или для действительно больших праздников, таких, как свадьба.

Мэтью сказал: "Как быстро все забывается. Вкус настоящего хорошего свежего бифштекса."

- Ешьте, - сказала Эйприл. - Кто знает, когда будет еще?

Может, никогда.

- На Гернси выжили два больших животных, - сказал Мэтью.

- По крайней мере два. Осел и корова, по счастью суягная.

Есть некоторые шансы на то, что ее потомство выживет. Если это произошло на маленьком острове, то обязательно должно случиться всюду.

- Вы забываете синдром муравейника, - сказал Лоуренс. -Мы с чистой совестью убили животное, потому что это был вол. Но даже если бы это был бык, наверно, мы бы не выдержали искушения. В конце концов мы не знаем, нашел ли бы он самку, да и какая нам польза от этого? А ведь мы относительно цивилизованы. У нас есть угрызения совести. Так мы по крайней мере говорим. Большинство и не подумает о продолжении породы.

- Животные могут выжить повсюду, - сказала Эйприл. -Выжил же вол, пока не подвернулся Мэтью с его ружьем.

- Пока могут, - сказал Лоуренс. - Этим летом им угрожает лишь аппетит. Вы либо выкапываете консервы, либо кто-то делает это для вас. Это еще не крайний случай. Но когда станет все труднее находить консервы, что тогда? В середине зимы вола свалили бы голыми руками и съели сырым. Могут выжить другие животные. Могут даже встретиться особи противоположного пола. Но я не поставлю и монетки за то, что через год здесь сохранится хоть один бык или корова.

Эйприл сказала:"Вы недооцениваете природу, Лоуренс."

Он улыбнулся. "Я сказал бы, что вы недооцениваете."

- Здесь животные уязвимы. Но в горах, в горных долинах все может обстоять по-другому. Они там выживут.

- Возможно, вы и правы, - согласился Лоуренс.

- Я уверена в этом.

- И мы можем выжить. В горах.

Наступило молчание. Эйприл отвернулась. Но Лоуренс продолжал. "Во всех отношениях им было бы лучше в горах: больше пищи, больше безопасности, возможность постепенно начать обрабатывать землю. Они могли бы жить там, если не хорошо, то с чувством постоянства и цели. Там выросли бы дети, забыв прошлое, приняв настоящее, с надеждой глядя в будущее". Он говорил искренне и упрямо, но Эйприл молчала. Наконец его настойчивость сдалась перед ее молчанием.

Он обернулся к Мэтью. "О чем вы думаете? Вы сидите молча."

Мэтью не хотел соглашаться со скептицизмом Эйприл. Аргу-

менты Лоуренса были хороши, но в то же время не так нужно строить жизнь. Мэтью сказал:"Прекрасная еда."

- Комплименты повару, - сказал Лоуренс. Тон его звучал успокаивающе; он улыбнулся Эйприл: - Я согласен.

Она прямо взглянула на Мэтью. "А что еще?"

- То, что раньше сказал Лоуренс об охоте на зверей с голыми руками. Осталось 22 патрона. После этого, если только мы случайно не найдем еще, ружье бесполезно. Я думал об этих легких стальных прутьях, которые лежат у вас в погребе. Для чего они, Лоуренс?

- Не знаю. Мы нашли в развалинах, и я подумал, что они могут пригодиться для чего-нибудь.

- Если заточить концы, - сказал Мэтью, - и разыскать материал для тетивы, из них можно сделать луки.

Лоуренс сказал: "Я знаю, где лежит разбитый рояль. Струны могут подойти. Стрелы?"

- Можно срезать. А может, мы сумеем сделать металлические наконечники.

- Да, - сказал Лоуренс. - Возможно. Что за чудо практичный ум! Вы согласны, Эйприл? Мы с вами обсуждаем теорию выживания, в то время как Мэтью обдумывает практические детали.

- Мы говорили о выживании видов, а не о нашем собственном, - возразила она. - В кого вы будете пускать ваши стрелы, если наши друзья дикари разорвут немногих животных и выпьют их кровь?

- В горах... - Лоуренс пожал плечами.- Во всяком случае стрелы нужны не только для охоты. Еще для самозащиты.

- Конечно, - согласилась Эйприл. - Самозащиты. - В голосе ее звучало напряжение. - Луки и стрелы. До того, как уйти, Мэтью, вы должны нас познакомить с другими вашими идеями.

Мэтью хотел сказать:"Возможно, мне не следует уходить", но выражение их лиц его удержало. Два различных выражения, две тени сожаления. Возможно, потом. Но не сейчас.

Он закончил свой бифштекс, и Эйприл сказала: "Давайте вашу тарелку. Готовы еще."

- Мне достаточно.

- Ерунда. - Она взяла у него тарелку. - Сегодня подходящий случай для чревоугодия.

Лоуренс сказал:"И пьянства. - Он заглянул в эмалированную кружку. - Вполне достаточно для возлияния, если веришь в богов. Заканчивайте его, Мэтью.

13

Они использовали старый колодец для склада-приманки. Кирпичное окружение колодца частично было сломано, облицовка опала, но из стен торчали металлические прутья, к которым можно было привязать мешок с некоторым количеством запасов. Поверх колодца положили несколько досок и придали нетронутый вид. Теперь одиночке трудно будет заметить этот тайник, когда они уходят на поиски.

Но в течение двух дней после охоты на вола Мэтью находился в лагере. Билли и Кэти оставались с ним, и он смотрел, как

они играют в саду и вокруг грота, как обычные беззаботные дети. В полдень на второй день было несколько толчков, и они прекратили игру и подошли к нему с встревоженными лицами. Толчки продолжались недолго и были несильными, но это были первые толчки с того момента, как они с Билли присоединились к группе. Некоторое время после этого дети сидели рядом с Мэтью, говоря мало и негромко.

Перед возвращением остальных Мэтью попробовал ходить и обнаружил, что вполне справляется с этим. Растяжение оказалось несильным. Мэтью испытывал некоторое неудобство, но мог ходить без труда. Он пошел к огороду, о котором говорила Эйприл, и осмотрел его. Длинная линия обломков обозначала стену, которая отделяла его от остального участка, валялись обломанные ветви яблонь и груш. На некоторых еще были зеленые листья, а на одной даже росло маленькое яблоко.

Огород выглядел запущенным, теперь в нем росло больше сорняков, чем овощей. Мэтью обыскал помидоры и убрал обломки стекла, чтобы дать им возможность расти. Но зрелище было обескураживающим. Потребуются недели, чтобы навести хоть какой-то порядок, а для чего? Он вернулся в грот и снова стал смотреть на играющих детей.

Но его охватило беспокойство, и спустя некоторое время он вновь встал. Он тщательней, чем раньше, осмотрел участок и удивился его размерам. Границы определить трудно, но не меньше нескольких акров. Интересно, какая профессия была у мужа Эйприл. Должно быть, высокооплачиваемая. Он думал об этом, когда набрел на заросли роз в полном цвету. Розы начали дичать, но

еще сохраняли прежнее великолепие. Он увидел по ту сторону разноцветного барьера крест. Нет, кресты. Четыре креста. На них не было надписей. Только для одного человека они имели значение, а этот человек не нуждался в напоминаниях.

Мэтью услышал голос Эйприл и отошел от крестов. Они встретились на некотором удалении от них.

Она слегка раскраснелась и улыбалась. "Ваша лодыжка зажила?"

Мэтью кивнул. "Вероятно, завтра я смогу пойти с вами. Как дела сегодня?"

- Скромно. Утром мы решили, что нам повезло. Чарли нашел сразу несколько банок, а потом остатки магазинного прилавка. Но кто-то уже побывал там до нас. Общий результат: две банки сардин, одна зеленого горошка, одна кислой капусты и пять рисового пудинга.

- Могло бы быть и получше.

- Да, конечно. Позже мы подобрали еще несколько вещей, но ничего интересного. - Она взяла его под руку, он остро ощущал ее присутствие, физический контакт. - Нога не болит?

- Нет. Я сегодня погулял. Упражнения полезны.

- Здесь есть несколько мест, куда я любила приходить. Теперь чувствуешь себя виноватым, когда не занимаешься полезными делами, вроде приготовления или поисков пищи.

- Забудьте о полезных делах ненадолго. Покажите мне эти ваши места.

Эйприл с сомнением сказала:"Они там разбирают находки."

- Справятся и без вас. И не так уж страшно, если рисовый

пудинг будет лежать рядом с маринованными овощами.

- Вы правы. Иногда я слишком серьезно воспринимаю мелочи.

Они шли рядом, наслаждаясь прекрасным вечером. Косые солнечные лучи превращали зелень в лимонное золото. Воздух был мягок и полон летнего аромата. Жужжали насекомые, слышались голоса птиц. Мэтью подумал, что птиц стало больше, чем сразу после катастрофы. Очевидно, это не естественный прирост. Может, они улетали в более безопасные места, а теперь возвращаются назад? Слабые сегодняшние толчки, должно быть, не встревожили их. Он заговорил об этом с Эйприл. Она сказала:"В какие места? Вы думаете, у нас было хуже, чем везде? Разве другие страны не пришли бы тогда нам на помощь?"

- Да,-согласился он. - Может, нам еще повезло.

- Зависит от того, что вы понимаете под этим "повезло". -

Голос ее неожиданно стал хриплым, но после паузы она продолжала более мягко: - Вскоре после катастрофы Лоуренс отыскал приемник. На батареях и транзисторах, с тремя или четырьмя полосами частот. Он казался вполне исправным. Когда он включил приемник, послышался лишь треск. Никаких сигналов. Он долго проверял все волны. Ни одной станции.

- У вас еще есть этот приемник?

- Нет. Мы оставили его там. - Увидев его удивленное выражение, она добавила: - Он не относится к категории жизненно необходимых вещей.

- Даже если тогда эфир был мертв, станции могут заработать снова.

- Приемник может работать, пока есть батареи.

- Что-нибудь могло произойти за это время. В тех частях, которые затронуты слабее.

- Возможно. - Она остановилась, глядя на покрывающие изгородь цветы шиповника и вьюнка. - А что нам от этого?

- Возможно, где-то сохранилось организованное общество.

Она пошла без предупреждения, и он вынужден был догонять ее. Эйприл сказала:"Никто не придет к нам на помощь. Нужно сознавать это. Нет самолетов, опускающихся с небес с грузом. Нет больших пароходов с мясом, зерном, бананами и авокадо. - Она повернулась к нему с жалкой улыбкой. - Вы ведь это знаете? И даже моря нет. Помощи ждать неоткуда."

Мэтью кивнул. "Да, знаю".

Некоторое время они шли молча. Теперь они находились в поле и приближались к небольшой рощице. На опушке ее рос дуб. Высокое столетнее дерево с мощным стволом. Он еще жил, но был наклонен под острым углом; на противоположной стороне часть корней торчала в воздухе.

Мэтью сказал:"Зимние бури прикончат его".

- Да.

Эйприл подошла к дереву и на мгновение прижались к его коре. Жест был непонятный, но печальный. Мэтью смотрел на нее, снова, как и тогда утром у ручья, сознавая ее красоту и необычность. Она повернулась к нему, и он хотел заговорить, объяснить, что он чувствует. Но она заговорила первой.

- Дети любили его. На него легко было взбираться, даже когда они были маленькими, и на нем так много ветвей, и легко спрятаться в листве. Мы часто приходили сюда, они лезли на де-

рево, а я смотрела, как они поднимаются все выше и выше - тут и там мелькали их фигуры, - и слушала их голоса. И, конечно, сердце у меня замирало, я боялась, что они упадут, но знала, что не должна их звать.

- Они были все мальчики?

Эйприл кивнула. "Пяти, семи и десяти лет. Старше всех был Энди. Дэн хотел, чтобы он уехал в школу, но я воспротивилась. Это был первый случай, когда мы поссорились. В конце концов согласились на компромисс. Он должен был оставаться дома до тринадцати лет.

Мэтью мог бы испытывать затруднение, слушая ее рассказ о детях, но ничего подобного не испытывал. Она доверчиво раскрывалась перед ним, и в голосе ее звучало прощение и любовь к умершим.

Он сказал:"Я видел их могилы."

- Да. Проходишь через разные стадии. До сих пор бывают тяжелые минуты, но не так часто. И не может быть хуже, чем засыпать их землей.

Они пошли назад к гроту. Мэтью держал Эйприл за руку; пальцы их переплелись, сообщая друг другу теплоту и уверенность. Она говорила о дальнейших поисках - придется уходить подальше, чтобы найти что-нибудь нужное. Хотя она не сказала этого, но у него создалось впечатление, что она примирилась с необходимостью уйти отсюда, переселиться в другое место. Он сказал, говоря общими словами: "Пока мы живем прошлым. Это значит, что больше добычи там, где раньше жило больше людей. И риск бандитов, конечно, тоже больше. Это ничто вроде промежу-

точной территории. Она достаточно изолирована, чтобы создать трудности при поисках продовольствия, но недостаточно изолирована для случайных посетителей".

Она покачала головой. "Они не имеют значения".

- Сомневаюсь, чтобы Арчи согласился с этим.

- Мы глупо поступили, положив все свои яйца в ведро, а потом спрятав это ведро. Я согласна с этим. Но теперь мы поумнели. Если это случится снова, не будет надобности, в героике. Арчи отведет их к колодцу.

- Но дело ведь не только в этом?

- А в чем еще?

- Если бы мы пришли позже...

- Ну?

Ее непонятливость удивила его. Он сказал:"Две женщины, одна из них по крайней мере очень привлекательна. Дело не только в запасах."

Она остановилась и посмотрела на него. В ее взгляде было недоверие и еще что-то, что он не смог определить.

- Вы думаете, что пришли вовремя, чтобы спасти нас от изнасилования?

- Это могло бы случиться.

Она коротко резко рассмеялась. "Неужели? Почему вы думаете, что?... Потому что мы об этом не говорили? Или, может быть, потому что они дали нам натянуть трусы? Конечно, это деликатно с их стороны, но они решили позабавиться с Арчи."

Он слышал горечь в ее голосе и понимал, что эта горечь частично вызвана им, его замешательством, шоком от осознания и

даже, хотя он боролся с этим, каким-то отвращением. Он ужасался не только от происшедшего, но и от того, как она об этом говорила, небрежно и грубо.

Избегая ее взгляда, он сказал:"Я не знал. Простите."

- Вы ничего не знали. Но чего же вы ожидали сегодня при встрече группы мужчин с беззащитными женщинами?

Он невольно спросил: "Это случалось и раньше?"

- Смотрите на меня! - Лицо ее было гневно искажено. - Хотите знать, как это случилось в первый раз? Через день после того, как я нашла Лоуренса, на второй день после того, как я выкопала эти могилы. Я первой увидела их. И позвала, потому что думала, важнее всего объединиться выжившим. Я думала, что если люди и могут измениться, то только в лучшую сторону. Я перестала в это верить, когда они схватили меня. Конечно я сопротивлялась. Тогда я еще не поняла, как глупо сопротивляться. Это был единственный раз, когда было по-настоящему больно.

- А Лоуренс?

- Мы разошлись, чтобы осмотреть как можно большую площадь. Он был недалеко, но даже сопротивляясь, я не позвала его. Оба они были сильнее и моложе его. Его только могли поранить. Когда они оставили меня, я уползла и отыскала его. Связи укрепляются, знаете, когда мужчина утешает женщину после того, как двое других побили и изнасиловали ее.

Мэтью сказал:"Простите. Не нужно говорить об этом."

- Вы уверены? Лоуренс не просто утешал. Он смог оказать практическую помощь. У него в больнице были эти иностранные противозачаточные пружинки. Мы их откопали, и он поставил мне

такую. Стальная проволока в нейлоне с таким забавным хвости-
ком. Очень хитрое приспособление. А когда к нам присоединились
Сибил и Кэти, он и им поставил такие же.
Он старался не выдать себя, но она внимательно следила за
ним.
- Да. Кэти! И хорошо, потому что с ней это случилось че-
рез несколько дней. В тот раз их было восемь, и двое не могли
дождаться, пока мы с Сибил освободимся. Те, кого вы видели,
хотя бы не тронули Кэти. Трое насиловали меня, двое Сибил. Я
вообще пользуюсь успехом. Однажды меня даже увели в Саутгемг-
тон. Я допустила ошибку, начав разговаривать, и главарю понра-
вилось мое произношение. Ночью я убежала и вернулась сюда.
Мэтью сказал:"Если это поможет..."
- Все это даже не самое плохое. Я вам ничего не говорила.
Человек, которого я пнула - тот сильно раненый, помните?
Мэтью кивнул.
- Он плюнул мне в лицо, когда был на мне. Имеете ли вы
хоть отдаленное представление, каково это?
- Нет. Я знаю, что нет.
- Всего это случилось пять раз. Не знаю, сколько мужчин.
Иногда приходят одни и те же. Не нужно только сопротивляться,
тогда это быстрее и менее... менее отвратительно. Как добавоч-
ная предосторожность, мы обтираемся губками. Это немногим ху-
же, чем пойти к дантисту, если правильно к этому относиться и
иметь хорошие противозачаточные средства. Но, конечно, всегда
сохраняется возможность. Думали вы, Мэтью, что это такое? Быть
беременной в этих условиях от двуногого зверя, который исполь-

зовал тебя, как пес суку? И другая возможность - венерические болезни? Здесь вероятность не так высока. Пока нам везло. Я так думаю по крайней мере. О последнем эпизоде говорить еще слишком рано.

Он чувствовал, что должен остановить ее, и взял ее за руку. "Я не знал. А должен был понять. Как глупо."

Она отвернулась. "Не только это. Ваш взгляд, когда вы поняли."

- Плохое так же приходит к концу, как и хорошее. Со временем вы об этом забудете.

Она смотрела на него, лицо ее исказилось от боли. "Вы все еще ничего не поняли. Я знала одного мужчину, своего мужа. Я гордилась своим телом, потому что он его любил. Теперь... Лоуренс хотел меня, и я позволила ему. Это, конечно, не то же самое, что быть изнасилованной, но означает не меньше. Мне стало его жаль, и я его презирала."

Мэтью сказал:"Это было великодушно."

- Великодушно! Боже! А Чарли? Мальчик, лишь на несколько лет старше моего сына. И я видела, что его возбуждает вид того, как меня насилуют. Вы называете презрение великодушием?

Он молчал. Ее рука по-прежнему была в его; неожиданно осознав это, она вырвала руку. И сказала негромким хриплым голосом: "Пол и материнство - суть жизни женщин. Теперь они означают только отвращение и страх. Арчи... Нет, он не имел меня, но только потому, что не хотел. - Она взглянула на него и отвела взгляд. - Я научилась бояться меньшинство мужчин и презирать большинство. Но когда я умывалась у пруда, я видела,

как вы смотрели на меня. И у меня появилась безумная надежда, что еще существует сила и доброта - в мужчине и женщине. Это была иллюзия. И не ваша вина."

- Я не думаю, что это иллюзия.

Она игнорировала его замечание. "Я сожалею о своей несдержанности. Вы слушали очень терпеливо, Мэтью."

Гнев и горечь ушли, но он почти жалел об этом. Она была далеко от него.

- Послушайте, - сказал Мэтью. Он хотел взять ее за руку., но она убрала ее. - Вы ведь не боитесь меня?

- Нет. - Голос ее звучал устало. - Я не боюсь вас. Но я презираю вас. Презираю, как мужчину. А как личность... я вам завидую. То, что я сказала, когда перевязывала вам ногу... я не сознавала тогда, насколько это справедливо. Ничего для вас не изменилось, кроме сценария. Для всех остальных бог обрушил на головы весь мир, но для вас... Что? Эпический кинофильм. Джейн жива, и вы пробираетесь к ней сквозь развалины. Знаете что? Я думаю, вы ее найдете. Она будет одета в белый шелк с оранжевыми цветами, и это будет утро ее свадьбы. Она выходит замуж за чистого юношу с прекрасными манерами, и вы успеете как раз вовремя, чтобы благословить ее.

Он сказал:"Я хочу остаться здесь."

Эйприл покачала головой. "Нет. Я могу переносить остальных, но не вас."

- Со временем сможете.

- Нет. Вы напоминаете мне о том, что кончено. Если вы останетесь, я уйду. Вы ведь не доведете меня до этого?

Он хотел найти ответ, который пробил бы бессмысленную тиранию слов, воскресил бы то утреннее состояние. Но есть ли такой ответ?

Эйприл пошла по направлению к саду и гроту. Он пошел за ней, но не пытался догнать.

14

Мэтью решил, что не стоит рисковать встречей с саутгемптоновскими бандами. Вначале он хотел идти на север, но потом ему пришло в голову, что лучше двигаться на юго-восток, по побережью. Следуя по линии приливной волны, он мог определять направление даже без солнца. А утро выдалось облачное.

Лоуренс хотел, чтобы Мэтью взял запас пищи из склада, но Мэтью отказался. Со своей стороны он предложил им ружье с тем же результатом. Атмосфера была напряжена. Их реакция, когда они узнали о том, что он уходит, представляла собой смесь сожаления и негодования. У всех, кроме Эйприл. Если она испытывала что-то, это не было заметно за ее обычной сдержанностью.

Когда Лоуренс вначале заспорил с Мэтью, она оборвала его.

"Он принял решение, Лоуренс."

- Но это безумный замысел.

- Оставьте!

После паузы Лоуренс спросил:"А Билли?"

- Я думаю, ему лучше остаться с вами, если вы его примете,

- сказал Мэтью.

- Конечно, мы его примем, - сказала Эйприл.

- Нет. Я пойду с вами, мистер Коттер, - заявил Билли.

Мэтью сказал:"Ты должен остаться, Билли."

Мальчик упрямо покачал головой. "Не хочу."

Лоуренс сказал:"Я думал научить тебя медицине, Билли. То-
му немногому, что сам помню."

Билли выглядел смущенным. Он начал что-то говорить, но
замолчал.

Эйприл сказала:"С Мэтью он будет в такой же безопастнос-
ти, как с нами. - В голосе ее звучала усталость.- Может, еще
большей. Не нужно оставлять его насильно."

Это был конец спора. Они собрали свои вещи и пошли. Вна-
чале Билли разговаривал с вымученным весельем, но Мэтью не от-
вечал, и постепенно мальчик тоже замолчал. Они подошли к мес-
ту, где впервые встретили Эйприл, и пересекли дорогу.

Мэтью заставлял себя не думать об Эйприл. Невозможно от-
делить ее от тяжелых впечатлений прошлого вечера. Ее горечь и
презрение стали на удалении еще резче. Мэтью понимал, что и
сам он испытывает аналогичные чувства. Он обнаружил, что не
может смотреть на Чарли без отвращения. Но, конечно, его пере-
живания были ничтожны по-сравнению с тем, что пришлось пере-
жить ей.

Он стал думать о Джейн. Им вновь овладела навязчивая
мысль, что Джейн выжила. Он представлял себе дом, его изолиро-
ванность, прочность его балок. Она ждет его там, она знает,
что он обязательно придет. Он вспомнил, что когда ей было пять
лет, они отправились однажды в Хэмпстед на ярмарку. Каким-то

образом он потерял ее. Больше часа он искал ее в толпе и наконец нашел, испуганную, но с сухими глазами, на ступенях карусели. Она сказала ему, что знала: он обязательно придет за ней. Поэтому она не очень испугалась, оставшись в одиночестве.

Он подкреплял свою веру другими воспоминаниями. При доме имелся большой подвал, и Мэри всегда держала там большой запас продуктов, частично из-за своего военного детства, но главным образом из-за риска быть отрезанным снегопадами. Это случалось дважды за то время, что они прожили в доме, причем во второй раз продолжалось с неделю. Мэтью решил, что Джейн останется рядом с домом, а там ничто не могло привлечь бандитов.

Билли говорил что-то, но он не слушал.

- Что, Билли?

- Кто-то останавливался вон там.

Действительно, следы костра. Мэтью решил, что если огонь сохранился, они смогут там пообедать. И они пошли туда. Огонь давно погас. Поблизости валялись куриные кости, перья. Дальше что-то блестело в траве. Мэтью наклонился. Это была кинокамера - "Пентакс". Совершенно неповрежденная. Только нажми на кнопку, подумал он. Интересно, кто мог в первую очередь схватить камеру?

Вскоре они подошли к линии волны. То же самое. Резкая, уходящая вдаль граница опустошения. дальше - высохшая грязь. Вдали виднелись плато Уайта. Поглядев туда, Мэтью увидел несколько движущихся фигур. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть подробности, но он решил, что их не менее десяти. Вероятно, одна из банд в поисках добычи.

К вечеру они пересекли Саутгемптонский залив. Встретили корабль, торчавший из ила. Его явно обыскивали: вокруг валялись пустые жестянки и другие предметы, Мэтью думал остановиться здесь на ночь. Во все стороны хорошо было видно. Никого нет. Прошел небольшой дождь, но он мог предвещать и большой. Корабль давал защиту от дождя.

Но все же Мэтью решил не останавливаться. Беспокойство, которое он ощущал на пути из Гернси, вернулось. Избавление от него значило больше, чем убежище от дождя. Он сказал Билли: "Еще одна-две мили нас не убьют, как ты считаешь?"

- Нет.

Лодыжка выдерживала путешествие хорошо; он вообще забыл о ней. Они поднялись по длинному пологому склону. Там, где когда-то стояли краны и трубы Портсмута, теперь была серая пустыня. Время от времени попадались остатки разрушенного города: кирпичи, доски, странные предметы. И человеческие останки. Но время и, может быть, пожиратели падали превратили их в скелеты, лишь кое-где остатки плоти крепились к костям. Они лежали холодные, лишенные запаха и ничтожные в сумерках.

В конце концов они нашли убежище недалеко от линии волны-хижину, унесенную волной с чьего-то сада и почти целую. Дверь сорвана, несколько досок отсутствуют, но в остальном хижина в хорошем состоянии. Внутри нанесло песка, а также, как они обнаружили ночью, песчаных блох. Спали они плохо. Билли метался, ему снились кошмары. Всю ночь шел небольшой дождь, который к утру усилился. Они позавтракали холодными консервами и вышли

под слезящееся серое небо.

Примерно через час дождь пошел тише, но совсем не прекратился. По-прежнему было сумеречно. Оба замерзли и устали, но Мэтью решил, что идти все же лучше, чем стоять. У них был с собой маленький пластиковый плащ для Билли из запасов группы, плащ не давал ему окончательно промокнуть. Мальчик, казалось, дрожал больше, чем обычно, но и на это можно было ответить только ходьбой. Иным путем согреться было невозможно.

Они в основном держались линии прибоя и вскоре пришли к развалинам Хаванта, как считал Мэтью. Глядя на юг, он видел холм с несколькими обломанными деревьями - это должен был быть остров Хэйлинг. Попадались участки мощеной мостовой, некоторые тянулись на двадцать - тридцать ярдов, прежде чем исчезали в песке, в одном месте почти вертикально торчал телеграфный столб. Вскоре после этого Мэтью услышал голос и посмотрел от линии волны. Там стоял человек и махал рукой, привлекая их внимание.

Мэтью увидел, что это мужчина высокого роста и мощного телосложения, необыкновенно проворный и крепкий на ногах для своего веса. Он спросил:"Куда вы идете?"

- На восток, - лаконично ответил Мэтью.

Мужчина кивнул. Вблизи он выглядел дружелюбно настроенным, и ничего угрожающего в его манерах не было. Он указал на ружье. "Заряжено?"

- Оба ствола.

-Поднявший меч от меча и погибнет. Евангелие от Матфея, глава 26, стих 52. Не хотите ли поесть перед тем, как идти на

восток?

Мэтью опустил ружье, но палец его по-прежнему лежал на курке. Он сказал:"Вы очень добры".

- Я люблю компанию. Нельзя восхвалять господа, не восхищаясь его созданиями, а человек - венец его творения. Бог создал человека по своему образу и подобию. Мальчик как будто замерз. Ему нужно посидеть у огня, согреться.

- Да, - согласился Мэтью. - Нам обоим это не помешает.

- Тогда пойдемте. Идите за мной.

Он пошел широким шагом, изредка останавливаясь и подбадривая их, когда они спотыкались на обломках кирпича и известки. Развалины выглядели плоскими, но когда они немного углубились в них, то увидели немало пригорков и продольных углублений, вероятно, на месте проездов. Идти им пришлось около десяти минут. Они подошли к площадке, где хаос разрушений был частично ликвидирован. Здесь на протяжении двадцати пяти ярдов площадка была вымощена кирпичами и плоскими обломками, в центре ее стоял дом.

Размером примерно двенадцать футов на восемь и в семь или восемь футов высотой, он был грубо, но прочно сколочен из досок. Плоская крыша имела небольшой наклон в одну сторону, на конце ее виднелась небольшая пирамида, на которой стоял деревянный крест в несколько футов. Пирамида была выложена кусками битого стекла. В углу крыши из нее выступала труба, из которой поднимался дым. Рыжеволосый мужчина подошел к дому и распахнул дверь.

- Входите, друзья, - сказал он.

Внутри было не темно, как ожидал Мэтью; стены, которые он видел, не имели окон, но в противоположной стене дома было проделано окно, затянутое не стеклом, а полупрозрачной пластмассой. Окно было закрыто, но видно было, что его можно открыть. В помещении было темно и остро пахло древесным дымом. Этот запах исходил от отпиленного куска балки, лежавшего на самом верху. Впрочем, Мэтью заметил, что основным топливом служил уголь. Уголь был навален в углу, рядом лежала груда поленьев. Огонь горел в печи. Это была садовая мусоросжигательная печь, помятая, но в целом сохранившая свою форму. Она стояла на металлической плите, куда падали угольки. Наверху был устроен металлический кожух, переходивший в трубу. Сама труба изготовлена из консервных банок со срезанными крышками, их концы тщательно подогнаны друг к другу. Труба отводила большую часть дыма, но, конечно, не весь.

К стене, противоположной окну, приделаны полки, на одной из них лежали инструменты, очевидно, использовавшиеся при изготовлении печи и трубы: клещи, молотки, гвозди и так далее. Ими же была изготовлена мебель. Она состояла из низкой кровати, непрочного на вид стола, двух стульев и там, где снаружи на крыше возвышалась пирамида, - нескольких ступенек и алтаря. Кровать представляла из себя проволочную сетку, стоявшую на четырех деревянных брусках, заправленную по-армейски одеялами. Алтарь был накрыт тканью, на которой алым и золотым цветом были вышиты какие-то сцены. Самодельная лампада висела на цепи, в ней горела свеча за обломком красного стекла.

-Садитесь, - сказал хозяин. - Сейчас поставлю кастрюлю, и

мы немного посидим.- Он снял с большой кастрюли доску и поставил кастрюлю на огонь. Заглянув в нее критически, взял с полки несколько консервных банок: тушеное мясо, морковь, картошка - быстро открыл их и вылил в кастрюлю. Потом добавил воды из пластиковой канистры.

- Как у вас с продовольствием? - спросил Мэтью.

- Хорошо. Тут неподалеку есть место, где раньше был опто-вый склад. Я далеко не хожу.

- А соперничество?

- Соперничество?

- Со стороны других.

Он покачал своими рыжими локонами; волосы у него были длинные, но чистые и хорошо расчесанные.

- Это одинокая местность. У меня бывает мало гостей. Я приветствую всех приходящих. Пищу приношу, когда нужно. И уголь. Я знаю место, где его много. Старый топливный двор. Там было полно угля, когда всемогущий назначил время.

- Вода?

- И она тоже есть. Господь заботится о своих слугах. В пяти минутах ходьбы, там, где был Вулворт, из земли пробивается родник.

- Воду можно пить?

- Вы думаете о телах? Я тоже думал об этом, но это было проявлением слабости в вере. То, что посеяно в разврате, взой-дет в чистоте. Первое послание к коринфянам, стих 15. Если господь сохранил человека в день бледного коня, должен ли этот человек бояться зла? Конечно, так было в начале. Теперь я ки-

пячу воду перед шитьем. Господь сделал свое дело, но он ожидает, что и мы свое сделаем.

- Значит, вы жили здесь раньше?

- Да, - спокойно ответил он. - Я жил здесь - немного жил, немного работал, немного грешил. Имел жену, пока она меня не оставила. Примерно с год назад. Вернулся с работы, потея от жары, а дом холодный и пустой. Она взяла с собой детей. Они уехали к ее матери в Мэйдстоун, и там, я думаю, их всех взял господь. Благословенны умершие в господе.

- Вы не знаете, как там дальше, на востоке? - спросил Мэтью.

- Нет, брат, и не хочу знать. Знаю только, что он придет оттуда.

- Кто?

- Воскресший господь. Он придет с востока, как день после ночи. Поэтому я жду. Сначала я думал пойти ему навстречу, но потом увидел сон, и господь сказал:"Благословенны те, что ждут." Он собирает свои стада, и овца должна ждать прихода пастыря. - Он заглянул в кастрюлю и помешал ложкой. - Уже скоро, друг. Но еду нужно кипятить каждый день заново. Иначе рискуешь отравиться. У вас есть вера, брат?

- Нет, - ответил Мэтью. - Не могу сказать, что есть.

- Время не ждет. Когда пастырь соберет своих овец, все закончится. - Он подошел к Билли, сидевшему на краю постели, сел рядом с ним и взял его за руку. Гораздо более мягким голосом он спросил: - Как твое имя, дитя?

- Билли.

Голос мальчика звучал смущенно, но не испуганно. Что-то в этом человеке внушало доверие.

- Ну, Билли, и ты веришь в господа?

Билли взглянул на него и медленно, очень медленно кивнул.

Человек весело сказал:"Отлично! Не для господа, а для тебя. Придет время, когда мы будем гулять по небесным лугам, а вдали будет хрустальная гора, а на вершине горы золотой дворец, украшенный рубинами и бриллиантами, и царь небесный будет сидеть на серебряном троне. И все твои старые друзья будут с тобой, а ангелы запоют, как соловьи, и к тебе подойдет прекраснейшая леди. - Он слегка шлепнул мальчика по щеке. - Придет такое время, и скоро. Ищи господа на своем пути, а когда увидишь, подбеги к нему и скажи:"Боже, это я!" И когда он вознесет тебя, скажи: "А это мой друг, у которого нет веры, но он заботился обо мне, когда проскакал бледный конь, а всадника на нем звали Смерть."

Он выпрямился и пошел к огню. "Почти готово. Нужно добавить перцу." - Он взял с полки баночку перца и всыпал в кастрюлю.

Потом разложил варево на пластиковые тарелки, ярко-красную и ярко-желтую, и смотрел, улыбаясь, как они ели.

- Надо бы хлеба, - сказал он. - Толстый ломоть белого хлеба, чтобы подобрать подливку. А так придется ее выпить. Ешь, Билли. Тебе нужно подкрепиться. - Он неожиданно повернулся к Мэтью. - Значит, вы ищете не господа, брат. А что же тогда?

- Дочь, - ответил Мэтью. - Она была в Сассексе, когда это

произошло.

Хозяин покачал головой. "Если бы вы взмолились и ждали, господь привел бы ее к вам."

Он добавил им еще похлебки, а потом достал банку с конфетами. Мэтью много лет не ел сладостей, но сейчас поел немного, а рыжеволосый набил карманы Билли конфетами. Он также настоял на том, чтобы они взяли с собой еды, буквально опустошив свои полки. Мэтью отказывался, но он сказал: "Все принадлежит господу. И я могу еще добыть сколько угодно. Нужно лишь выкапывать и приносить, а мне нечего делать со своим временем, только работать, ждать и молиться. Если вы отдохнули, согрелись и наелись, я думаю, вы захотите идти. Я пойду с вами до того места, где мы встретились."

Когда они шли, он разумно толковал об обычных вещах.

Только когда они подошли к линии волны, он вдруг замолчал и после паузы сказал:" Я буду молиться за вас, друг."

Мэтью ответил:"Спасибо. И спасибо за еду."

- Не хлебом единым жив человек. - Он вдруг улыбнулся. - Или консервированным мясом, выкопанным из земли. Желаю вам удачи.

- И вам тоже.

- Господь сохранит. - Он взглянул вниз, на пустоту морского дна. - Небо и земля смешались. И моря не стало.

15

На ночь они не нашли убежища, но дождь прекратился, и одежда на них высохла. Они лежали, завернувшись в одеяла, и Мэтью прижимал к себе Билли. Мальчик вначале дрожал, а позже, когда Мэтью проснулся, он увидел, что Билли снова дрожит. Ночь была сухой, но прохладной. Мэтью негромко заговорил, но, не получив ответа, заключил, что мальчик дрожит во сне. Когда они найдут Джейн, все будет проще. Он займется устройством постоянного жилища, как у рыжеволосого отшельника. Он не очень умелый мастеровой, но справится. А Джейн будет присматривать за Билли: она всегда умела обращаться с детьми. Конечно, будут свои трудности, но здесь, в темноте часа, который обычно был временем неуверенности и отчаяния, Мэтью чувствовал уверенность и оптимизм. Они найдут Джейн, и все будет в порядке. Он подумал об Эйприл, и на мгновение его оптимизм съежился и отпрянул, но Мэтью запретил себе думать о ней. Они найдут Джейн, и все будет хорошо. Он снова уснул, уверенный в этом.

Утром Билли сказал, что не хочет есть, когда Мэтью дал ему еду. Она была не очень аппетитна - холодное тушеное мясо, и Мэтью сказал:"Позже постараемся развести костер. - Облака стояли высоко, и меж ними просвечивало ясное небо. Можно было ожидать солнца. - Но мы не сможем идти, если ты не поешь, Билли."

Мальчик кивнул. "Тогда я попробую."

К середине дня вышло солнце, стало светло и тепло. Мэтью набрал плавника и развел огонь. Он согрел смесь концентрированного супа с мясом, а потом кофе. Билли не хотел есть, но по настоянию Мэтью немного поел. Он жался к костру, хотя светило солнце, и грел руки. Вероятно, слегка простудился, подумал

Мэтью. Ему бы отдохнуть в тепле. Он подумал о возвращении в хижину отшельника, но отказался от этой мысли. Осталось не более сорока миль. Завтра вечером, в крайнем случае послезавтра, они будут на месте.

Но на следующее утро идти стало трудно. Вначале просто стало больше трещин и расселин, к которым они привыкли. Их становилось все больше и больше, они делались глубже и разнообразнее, пересекались с новыми холмами земли и скал. Все свидетельствовало об огромном давлении. В одном месте из земли торчал кузов спортивного автомобиля, его передняя часть была зажата скалами. На переднем сидении виднелись останки двух человек: один в прогнившем фраке, другой, с черепом, на котором держались длинные желтые волосы, в поблекшем красном шелке вечернего платья. Автомобиль и его обитатели явно находились под водой. Очевидно, вначале они попали в землетрясение, а затем их захватила большая волна.

В земле были зажаты и другие предметы, настолько прочно зажаты, что волна не смогла их смыть. Деревянные балки, часть металлической решетки, половина гаражной двери, прогнутая телеантенна, табличка с надписью "Шекспир Роуд". Мэтью догадался, что это часть городской улицы. Литлхэмптон? А может, Вортинг. Нелегко было определять расстояние в пути. Билли брел рядом, почти не разговаривая. Он выглядел усталым, и Мэтью вынужден был часто останавливаться.

Вскоре они подошли к месту еще большего сдвига. Здесь тянулась гряда земли и камня, казавшаяся бесконечной. Обойти эту гряду было невозможно, пришлось перебираться через нее. Даже

для Мэтью это оказалось нелегко, а Билли все время скользил и падал. Они поднялись более чем на сто футов и смогли оглянуться на пустыню, по которой пришли. Виднелось и дно пролива, а на расстоянии холм, в котором Мэтью узнал один из островов Квинз.

Он указал на него Билли, и мальчик вяло кивнул. Мэтью спросил:"У тебя остались еще конфеты? - Мальчик снова кивнул.

- Съешь, это тебя подбодрит."

- Не хочу. Хотите, мистер Коттер?

- Нет, спасибо. Ты можешь идти?

- Да.

Билли наклонился за своим мешком, но Мэтью остановил его.

"Я понесу."

- Мне не трудно.

- Ничего. - Мэтью коснулся лба мальчика - горячий. - Я думаю, завтра мы сможем остановиться и отдохнуть как следует.

- Он смотрел на сцену, голую и пустую. - Здесь мы не можем оставаться.

После хребта подъем продолжался, не очень крутой, но утомительный. Стало еще больше трещин и расселин, всюду лежали камни размером от булыжника до скалы больше человека. Выше линии волны все было опустошено. Однажды им встретилась полоска леса, на которой не осталось ни одного дерева.

Они прошли не так много, как надеялся Мэтью, но он вынужден был остановиться рано: мальчик слишком устал. Солнце низко стояло на западе. Мэтью старался разжечь костер, но не сумел.

Он открыл банку сардин, но Билли ничего не ел. Мэтью закутал его в одеяло и сидел рядом, говоря обо всем, что пришло в голову, стараясь развеселить мальчика. Через некоторое время дыхание у мальчика стало ровным, он уснул.

Билли проснулся ночью с криком, Мэтью тоже проснулся.

Мальчик снова дрожал, причем гораздо сильнее.

Мэтью спросил: "Что с тобой, Билли?"

- Я хочу домой. - Он всхлипывал. - Я не люблю деревья. -

Мальчик бредил.

Мэтью сказал:"Здесь нет никаких деревьев, Билли. Не бойся."

- Деревья все сломаны... Я замерз. У меня замерзли ноги.

- Завтра мы найдем тебе теплое место, теплое удобное место. - Мэтью прижал к себе маленькое тело. - Постарайся уснуть, Билли.

Наконец мальчик задремал. Мэтью некоторое время лежал без сна, думая об окружавших их разрушениях. Тут внутреннее напряжение земли было самым сильным. Но завтра они минуют этот район. Идти станет легче. К вечеру, может, даже раньше они доберутся до цели. После этого... Он не просто успокаивал мальчика. После этого все будет хорошо.

Утром ему показалось, что мальчику лучше: он стал разговорчивей и немного поел. Но Мэтью не разрешил ему надеть мешок и понес его сам за лямки. Оптимизм его оправдывался: идти было легче. Трещин и сдвигов стало меньше, и им попалась рощица, где устояли почти все деревья. Вскоре после выхода они обогнули развалины зданий. Мэтью решил, что это пригороды Брайтона.

Теперь они проходили по долине с холмами по обеим сторонам. Местность смутно напомнила Мэтью Дацис. На дальнем склоне он увидел движущуюся белую точку и узнал в ней пасущуюся овцу. Это увеличило его надежду. Может, действительно за плохими землями начнутся хорошие.

Билли спотыкался, и Мэтью подбадривал его, рассказывая о том, что будет дальше. Дальше разрушений все меньше. Они найдут место в холмах, окруженное деревьями - не обломанными, а такими, на которые можно взбираться, - и построят дом, как у отшельника, только больший, и там с ними будет Джейн, и она позаботиться о Билли, пока он не вырастет, а потом она будет заботиться о них обоих, а они зимой пойдут на охоту и будут рубить дрова, а в доме будет тепло. Билли что-то сказал, но Мэтью не расслышал.

- Что, Билли?

- Скоро?

- Уже скоро. Держись, старина. Когда придем, сможешь как следует отдохнуть. А хочешь немного передохнуть сейчас?

- Нет. - Мальчик покачал головой. - Лучше идемте, мистер Коттер.

Линия горизонта приближалась. Они направлялись к вершине длинного- длинного хребта. Спускаться будет легче, и они издалека смогут увидеть холмы - свою цель. А когда холмы будут на виду, станет еще легче.

Мэтью сказал Билли:"На вершине отдохнем, и я покажу тебе это место."

Вышло солнце, и последние 200-300 ярдов они купались в его свете. Когда Мэтью увидел то, что лежит за хребтом, за крутым резким спуском, вначале его глаза уловили сияние, источника которого он не понял. Он стоял, смотрел, и постепенно пришло понимание.

Это было исчезнувшее море. Ярко-голубое, блестящее на солнце, оно тянулось до горизонта. Нигде ни следа островка.

Мэтью стоял, почти ничего не видя. Он вспоминал.

В такой же летний день, вскоре после переезда на остров, они поднялись на утесы, на Икарт, и перед ними открылась такая же широта, серебряная голубизна, и они были далеки от всего, только они вдвоем, маленькая золотоволосая фигурка рядом с ним в алом платье с яркой лентой в волосах, она затаила дыхание от удивления и восторга, и он понял, что нашел свой мир, что наступил конец раздражению и перебранкам, что здесь есть все условия для счастья.

Он услышал голос Эйприл:

- Я презираю вас, как мужчину. А как человеку, я вам почти завидую. Ничего для вас не изменилось, кроме сценария.

Теперь он смог с нею спорить.

- Она достойна была поисков. Ради нее можно было отказаться от всего.

- Вы уже потеряли ее, - продолжал голос Эйприл. - Вы потеряли ее, когда она ушла от вас, выросла и ушла, чтобы жить своей жизнью. Вы искали свою фантазию.

- Живого человека, а не фантазию. Она могла выжить. Была

вероятность.

- Никаких шансов, и вы это знали. Вы искали фантазию, потому что не смогли смотреть в глаза жизни.

- У вас было по-другому. Вы похоронили своих мертвых.

- Да. - В ее голосе звучали теплота, и горечь, и сила. - Я похоронила моих мертвых.

Он отвернулся от нее, от ее обвинений, от ее боли к морю прошлого. Ночью прошел дождь - он вспомнил, что слышал, как он стучал в окна отеля, - а утро было чистым и свежим, бриллиантово-ярким. Джейн бежала перед ним, подбирая цветы. Он шел за нею. Он поселится здесь, думал Мэтью, и она будет с ним несколько лет, а потом воспоминания о ней...

Голос Эйприл:

- Вы опять охотитесь за фантазией. И тогда тоже.

- Реальность, а не фантазия. Я знал, что потеряю ее. Я был готов к этому.

- А потом?

- Потом? Ничего.

- Именно поэтому я вас презираю.

Море, подумал он, захватывающая сердце красота, удовлетворение. Стоять и смотреть на него бесконечно, а рядом маленькая молчаливая фигура. Хотя тело ее лежит далеко под спокойной водой, присутствие ее стало реальным...

Он снова посмотрел вперед, пришел в себя и понял. Не Джейн, и Билли в недоумении смотрит на море, по-прежнему дрожа на теплом солнце. Мэтью привел свою фантазию на рваный край земли

и увидел, как она рухнула вниз. Но это уже неважно. Важно то, что мальчик болен.

16

Дорога вела вниз, и солнце грело их, но в этот день они сумели пройти назад совсем немного. Билли устал, он жаловался на боль в ногах. Они останавливались на отдых через все более короткие промежутки, и наконец, на заходе, Мэтью решил, что мальчику нужно поспать. Поблизости виднелась большая груда развалин. Усадив мальчика поудобнее, Мэтью отправился туда на поиски. Похоже, что тут еще никого не было.

Но по мере того, как проходило время, находки становились все менее и менее пригодными. Одеяла с ярлыком Харродса, но влажные и грязные, покрытые на сгибах плесенью. Если их выстирать и высушить, они еще могут пригодиться. Сейчас же они бесполезны. Груда банок, но большинство лопнуло и проржавело, этикетки от влаги сгнили, и прочесть их невозможно. Запах смерти уступил место влажному запаху гнили. Смерть по-прежнему была видна, но уже чистотой костей. Скелет в изорванной грязной сгнившей красной пижаме, вжатый в обломки кровати. Мэтью уже отвернулся, но тут разглядел блеск металла: пальцы, с которых исчезла плоть, сжимали зажигалку.

Вначале он не хотел брать ее: горючее испарилось, и найти новое вряд ли возможно. Но рука двинулась, слегка переместилась от его неосторожного движения, зажигалка выскользнула из

пальцев и упала. Мэтью подобрал ее и увидел, что это не обычная бензиновая зажигалка, а сложное устройство на бутане. Он повернул колесико, и вспыхнуло пламя. Мэтью быстро погасил его: слишком большая ценность.

После этого он перестал рыться в развалинах, набрал обломков дерева и развел костер около того места, где лежал Билли. Мальчик спал, но потом проснулся и смотрел на языки пламени. Мэтью порылся в мешке и достал банку с фазаном в винном соусе, найденную на Олдерни. Он подумал, что это возбудит аппетит мальчика, и принялся подогревать еду. В то же врямя он разговаривал с Билли, говорил, что скоро они доберутся до дома отшельника, где он сможет хорошо отдохнуть. А когда он выздоровеет, они венутся к гроту и будут жить с Лоуренсом и остальными. Ему ведь хочется этого?

Мальчик кивнул. Костер озарял его бледное лицо. Он спросил: "Джейн умерла, мистер Коттер?"

- Да.

- Жаль. - Это была правда: мальчик жалел его.

Мэтью почувствовал стыд и гнев. Он сказал: "Ничего. Ужин готов. Посмотрим, сколько ты съешь в этот раз".

Билли съел немного, и только по настойчивым просьбам Мэтью. Позже он задремал и проснулся в кошмаре. Земля двигалась, дом обрушивался на него. Он был в ловушке и не мог двигаться. Он позвал маму, и Мэтью взял его на руки и стал успокаивать.

- Папа, - сказал Билли, - папа, все хорошо?

- Все хорошо. Спи. Не о чем беспокоиться.

Дров было много, но большинство обломков слишком велики. Впрочем, Мэтью сумел достаточно наломать руками, чтобы поддерживать костер всю ночь. Билли вначале спал плохо, но потом крепко уснул. Мэтью дремал рядом с ним. Проснувшись на рассвете, он снова занялся костром. Билли продолжал спать и проснулся, когда солнце было уже высоко.

Мальчик не может идти, Мэтью понимал это. С другой стороны, здесь нет ни убежища, ни возможности заботиться о нем. Погода пока стоит хорошая, но сколько она продержится? Если снова пойдут дожди... А до дома отшельника не больше дня пути. Билли можно будет оставить там, а Мэтью вернется к гроту. У Лоуренса не только медицинские знания и опыт, у него есть и медикаменты. Так будет разумнее всего.

Билли был апатичен и не хотел двигаться, но Мэтью убедил его. Когда они пошли, мальчику как будто стало получше, но он был очень слаб, и Мэтью как можно чаще давал ему возможность отдохнуть. В середине дня он устроил большой привал, разжег костер и подогрел суп. Пока суп грелся, Билли говорил, что он хорошо пахнет, но после одной-двух ложек отвернулся. Снова поднялась высокая температура, лоб мальчика обжигал при прикосновении.

За день они прошли мало, но к вечеру им повезло. Они шли вдоль линии волны, и Мэтью увидел в поле развалины и заинтересовавший его желтый прямоугольник. Он подошел ближе и подозвал к себе Билли. Развалины раньше были фермой, поблизости обрушился сарай, в котором находились пресованные тюки соломы. Некоторые из них еще были перевязаны, но большинство развали-

лось. Тут легко приготовить для Билли удобную постель, и соломой можно топить костер. Устроив все это, Мэтью отправился в ближайшее поле и обнаружил картошку. Ее уже выкапывали, но не сплошь, и он нашел в земле немало клубней.

Вернувшись, он сказал Билли: "Мы ее испечем. Как ты думаешь, она тебе понравится?"

Билли кивнул.

- Как ты себя чувствуешь?

Мальчик закашлялся. Он кашлял весь день глубоким лающим кашлем, но не жаловался. "Хорошо".

Билли съел несколько печеных картофелин и немного мяса, и Мэтью решил, что мальчику действительно лучше. Он и для себя устроил постель из соломы и уснул. Его разбудил кашель Билли. Подойдя к мальчику, Мэтью увидел, что он мечется в жару. Мэтью долго сидел с ним рядом, пока тот не успокоился и не уснул.

Тогда он сам вернулся к своей соломенной постели и проснулся облачным, но ярким утром. Уже не меньше часа, как взошло солнце.

Рядом с картофельным полем Мэтью увидел ручей. Сейчас он пошел к нему умыться и наполнить свежей водой канистру. Он взял с собой и пустой мешок Билли и наложил в него картошки.

Хотя болезнь Билли и задерживала их, Мэтью рассчитывал еще сегодня добраться до дома отшельника. Картошка будет небольшим вознаграждением за гостеприимство. Выбрав лучшие клубни и умывшись, он, посвистывая, вернулся к месту, где он оставил Билли.

Обогнув развалины сарая, он перестал свистеть. Билли по-прежнему здесь, но он не один. С ним полдюжины мужчин и две обор-

ванные женщины.

И один из мужчин держит его ружье.

Это был смуглый лохматый человек, на дюйм или два выше шести футов, одетый в черную кожаную куртку. У него был вид предводителя; помимо того, что он держал ружье, на груди у него висел полевой бинокль. Лицо его пересекал шрам, лишь частично прикрытый черной бородой. Шрам недавний, получен либо во время землетрясения, либо в последующих событиях.

Он сказал низким голосом северянина: "Вернулся. Есть другие, кроме тебя и этого парня?"

Не было смысла лгать. Мэтью сказал: "Нет".

- Похоже на правду. - Он поднял ружье и прицелился куда-то вдаль. - Полезная штука. Где взял?"

- Нашел.

- И коробку с патронами. Очень хорошо. Только одну коробку? Больше никуда не засунул?

- Нет. Видите, мы путешествуем.

- Пожалуй, так. - Он опустил ружье и посмотрел на Билли, который все еще лежал на соломе. - Малыш неплохой. - Он наклонился и ткнул грязным кулаком в щеку Билли. - Как тебя зовут?

- Билли.

- Хорошо. Хочешь пойти с нами, Билли?

Мэтью сказал: "Он болен. Я веду его куда-нибудь, где о нем смогут позаботиться, - к доктору."

Человек встал и, почти не глядя, ударил Мэтью по лицу

тыльной стороной ладони.

- Я скажу, когда тебе говорить. Я спрашиваю мальчишку, а не тебя. - Он рассмеялся. - Будешь делать, что говорят. - Повернулся к Билли. - Ну, так как, пойдешь с нами?

Билли закашлялся. Успокоившись, он тихо сказал: "Нет, спасибо. Я хочу остаться с мистером Коттером."

Мужчина улыбался, но теперь улыбка исчезла с его лица. Он сказал: "Ты тоже будешь делать, что говорят. Вставай!"

Мэтью сказал: "Он болен".

Мужчина медленно повернулся и сделал шаг в сторону Мэтью. Он сказал: "Я тебя предупреждал? Ты, должно быть, глупее, чем выглядишь".

- Не знаю, что это, - сказал Мэтью, - но остальные двое умерли. Нас было четверо. Сначала кашель, потом прыщи и язвы. - он отчаянно пытался вспомнить симптомы чумы. - И припухлость в паху.

Группа быстро попятилась. Предводитель держался лучше. Он смотрел на Мэтью, взвешивая в руке ружье. "Оружие не переносит заразу, - сказал он, - а если и переносит, я рискну. Банки тоже. - Он повернулся к остальным. - Вывалите все из его мешка и заберите консервы. Пошевеливайтесь!"

Все стояли. Мужчина некоторое время смотрел на них, потом переломил ружье и заглянул в стволы.

- Оба заряжены, - сказал он. - Один патрон могу потратить, даже два. Берите, и пойдем.

На этот раз они повиновались. Мэтью подумал, что, должно быть, в прошлом он показал, что его угрозы не остаются на

словах. Это был сильный человек:синяки у некоторых мужчин и у обеих женщин служили доказательством его силы. Мэтью подумал о ружье. Конечно, сила предводителя увеличится. Но если один из остальных доберется до ружья... А ведь предводитель тоже должен спать.

Когда один из мужчин достал коробку с патронами, предводитель сказал: "Это возьму я. - С полдюжины патронов он сунул в карман куртки, а коробку с остальными передал одной из женщин: - Смотри не потеряй. Ну, ладно. Можем идти".

Они двинулись. Рослый мужчина поглядел на Мэтью и слегка покачал головой. "Может, ты врешь, - сказал он, - но рисковать не стоит. И мальчишка действительно болен. Но на случай, если ты врешь..."

Он ударил его без предупреждения с исключительной силой и ловкостью. Удар пришелся в челюсть, Мэтью перевернулся и грохнулся оземь. Лежа полуоглушенный, он догадался, что мужчина в прошлом был профессиональным боксером. Но рассуждать долго ему не пришлось. Ботинок жестоко ударил его в бок, заставив закричать от боли. Он согнулся попалам. Послышались удаляющиеся шаги. Мэтью поднял голову. Билли испуганно смотрел на него.

Мэтью с трудом сказал: "Все в порядке. Он меня не поранил. - И он попытался улыбнуться. - Помогла твоя болезнь. Нам лучше тоже уходить".

Им оставили оба мешка, одеяло, запасную одежду, нож и эмалированную кружку. В кармане у Мэтью оставалась бутановая

зажигалка. Он положил все в большой рюкзак и понес его за лямки. Нести нетрудно, а если мальчик устанет, можно будет посадить его на спину. Мэтью был намерен сегодня же добраться до дома отшельника. Зная, что Билли в хороших руках, он мог бы быстро добраться до грота. Лоуренс вернется с ним и вылечит мальчика. Через несколько дней все снова будет хорошо. Жаль ружья, но в конце концов полезность его ограничена. Они приготовят луки, как он предлагал, и нарежут стрел. Грубая сила на первых порах может побеждать, но разум и изобретательность со временем все равно возьмут верх.

Оптимизм и уверенность помогали ему идти и поддерживать дух Билли. Они пойдут с Лоуренсом и остальными в горы, там меньше людей и, вероятно, больше животных. Там они найдут место, где смогут жить в мире и покое. Он объяснил мальчику насчет луков и стрел. Они их смогут использовать для защиты, если кто-нибудь на них нападет, и для охоты. Должны выжить свиньи: эти коротконогие животные меньше всего страдают при толчках. В диком состоянии, не имея естественных противников, они быстро размножаются. Кроме человека, конечно.

Билли слушал, но почти не говорил. Мэтью временами испытывал неуверенность, вспомнив, что он говорил о Джейн, доме в лесу и безопасности. Но тут большая разница, уверял он себя. То было фантазией, основанной лишь на его отказе признать вероятность смерти Джейн. А сейчас он говорит о практических предложениях, связанных с реальными людьми. Конечно, могут возникнуть препятствия, но сама идея вполне реальна.

Утром казалось, что будет светить солнце: облака лишь

частично закрывали небо и стояли высоко. Но вот они опустились, стали толще, с юго-запада подул ветер. В воздухе запахло дождем. В полдень Мэтью остановился и развел костер. Бандиты оставили картошку, то ли потому, что боялись заразы, то ли считали, что не стоит с ней возиться. Вокруг, вероятно, много картофельных полей, и женщины всегда могут накопать свежей. Мэтью испек несколько самых мелких. Он не хотел тратить времени, поэтому внутри они были твердыми. Но Билли во всяком случае ничего не будет есть. Мэтью поел немного, чтобы унять голод и поддержать силы, и они снова пошли. Ему потребовалось немало сил: через полчаса Билли начал падать, и его пришлось нести.

Но если не случится ничего неожиданного, к ночи они доберутся до хижины. Мэтью узнавал местность: моток проржавевшей проволки, бочка из-под нефти, полупогруженная в песок, остроконечная скала в ста ярдах от берега. До хижины не больше часа пути. Мэтью подумал, что солнце садится: облака на западе светились, - но еще некоторое время будет светло. Билли, шедший рядом, снова начал спотыкаться, потом упал.

Мэтью пригнулся у обломка скалы. "Давай, - сказал он. - Полезай на меня. Осталось немного".

Последний участок пути - по развалинам - оказался самым трудным: уже стемнело, и можно было ежеминутно споткнуться. Мэтью решил, что заблудился, и хотел уже позвать отшельника, когда увидел в полутьме ровную площадку. Он пошел к ней и понял, что это двор, окружавший дом отшельника. Здесь должен

быть и сам дом... Мэтью увидел дом и застыл. Вид моря, преградившего путь, тоже был неожиданным и означал крушение его собственной иллюзии. Но потом было пробуждение, начало новой надежды. Новый удар был свирепым. Дом сгорел: почерневшие балки торчали без крыши под открытым небом.

17

Это случилось не сегодня: обгоревшее дерево на ощупь было холодным. Внутри виднелись следы буйного разгрома. Сначала разбит алтарь, подумал Мэтью: на полу лежали обломки лампады. Кожух сбит, печь перевернута; очевидно, именно из-за этого начался пожар. Но огонь не полностью поглотил дом. Стена с окном и угол стены у алтаря устояли и поддерживали часть крыши. Должно быть, огонь погас от дождя.

Мэтью поискал тело отшельника. Его не было ни в доме, ни во дворе. Неужели он сам совершил все это в припадке религиозного безумия, перед тем, как уйти в какое-нибудь паломничество? Но он разбил и алтарь. Восстав против бога, признав отчаяние и поражение? Возможно, но маловероятно. Разрушения несут на себе следы обычной человеческой злобы, а не религиозного извращения.

Кровать была на месте, у относительно уцелевшей стены.

Она была обожжена, огонь добрался и до пластикового покрытия окна. Но лежать на кровати можно. Мэтью подобрал одеяла и увидел, что они почти целы, только сильно пахнут дымом. Билли,

тихий и испуганный, стоял рядом.

Мэтью сказал: "Ложись в постель. Я помогу тебе раздеться".

- Это те, которые отобрали ружье? - спросил Билли.

- Может быть. Не знаю. Их эдесь теперь нет, это точно. А завтра мы найдем Лоуренса. Тебе нужно поспать.

Он наклонился к мальчику и снял с него ботинки. Подошвы износились и в одном месте были тонкими, как бумага. Как только они вернутся к гроту, нужно будет заняться обувью.

Закутав Билли в одеяла, он спросил: "Ну, как?"

- Как на койке в корабле... где вы будете спать, мистер Коттер?

- Я найду место.

Он очень устал, но нужно еще разжечь огонь. Не оставалось ничего съедобного; большая черная кастрюля, в которой отшельник варил еду, лежала вверх дном во дворе. У Мэтью оставалась только картошка, которую он хотел поджарить. Разжигать огонь или съесть ее сырой? Хорошо, что сохранились инструменты. Рукоятка пилы обгорела, но пользоваться ею можно. Мэтью нарезал обгоревших досок.

Потом ножом наделал лучины. Это оказалось еще труднее, чем пилить, но в конце концов у него получилась небольшая груда растопки. Мэтью положил поверх щепок несколько обломков досок и после нескольких неудач зажег лучины. Пламя поднималось и опадало, и когда он уже начал отчаиваться, охватило большие куски. Когда поселимся на постоянном месте, подумал Мэтью, будем поддерживать огонь все время, зимой и летом. Ничто так не успокаивает, как вид костра.

Он сидел, глядя на огонь и греясь, пока не задремал и чуть не упал в костер. Жар разбудил его. Он взял изогнутый кожух и изогнул его еще больше, положил на пол рядом с кроватью несколько досок. Постель будет не мягкой, но это все же лучше, чем лежать на камне или кирпичах.

Мэтью достал картошку и положил новую. Билли спал, будить его не хотелось. Мэтью поел немного, а остальное отложил на будущее. Те, что лежали в кожухе, он потрогал ножом: еще не готовы. Еще минут десять. Он лег на доски и смотрел на огонь. Слышался треск дерева и тихое дыхание мальчика. Во тьме и одиночестве Мэтью заговорил с Эйприл.

- Вы были правы; я оказался глуп и невежествен, но это можно изменить. Я уже начал изменяться, учась у вас, и могу измениться еще больше. Вы лучше меня поняли жизнь, но если я подольше буду слушать вас, я тоже пойму ее.

Дождь в лицо разбудил его. Он падал часто, свистел на погасавших углях костра. Ночь была совершенно черной. Мэтью ощупью добрался до кровати Билли. Часть ее оставалась сухой, защищенная углом крыши, но дождь доставал до половины. Мэтью отыскал оба их плаща и положил поверх одеял. У изголовья кровати было место, где можно было стоять или сидеть, оставаясь относительно сухим. Мэтью скорчился там и стал ждать конца ночи. Билли заплакал в бреду. Мэтью заговорил с ним, но мальчик не слышал. Он говорил о Капитане - своей любимой собаке, решил Мэтью. Капитан потерялся, и Билли не мог найти его. Мэтью сказал, что Капитан вернется, но мальчик не унимался.

Наконец дождь стих. Вскоре после этого небо начало светлеть в предвестии рассвета.

Оставленная им картошка промокла и раскисла. Та, которую он положил в костер, предварительно еще сгорела дочерна. Даже если бы он мог позволить себе это, все равно не было никакой надежды развести костер из сырых досок. Билли снова уснул, и Мэтью вышел на разведку. Отшельник говорил, что источник его пищи недалеко, так что нужно попытался найти его.

Он нашел его очень легко: указателем послужило тело отшельника. Вначале Мэтью увидел только его, но, подойдя ближе, понял, что здесь два тела. Они лежали вместе, пальцы отшельника сжимали горло другого человека, на теле его виднелось множесво ран, в том числе сильный удар чем-то вроде топора по черепу. Общая картина была ясной, а восстанавливать подробности не было возможности. Вероятно, его застали в хижине и принудили вести к тайнику; а может, нашли его здесь, а дом подожгли потом. Несомненно, в конце он впал в ярость и задушил одного бандита, а остальные убили его. Он был чрезвычайно силен. Бандиты унесли с собой то, что лежало на поверхности.

Мэтью не пришлось много копать. Он взял четыре банки тушенки - более, чем достаточно на один день, а поскольку Билли очень слаб, важно идти налегке.

Он снова посмотрел на тела. Они почти не пахли, значит это случилось не больше двух дней назад. Под телом задушенного что-то лежало. Мэтью узнал: алтарная ткань из хижины. Вероятно, это и послужило причиной его смерти - наказание за свято-

татство.

Мэтью потянул ткань, и она высвободилась. Он смотрел на нее несколько мгновений. На ней были изображены три сцены, все с мучениками. Стефан под градом камней, Катерина с ее колесом, в центре Себастьян со стрелами. Мэтью накрыл тканью голову отшельника и ушел.

Билли не спал, он снова бредил. Температура у него, казалось, еще повысилась. Мэтью понимал, что не может оставить его здесь: очень важно без задержки доставить его к Лауренсу; с другой стороны, мальчик не мог ни идти, ни даже держаться, если бы Мэтью понес его на спине. В конце концов Мэтью разорвал одно из одеял на полосы и сплел нечто вроде сетки, которая должа удерживать мальчика. Такая позиция была не очень удобной для обоих, но Мэтью надеялся что сумеет нести Билли. Мальчик опять отказался есть. Мэтью проглотил мясо из одной банки, доел влажную картошку и, усадив Билли к себе на спину, двинулся на запад.

Мальчик весил немало, в чем Мэтью убеждался с каждым пройденным ярдом. Периоды стонов и плача сменялись у него беспамятством, тогда он тяжело лежал на плече у Мэтью. Мэтью даже испугался, что Билли умер, но, повернув голову, почувствовал на щеке его легкое дыхание. Он старался погрузиться в автоматизм ходьбы, выбросив из головы все, за исключением необходимости ставить одну ногу за другой, но когда ему показалось, что он уже достиг этого автоматизма, напряжение аккумулировалось и высвободилось в виде резкой боли и приступа сла-

бости. Нужно было отдохнуть, найти как можно более мягкое место. Тут Мэтью неуклюже опускался на колени и ложился, ощущая вес мальчика у себя на спине. У него не было сил снимать мальчика для короткой передышки.

Он опустил Билли в полдень. Они снова пересекали высохшую грязь Саутгемптовского эстуария. Мэтью сознавал, что он крайне слаб, и решил, что должен поесть, хотя голода и не чувствовал.

Он открыл одну из оставшихся банок и попытался заставить Билли съесть немного мяса, но мальчик был апатичен, почти без сознания. Мэтью усадил его поудобнее и съел мясо сам. Пока он ел, вышло солнце, и Мэтью позволил себе полежать, греясь в его тепле, - несколько минут, подумал он, но тело его предало. Он не знал, сколько проспал, но солнце в небе стояло значительно ниже.Билли не спал, он смотрел на Мэтью пустым тяжелым взглядом. Мальчик кашлял, и кашель сотрясал все его тело.

Мэтью снова посадил Билли на спину и пошел. Стыдясь своей

слабости, он пытался идти быстрее, но тем быстрее охватила его усталость. Он вынужден был отдохнуть и дальше идти медленнее. Время и пространство существовали теперь отдельно; противоположный берег не приближался, но солнце заметно двигалось по небу к горизонту. Мэтью понял, что сегодня им до грота не добраться.

И осознание этого сдалало еще более трудной борьбу с усталостью, которая, казалось, вместе с кровью проникла во все участки тела. Каждый шаг требовал особых усилий. Каким-то образом Мэтью выбрался на берег и, немного передожнув, пошел

дальше. Здесь росла трава, высокая и густая, над ней плясали бабочки. Ему хотелось лечь, погрузиться в мягкость и свежесть, но он не смог. Небольшая роща - он остановится, дойдя до нее. Добравшись туда, он снова собрался с силами. Та изгородь.. тот куст... эта груда развалин... Он шел от точки к точке, от предмета к предмету.

Когда солнце опускалось за горизонт, последние силы покинули его. На пути была сухая канава с колючей живой изгородью за ней. Мэтью упал на колени и снял лямки. Он опустил мальчика на землю и склонился к нему. Лицо Билли покрылось потом, рот был открыт, губы обметены. Мэтью взял канистру, привязанную к лямке, и поднес к губам мальчика. Билли с жадностью напился. Мэтью тоже попил и лег, держа Билли в руках. Еще засветло они уснули.

Мэтью разбудил плач Билли. Была ночь, но взошла луна. Воздух теплый и свежий, небо полно звезд. Он снова напоил Билли и поговорил с ним. Уже скоро, сказал он; завтра они будут на месте. Мальчик уснул, и Мэтью смотрел на его освещенное луной лицо. Неподалеку послышалось громкое фырканье - еж ищет самку. Он почувствовал голод и открыл одну из двух оставшихся банок с мясом. Половину он оставил для Билли, если тот захочет утром есть. Немного попил. Канистра почти опустела. При первой же возможности нужно набрать воды.

Он подумал о ручье у грота и увидел наклонившуюся к ручью Эйприл. Снова ощутил огромное одиночество и чувство поражения. Ему было предложено то, на что он не мог надеяться, а он от-

верг это. Он знал, поступая так, что ранит ее, но только теперь начал понимать, насколько глубоко. Все же у нее хватит сил принять рану и вылечить и себя, и его. Он был уверен в этом.

Билли спал, очевидно, спокойно. Мэтью лег рядом и позволил усталости снова овладеть собой. Оставалась последняя часть пути. Он был уверен, что дойдет.

Вскоре после выхода на следующее утро они встретили группу людей. Трое мужчин и две женщины, все молодые и относительно чистые. Когда Мэтью заметил их, они его тоже увидели; они отдыхали у развалин, в которых, судя по разложенным на траве предметам, только что копались. У них было еще одно отличие - собака. Овчарка, которая стояла рядом с одним из мужчин в позе собаки, охраняющей хозяина. Мэтью решил, что нет смысла менять направление; к тому же вес Билли делал трудной всякую мысль об отклонении от прямой линии.

Когда он был в нескольких ярдах, человек с собакой окликнул его: "Что с мальчиком? Сломал ногу?"

Мэтью остановился и стоял, слегка раскачиваясь от спазм в мышцах. Собака низко зарычала.

- Он болен.

Они молча смотрели на него, потом, потеряв интерес, отвернулись. Одна из женщин, полная, с сеткой на волосах, что-то сказала, другая рассмеялась. Только собака не сводила глаз с Мэтью и Билли; она продолжала негромко ворчать. На траве Мэтью увидел банки с сухим молоком.

Он сказал: "Не дадите ли банку с молоком? Или отсыпьте немного . У меня только мясо, а он не может его есть. Может, выпьет молока".

Женщина, говорившая раньше, сказала: "Джо, может быть, мы...

Мужчина с собакой оборвал ее: "Заткнись! - Он повернулся к Мэтью: - Проваливай! У нас хватит заботы и без больных щенков".

Собака, услышав его тон, заворчала громче. Мэтью пошел.

Еще какое-то время он слышал ворчание собаки и смех.

Билли слабо сказал: "Я не хочу молока, мистер Коттер".

- Скоро придем, - сказал он. - Когда доберемся до грота, Лоуренс и Эйприл позаботятся о тебе.

- Я могу попытаться идти сам.

- Сиди. Уже скоро, Билли.

В одном месте он заблудился, но солнце помогло ему определить общее направление, и вскоре он вышел на дорогу. Это, должно быть, А-31. Но он не знал, вышел ли он на нее восточнее или западнее того места, где встретился с Эйприл и остальными. Предстояло принять решение, в какую сторону идти; снова навалилась усталость предыдущего дня, и мысль о том, что он может пойти в неверном направлении, была невыносимой. Мэтью лег на траву у края дороги. Солнце жгло, он вспотел, мышцы его болели от напряжения. Невероятно сильно хотелось продолжать лежать, но он знал, что должен подавить это желание. Грот не более чем в трех-четырех милях. Мэтью с трудом встал и с фата-

лизмом игрока повернул на запад.

Полчаса спустя он достиг развалин деревни. Хотя грот был еще в нескольких милях к северу, он понял, что каждую минуту может увидеть кого-нибудь из них. Особенно часто виделась ему Эйприл - за полем, за теми деревьями... она должна быть здесь, он позовет ее, и она оглянется, узнает его, улыбнется.

Билли сказал: "Я помню этот пруд".

- Я тоже. Тебе лучше Билли?

- Немного лучше.

- Мы уже близко.

И он сказал, обращаясь к Эйприл, как будто она рядом:

- Я был глупцом. Я еще не научился мудрости, но научусь. Это только начало. Помоги мне. Помоги.

Ручей журчал по-прежнему, и за ним солнце отражалось в зелени рододендронов. Мэтью миновал их и увидел грот. Он был пуст, никого не было. Конечно, ожидание было абсурдно: днем они, как обычно, ушли за добычей. К заходу вернутся.

Он уложил Билли на траву. Мэтью чувствовал невероятную усталость. И все-таки он добрался, и теперь им нужно только подождать.

18

Днем жара усилилась. Билли большую часть времени спал. Немного отдохнув, Мэтью пошел к ручью, разделся и умылся. Ему нечем было вытереться, и он сидел на солнце, пока не высох.

Одежду нужно выстирать, но с этим можно подождать. На небе появились облака. Солнце скрылось, но было по-прежнему жарко. В отдалении послышался гром. Мэтью надеялся, что гроза начнется после возвращения Эйприл и остальных.

В конце дня Билли проснулся. Он вспотел, осунулся и вел себя беспокойно. "Где они? - спросил он. - Где Лоуренс?"

- Скоро вернутся.

- Как скоро?

- Скоро.

Билли жалобно сказал: "Мне жарко".

- Сейчас принесу что-нибудь холодное.

Мэтью оторвал полосу от рубашки мальчика, как мог, выстирал ее в ручье и принес, мокрую, назад. Он вытер Билли лицо и шею. Мальчик немного успокоился. Но у него снова поднялась температура. Когда придет Лоуренс... Мэтью напрягал глаза, вглядываясь в кусты и отдаленные деревья. Солнце давно зашло, вечер превращался в ночь. Он понял, что сегодня они не вернутся.

Тут же он отыскал объяснение. Поблизости становилось все труднее и труднее находить добычу. Должно быть, они уходят от грота так далеко, что не могут вернуться в тот же день. Они вернутся завтра. Он сказал об этом Билли, и мальчик апатично посмотрел на него.

- Мы ведь сумеем переночевать еще один раз, Билли?

Мальчик слегка кивнул.

- Как ты себя чувствуешь, сынок?

- Хорошо.

Но голос его звучал еле слышно. На мгновение Мэтью охватил гнев: почему не возвращается Лоуренс. Но он тут же понял неразумность этого чувства и подавил его. Он вспомнил о запасах в старом колодце. Велев Билли спокойно лежать, он пошел туда. Подходя к колодцу, он испытал предчувствие разочарования. Но вот он нащупал доски и снял их. Перед ним чернел вход в колодец. Мэтью опустил руку и нащупал металлический прут. Веревка на месте. Потянув за нее, он с облегчением почувствовал тяжесть.

Он вытащил сетку, достал из нее несколько банок и опустил остальное назад. Потом вернулся туда, где оставил Билли. Мальчик сидел, беспокойно ожидая его возвращения.

Мэтью сказал: "Я нашел молоко. Хочешь немного?"

- Я думал, вы ушли.

- Ненадолго. Я говорил тебе. Вот. Я пробил дырки в крышке.

- Вы не уйдете, мистер Коттер?

Мэтью покачал головой: "Нет, не уйду".

Ночью началась гроза с проливным дождем, громом и молниями. Мэтью пытался защитить Билли, уложив его под навесом грота и укутав в свой плащ. Сам он промок, но почти не замечал этого, беспокоясь о мальчике. Лихорадка дергала маленькое тело так же яростно, как гроза; Билли метался, звал родителей и собаку Капитана. Мэтью сидел рядом, разговаривал с ним, пытался успокоить. Он чувствовал отчаяние от неспособности помочь. Мальчик опасно болен, может быть, он умирает. Какая горькая ирония, если после таких усилий он умрет до возвращения Лоу-

ренса!

Он держал руку мальчика. "Крепись, Билли. - Пальцы сухие и горячие в его холодной влажной ладони. - Ты должен держаться".

К утру гроза ушла на запад, дождь прекратился, ветер стих. Но положение мальчика не улучшилось. Температура не спадала, движения стали слабее. Голос тоже ослаб. Билли, казалось, временами разговаривал с ним и с родителями, но как-то странно, как будто и он, и родители были далеко. Однако, когда Мэтью отнял руку, мальчик заплакал и успокоился, лишь когда Мэтью снова взял его за руку.

Замерзший и промокший, Мэтью сидел, пока не прояснилось небо. Обычная летняя гроза, сильная, но кратковременная, и вот небо над гротом снова приобрело ясный голубой цвет. Солнце осветило вершины деревьев, когда Билли уснул и Мэтью смог отпустить его руку. Мэтью не знал, когда можно ожидать Эйприл и остальных. К тому же их могла задержать гроза. Конечно, нужны знания Лоуренса, но, может быть, пока удастся воспользоваться какими-нибудь медикаментами.

На пути к погребу он миновал кусты роз. Вот четыре могилы с деревянными крестами, на каждой могиле роза, увядшая, побитая дождем. Мэтью постоял немного, глядя на них, потом пошел дальше, к развалинам дома.

Начало - уборка обломков и мусора - оказалось нетрудным, но заняло много времени. Мэтью не видел грот, но если Билли позовет, он услышит. Он добрался до перевернутого стола, ухватился, попытался поднять. Стол не двинулся.

Пытаясь снова, он вспомнил, что обычно эту работу выпол-
няли трое: Джордж, Чарли и Арчи. Если бы найти рычаг.. Мэтью
согнулся, напрягаясь изо всех сил, и чуть-чуть приподнял стол,
но не настолько, чтобы просунуть что-нибудь. Он выпрямился,
вытирая пот со лба. Наверно, все же придется подождать прихода
остальных.

В последней попытке он попробовал сдвинуть стол.

Расчистив место с одной стороны, он подошел к другой. Упираясь
в путаницу балок и камня, приставив ноги к краю стола, он на-
жал. В первый раз ничего не произошло. Однако во второй раз
стол двинулся на один-два дюйма. Мэтью переменил позицию и
снова нажал. На этот раз ему удалось отодвинуть стол на шесть
дюймов. Обнаружилась верхняя ступенька лестницы Щель была уз-
кая, но достаточная, чтобы подбодрить Мэтью.

Ему пришлось еще несколько раз расчищать обломки по дру-
гую сторону стола, пока он не смог сдвинуть его настолько,
чтобы можно было всать на верхнюю ступеньку. Потом он просунул
полено и раздвинул щель настолько, что смог пролезть вниз.

Там было темно, свет падал лишь сквозь узкую щель вверху.

Мэтью зажег бутановую зажигалку и осмотрелся. Вначале ему по-
казалось, что ничего не изменилось. Столы на месте, полки то-
же; проведя рукой, он увидел жестянки, одежду, металлическую
лестницу, сверток войлока для крыши. Конечно, свечи не стояли
на своих обычных местах, но это казалось неважным. И запасы не
так аккуратно разложены, как раньше. Должно быть, Эйприл не
так тщательно присматривала за разборкой. Но Мэтью интересова-
ла вторая комната - медицинские запасы и бренди. Он подошел к

двери и распахнул ее.

И сразу увидел, что маленький погреб опустошен. Опустели полки, на которых Лоуренс держал медикаменты, опустел стеллаж с драгоценными бутылками. В комнате оставалась только пыль. Вначале Мэтью решил, что по какой-то причине они все перенесли в большую комнату. Вернувшись, он обошел ее с зажигалкой, проверяя все. Он не нашел бренди, зато обнаружил кое-что еще. Дело не только в беспорядке. Исчезло многое из запасов. Неужели все самое важное они перепрятали в другой тайник? Возможно, но трудно понять, почему. И куда. Сложно найти более удобное и безопасное место.

Если только... он вспомнил могилы. Вначале случайно, а потом вновь вернулся к этой мысли. Эйприл не клала на них цветы раньше. Вероятно, не считала нужным, так как рядом цвели розы. Теперь на каждой могиле по розе. Прощальный подарок? Лоуренс хотел, чтобы они ушли, переселились в горы, где легче защищаться, где больше животных, где постепенно можно начать обрабатывать землю. Это самое разумное и очевидное решение. Они не уходили, потому что Эйприл не хотела покидать своих мертвых, а остальные беспомощны без нее. Если она изменила свое решение... И он очень ясно видел, как это могло произойти. Ее презрение к нему за то, что он отказывался признавать реальность жизни, за его поглощенность фантазией могла обернуться против нее самой. То, что она цеплялась за прошлое, вредило и ей, и остальным. Поняв это, она должна была отказаться от принятого решения. Для этого нужно было только мужество, а мужества у нее хватит.

Мэтью снова осмотрел запасы, стараясь вспомнить, что тут было. Спички и свечи исчезли, не стало маленького молотка, ручной пилы, ножниц... все эти вещи сочетают полезность с компактностью. У него сложилось представление, что гораздо меньше стало банок тушенки. Они взяли с собой то, в чем нуждались и что могли унести. Остальное оставили и закрыли, возможно, рассчитывая когда-нибудь в будущем вернуться за остальным.
Значит ли это, что они ушли недалеко? Он быстро погасил вспыхнувшую было надежду. Они ушли не в какое-нибудь определенное место. Они ушли искать убежище, дом, который можно защитить. И будут идти, пока не найдут. А найдя, останутся там.
Он по-прежнему бродил по подвалу, пытаясь осознать случившееся, и обнаружил, что снова находится в маленьком помещении. Скудный свет зажигалки блеснул на чем-то в углу полки у стены. Мэтью протянул руку. Маленькая прямоугольная бутылочка. Аспирин. Должно быть, не заметили, когда забирали лекарства.
Это уже кое-что. Бутылочка аспирина для лечения, возможно, умирающего мальчика.
Тут Мэтью понял еще одно: внизу он не услышит, если Билли позовет его. Он быстро поднялся по лестнице и, лежа на спине, протиснулся в шель. Билли не звал, но Мэтью все равно пошел к гроту. Он и так долго отсутствовал.

Вскоре Билли проснулся, снова в бреду. Он хотел встать, а когда Мэтью удержал его, начал отбиваться. Он бился изо всех сил, но их у него осталось немного. Потом он успокоился, повис на руках Мэтью так тяжело и беспомощно, что Мэтью прижал ухо к

груди мальчика, чтобы убедиться, что оно еще бьется. Он раздробил таблетку аспирина, смешал с консервированным молоком и напоил мальчика с ложки. Трудно было вложить ложку в рот, еще труднее заставить его проглотить.

Остальную часть дня и последующую ночь мальчик попеременно то бредил, то впадал в коматозное состояние. Мэтью в промежутки спокойствия выносил вещи из подвала: одеяла, чистую одежду, столбы и ткань для навеса. Однажды, вернувшись, он увидел, что Билли стоит на коленях и плачет. Мэтью уложил его и дал еще немного воды с аспирином. Это было к вечеру, а Мэтью сам ничего не ел, кроме холодных консервированных помидоров. Но у него не было возможности разжечь костер: не было сухих дров.

До темноты он натянул навес, но ночь была ясной. Было тепло, и звезды горели ярко и далеко. Мэтью долгие часы следил за их вращением, время от времени успокаивая Билли и разговаривая с ним. Дважды он ненадолго засыпал; во второй раз его разбудил Билли, пытавшийся перебраться через него и убежать. Голова и глаза у него болели, все тело налилось свинцом. Что случится с Билли, если он тоже заболеет? Он покачал головой, пытаясь прояснить ее, прогнать боль. Он не должен заболеть.

Наступил рассвет, состояние мальчика не изменилось, он только стал еще слабее. Силы покидали его на глазах, и когда он начинал кричать, голос его звучал не громче шепота. Мэтью и сам чувствовал себя плохо. Он ничего не ел. Ему только хотелось спать, а он не мог уснуть: мальчик нуждался в нем. Утро прошло в каком-то кошмаре. День был ясный, становилось все

жарче. Мэтью отправился к ручью, чтобы освежиться; когда он подходил, ему показалось, что он видит наклонившуюся Эйприл. Воздух стал густым и тяжелым. Мэтью услышал кукушку, ее крик насмешливо бил по барабанным перепонкам. Он умылся, почти не сознавая, что делает, и отнес Билли мокрую тряпку.

В середине дня новый приступ лихорадки. Тело мальчика прогнулось в руках Мэтью; пульс бился пугающе часто. Мальчик тяжело дышал, язык у него распух и побелел меж сухих потрескавшихся губ. Все тело в то же время покрылось потом. Мэтью заставил его проглотить еще немного воды с аспирином. Больше он ничего не мог сделать, только держать в руках и время от времени вытирать лицо.

Мэтью был уверен, что мальчик умирает. Он вспомнил утро, когда впервые услышал его крик, выкопал его из-под развалин дома, и почувствовал страшную усталость. Все напрасно.

Он сказал себе, что мальчик сам пошел за ним, что он ничего не мог сделать. Он смотрел за ним, как мог. Наверно, было бы лучше, если бы Билли остался с Миллером или позже с Лоуренсом и Эйприл, но это не зависело от него.

Но он мог отказаться от своих фантазий. Мэтью смотрел на осунувшееся лицо мальчика и понимал: худшее обвинение против него в том, что он и не подумал это сделать. Он заботился о мальчике. Но он не любил его.

Он взял Билли за руку. Пульс по-прежнему частый и кажется нерегулярным. Все тщетно, и во всем виноват он. Мэтью лег рядом с мальчиком и обнял его...

Он находился в Гайд-Парке в холодный осенний день и кого-то искал. Искал того, кого любил, но потерял. Трава пожелтела, осенний ветер раздувал опавшие листья и бумажные обертки. Ужасно, что он не знал, где искать: куда ни повернет, всюду огромные пространства, где легко можно затеряться одинокой фигуре. И тогда он понял: Серпантин. Он видел на расстоянии его серые воды, и торопливо, почти бегом, направился туда. Но как он ни старался, озеро не приближалось. Несмотря на беспокойство и тревогу, он понял смехотворность этого: Алиса в Стране Чудес. А Эйприл рядом сказала: "Ты не туда идешь. Я презираю тебя за это, Мэтью". Он схватил ее за руку. "Ты можешь помочь мне найти ее! Можешь, если захочешь!" Она покачала головой. "Можешь!" - "Нужно смотреть в глаза действительности. Посмотрим". И они оказались у озера. В отдалении лодка с одинокой маленькой фигуркой на веслах. Уплывает, невозвратимо уплывает. Он закричал: "Джейн! Я здесь! Вернись! Не оставляй меня, Джейн!" Но лодка с Билли все удалялась и скрылась под аркой моста. Он в гневе обернулся к Эйприл, но ее тоже не было.

Проснувшись, Мэтью увидел неподвижную фигуру Билли и подумал, что все кончено. Он коснулся его лица, ожидая ощутить холод, но, к его удивлению, лицо было теплым - обычное тепло жизни. Температура спала, мальчик спал спокойно и мирно. Мэтью почувствовал радость и благодарность, вначале приглушенную, потом такую неистовую, что зазвенело в голове. Он осторожно, чтобы не разбудить Билли, положил руку ему на лоб. Температура нормальная.

День клонился к концу, солнечные лучи косо падали меж деревьев. Мэтью набрал дров и развел костер. Тут он заметил, что Билли проснулся и смотрит на него.

Он подошел к мальчику и спросил: "Как ты себя чувствуешь, Билли?"

- Хорошо, мистер Коттер. - Голос звучал слабо, но чисто.

-Я спал?

- Да. Хочешь поесть?

- Немного.

В подвале лежала большая кастрюля: должно быть, решили, что она слишком тяжела. Мэтью сварил похлебку, нарвал на огороде свежей зелени, накормил Билли и поел сам. Потом они сидели, глядя на огонь.

Билли спросил: "Как мы вернулись сюда, мистер Коттер? Я не помню".

- Я тебя принес.

- Мне кажется, я помню собаку. Но я не уверен. - Он посмотрел на навес, под которым они сидели. - А где Лоуренс и остальные? Когда они придут?

- Они не вернутся сюда, Билли. Ушли искать лучшее место. Более безопасное.

- Значит мы их не увидим?

- Почему же? Я думаю, они ушли в горы. Когда ты отдохнешь и окрепнешь, мы пойдем искать их.

- Мы их найдем?

- Почему бы нет?

- Было бы хорошо.

- Нужно поискать. Осталось не так уж много людей. Потребуется время, но в конце концов мы их найдем.

- Лоуренс говорил, что будет учить меня на врача.

- Да. Тебе лучше лечь. Чтобы быстрее вернуть силы, ты должен отдыхать. Отдыхать и есть побольше.

Головная боль и тяжесть в теле у Мэтью тоже прошли. Должно быть, просто усталость и беспокойство, а главное - ощущение тщетности. Все это прошло. У него есть цель. Есть о ком заботиться.

Во время выздоровления Билли Мэтью занимался подготовкой. Среди вещей в подвале он не нашел обуви нужного размера, только большего. Мэтью разрезал большие ботинки, взял молоток, гвозди и прибил подметки и каблуки к обуви Билли, используя как колодку куски металла и камня. Он учился в ходе работы и в конце концов произвел нечто вполне пригодное. Он надеялся, что ботинки выдержат недели две, а тем временем он подыщет что-нибудь получше. Он починил и свою обувь, а также выстирал и заштопал одежду.

Потом он попытался изготовить лук, о котором говорил с Лоуренсом. Стальные прутья лежали на месте, нашелся и моток нейлоновой веревки, из которой можно сделать тетиву. При помощи куска металла он попытался сделать насечки на концах прута. Но сталь оказалась тверже, чем он думал, и через несколько часов работы он убедился, что ничего не выйдет. Тогда он срезал ветку ясеня. Из нее получился неплохой лук. Он нарезал стрелы и затвердил их концы в огне. Позже он практиковался в

стрельбе, а Билли смотрел и аплодировал, когда он попадал в цель.

Затем начались сборы вещей в дорогу. Он много раз за те ужасные дни, когда нес Билли на спине, испытывал искушение бросить рюкзак, к котором лежал маленький мешок Билли. Но все же он сохранил рюкзак. Теперь Мэтью снова упаковывал мешки, выбирая наиболее ценные вещи. И на долгий срок. Если и есть надежда отыскать группу, то пройдет много времени - месяцы, может быть, годы. Нужно быть готовыми к долгому пути.

Погода ухудшилась. Два дня дождь стучал по навесу и капал с кустов в саду. Мэтью, глядя на Билли, решил, что мальчик достаточно окреп. Откладывать отправление больше нет смысла.

Вечером он оставил Билли готовить ужин, а сам пошел прогуляться. Ветер сдул розы с могил, только на одной лежало несколько лепестков. Мэтью сорвал свежие цветы и положил на место прежних. Потом пошел по той дороге, по которой они шли с Эйприл. Вот и дуб. Ветер не свалил его, дерево торчало под тем же странным углом. Что-то шевельнулось в ветвях. Белка. Можно ли есть белок? Если бы...

Смеющийся голос Эйприл:

- Если бы с тобой был твой лук!

- Почему бы и нет? Я, вероятно, промахнулся бы, но попробовать стоит.

- У тебя лук из плохого дерева, и стрелы никуда не годные.

- Я знаю. Но все это временно. Все временно. И будет по-другому, когда...

- Когда?

- Когда я найду тебя.

Смех стал жестким и резким.

- Ты все еще не отказываешься от иллюзий?

- Это не иллюзия. И он тоже хочет этого. Ему нужна ты и Лоуренс.

- Иллюзия. Та же иллюзия, что и раньше. Какая разница, если ты убедил и мальчика хотеть этого? Та же иллюзия, Мэтью. Я презирала тебя за это раньше и презираю сейчас.

- Твой голос в моем мозгу - иллюзия. Он станет реальностью, когда я найду тебя.

- И сколько ты будешь искать? Год? Два? До смерти? А мальчик? Какое наследство ты оставишь ему? Если он переживет эти годы блужданий и лишений?

Белка прыгнула на нижнюю ветку и сидела в нескольких футах от Мэтью.

- Отказаться от тебя?

- Не от меня. От меня ты отказался в тот вечер. От своих фантазий. Но я прошу слишком многого. Не правда ли, Мэтью?

Ночь он провел беспокойно и проснулся рано. Пока Билли спал, Мэтью собрал вещи и разжег костер для завтрака. Запах пищи разбудил мальчика. Он, зевая, выбрался из-под одеял.

- Мы уходим сегодня, мистер Коттер?

- Только позавтракаем.

- На север, в горы?

- Нет. На юг.

Мальчик удивленно взглянул на него.

Мэтью сказал: "По морскому дну. Мы возвращаемся на ост-
рова".

19

Билли указал на него, на востоке, на расстоянии в
несколько миль. Даже на таком расстоянии он выглядел гигантом,
скалы рядом с ним казались карликами.

- Дядя Мэтью, это танкер?

- Да.

- Как вы думаете, капитан еще там?

- Наверно.

На фоне бледно-голубого неба не было ни следа дыма, и
Мэтью старался вспомнить, видел ли он дым в прошлый раз. Ко-
нечно, тогда была плохая погода, и слабый дым мог остаться не-
замеченным. В конце концов работал лишь маленький запасной ге-
нератор. Возможно, что дым вообще нельзя увидеть.

Но когда кончится бензин, будет ли Скиопос по-прежнему
править своим обрушивающимся королевством - чистить, мыть,
полировать? Что он будет делать долгими вечерами, когда пе-
рестанет работать проектор? Смотреть с мостика в поисках ушед-
шего моря? Мэтью подумал об Эйприл с болью, но и с надеждой.
Он устроит Билли на острове с Миллером и другими... Что может
тогда помешать ему вернуться на большую землю? Сейчас
главное - безопасность и будущее Билли.

Билли сказал: "Хорошо, что мы идеи восточнее, дядя Мэтью.
Нам не нужно будет обходить грязь".
Мэтью посмотрел на лицо мальчика, все еще - после всего пережитого - детское, но быстро взрослевшее. Впервые после катастрофы он возблагодарил бога за то, что имел.
- Да, - сказал он, - мы немного отклонились к востоку.
Нет смысла останавливаться на Олдерни. Это сбережет нам несколько миль пути к Гернси.
- Хорошо будет вернуться.
- Там безопасно, - сказал Мэтью. - Нет бандитов.
- А из Франции?
- И оттуда тоже. Никто не захочет идти по морскому дну из-за того малого, что можно найти на островах.
Мэтью оглядел высохшую грязь, песок, голые скалы. Солнце блестело на полосках соли. Дно стало землей, но землей враждебной, негостеприимной. Она давала больше защиты островам, чем могло бы море.

Они нашли меньше бассейнов, чем на пути с острова: большинство, вероятно, высохло. В одном в теплой затхлой воде плавала животами вверх мертвая рыба. Позже им встретился ручей, и они дошли до истока - ключа, бившего из-под скалы. Эта вода была свежей и прохладной, даже холодной. Они освежили горячие тела, вылили воду из своей канистры и набрали новую.
Вскоре после этого им встретился еще один корабль. Это было грузовое судно меньше тысячи тонн, лежало оно на боку, поломанные надстройки склонились к северу. Мэтью решил, что его

бросила сюда большая волна: не пожоже, что оно побывало под водой. Они забрались на корабль и обнаружили скелет в изорваном синем джерси и брюках. Кости блестели, очищенные чем-то более острым, чем разложение. Мэтью заглянул в трюм и увидел метнувшуюся серую тень. Может, кто-нибудь из команды корабля выжил и, как там на танкере, покинул его. Крысы во всяком случае остались. Им здесь не грозила опасность, и пища пока была: запах из трюма свидетельствовал о том, что груз был съедобный.

Билли вскрикнул: "Смотрите!" - и Мэтью повернулся.

- Что?

- Кошка.

Он и сам увидел ее, пеструю кошку, возраста в 9-10 недель, осторожно пробирающуюся по наклонной палубе. За ней вторую, третью. Крысы питаются грузом, кошки - крысами. Сбалансированная экология, но ненадолго, пока не кончатся быстро уменьшающиеся ресурсы.

- Можно нам взять одну с собой? - спросил Билли

Мэтью улыбнулся. "Если поймаешь, возьми".

Он смотрел, как мальчик гоняется за кошками. Конечно, он не поймает ни одной, а если бы и поймал, то очень скоро пожалел бы об этом. За тысячелетия кошки так окончательно и не одомашнились, и теперь возвращение к дикости было быстрым и полным.

Когда они проснулись на следующий день, все было укутано туманом. С восходом солнца туман несколько рассеялся, и Мэтью подумал, что он совсем исчезнет, но ошибся. Время от времени можно было разглядеть бледный диск солнца за плывущими клуба-

ми. Этого хватало, чтобы помочь определить направление. Они прошли большое расстояние, главным образом по грязевым участкам. Мэтью решил, что это западное продолжение той грязи, которую они вынуждены были обходить на прежнем пути. И здесь иногда корка ломалась под их ногами, но гораздо реже. Недели высыхания сделали свое дело.

На ночь остановились на такой площадке и лежали, дрожа.

По крайней мере уже близко, думал Мэтью. На следующий день, если его расчеты правильны и туман поднимется, они увидят Олдерни.

А за Олдерни Джерси. Миллер будет доволен как их возвращением, так и сведениями о варварстве и разрушениях за пределами его королевства. Мэтью чувствовал покорность. Он вновь услышал голос Эйприл, теперь тихий и далекий, но мягкий, вся горечь из него исчезла. Место, где он может вырастить Билли, нечто вроде дома. Она одобряла это. Голос и внешность поблекнут, но он знал, что она останется с ним. Конечно, это потеря, но выносимая теперь.

Мальчик спал в его объятьях.

Туман не рассеивался до середины следующего дня. Перед этим они шли меж рифами из розового гранита, которые, если на них смотреть вверх, могли бы послужить основанием Гималаев. Море придало скалам странную форму; одно время они шли по узкому ущелью, выстеленному ярким песком, и голоса их возвращались эхом. Билли, обнаружив это, развлекался криками и слушал, как эхо замирало вдали. Но вот туман начал рассеиваться, поя-

вилось солнце, вначале белое, затем бледно-желтое. Рифы окрасились в радужные тона. Мэтью указал на один из них. "Сможешь взобраться? Может, разглядишь что-нибудь".

Билли начал подниматься. С вершины он крикнул: "Мне кажется, что Олдерни".

- Сейчас поднимусь.

Поднимаясь, Мэтью услышал, что Билли что-то говорит, но разобрал лишь слово "вода". Он продолжал подъем. Через 20 футов туман поредел, через 10 совсем исчез. Горячее золотое солнце, ярко-синее небо. Мэтью огляделся. В пяти милях к югу из белого моря вздымались скалистые вершины. Мэтью подумал, что узнает их, и посмотрел левее. Там был Олдерни, немного подальше. А вершины - это Каскет, кладбище "Белого корабля" и бесчисленного количества других судов.

- Прекрасно,- сказал Мэтью. - Идем к Каскету, а потом чуть юго-западнее, к Гернси. Завтра будем на месте.

- Мне кажется, я видел воду, - сказал Билли. - Туман немного разошелся, а потом снова сомкнулся.

- Может быть, бассейн.

- Очень большой.

Мэтью уже спускался. "Идем, Билли. Еще немного".

Озеро они увидели неожиданно, менее чем в миле к югу. Начался спуск, и вот оно, зелено-синее, с остатками тумана, цепляющимися за его поверхность. В ширину оно достигало трех четвертей мили, но впечатляла его длина. Озеро уходило в обоих направлениях за горизонт.

Билли спросил: "Это море, дядя Мэтью?"

Это могло быть только одно. Мэтью ответил: "Не море.

Щель. Углубление в дне пролива. Когда земля наклонилась, здесь осталась вода".

- Мы обойдем ее?

- Так лучше. Нам не переплыть.

Билли смотрел на воду. "Куда же идти?"

Мэтью пытался вспомнить виденную некогда карту. Щель тянется на север к Олдерни и, может, немного восточнее. Она очень длинная, больше 70 миль. Он решил, что лучше всего все же направиться к Олдерни. Там можно провести ночь, а утром идти к Гернси.

- На восток, - сказал он. - Идем на восток, Билли.

Обход оказался длиннее, чем он ожидал. Им пришлось пройти не менее десяти миль до конца озера, лишь потом они смогли обогнуть его и двинуться на юго-запад, к острову. Мэтью размышлял о размерах озера. Такое огромное количество воды, сравнимое с Женевским озером, будет высыхать годы и десятилетия, если вообще высохнет. Оно может пополняться. И в нем, несомненно, есть рыба. Он думал, обнаружил ли это Миллер. Можно построить лодку, сплести сети...

Голос изумил его. Он считал, что вокруг на 30 миль никого нет.

- Мистер Коттер! Билли!

Не веря своим ушам, Мэтью оглянулся и увидел, как из-за скалы появилась маленькая рыжеволосая фигура. Билли закричал: "Арчи!" и побежал. Они встретились и обнялись.

Поверх головы Билли Арчи сказал: "Я услышал ваши голоса... Не знал, кто это, и решил спрятаться. Я и не подумал, что это можете быть вы, мистер Коттер".

Мэтью смотрел на него. Сон? Но лохматая рыжая борода, морщинистое обезьянье лицо совершенно реальны.

- Ради бога, Арчи, как вы здесь оказались?

- Рыбачу. - Рядом с ним стояло ведро, он открыл крышку и показал. - Поймал четыре больших рыбы.

- Но я думал, что вы ушли на север.

- Они говорили об этом, Эйприл и Лоуренс. Решили, по вашим словам, что эта часть лучше. Спокойнее, знаете. Они были правы. - Он указал на остров в нескольких милях. - Там куры, а здесь, в озере, рыба. Я люблю рыбачить, мистер Коттер. Лоуренс велел мне идти за рыбой. Это хорошее место.

Уже давно Мэтью не помнил, чтобы его охватывала такая радость. Он обнаружил, что идиотски улыбается.

- Остальные тоже там, на острове? Все?

- Конечно, - сказал Арчи. Он тоже улыбнулся открытой улыбкой. - Они будут рады вас увидеть.

Солнце садилось, но ему еще оставался долгий путь до горизонта. Стоял безоблачный летний день, и ему на смену придут другие такие же.

- Да, - сказал Мэтью, - прекрасное место.